

Александр Александрович Бушков

Призрак Золотой орды

Александр Бушков

Призрак Золотой орды

Крещение Руси: сплетение загадок

Змея и летопись

В детстве, с почтением раскрывая исторические книги, я искренне полагал, что работа ученого-историка выглядит примерно следующим образом. В тихом архиве, где говорят шепотом из уважения к следам минувших веков и ходят в мягких тапочках, стоят полки, помеченные ярлычками: «XI век», «XII»... и так далее. На каждой полке лежат документы, написанные именно в том самом времени, которым датированы. Задача же ученого – трудолюбиво овладев древнеславянским, прочитать сии раритеты, переложить их на современное наречие и явить миру.

Впрочем, кое-кто, пребывая в зрелых годах, и сейчас именно так полагает. Проверено на опыте. Люди склонны полагать, не вдаваясь в тонкости, что основой для крайне безапелляционных суждений историков, для указания точных дат и навешивания тех или иных эпитетов послужило нечто достовернейшее.

Меж тем в жизни – и в науке истории – обстоит как раз наоборот. Летописи, привычно относимые, скажем, к XII веку, на самом деле оказываются либо позднейшими копиями, либо, что еще печальнее, плодами компиляции, а то и самостоятельного творчества какого-нибудь книжника, полагающего, что ему, высокому, известно о тех или иных событиях прошлого гораздо больше, чем непосредственным участникам этих событий, оставившим воспоминания. И не подумайте, что я преувеличиваю. В следующих главах мы еще столкнемся с многочисленными случаями, когда историк двадцатого столетия не допускающим возражений тоном заявляет: «Летописец ошибается...» Вот так – ни больше, ни меньше. Из двадцатого века виднее.

Летописцы, конечно, были живыми людьми, а потому могли ошибаться, что частенько и делали. Однако это еще не дает ни малейшего повода современным историкам впадать в другую крайность – объявлять святой истиной лишь одну версию из множества, лишь одну старинную хроника, отвергая остальные, которые иногда крайне многочисленны, но, вот незадача, напрочь опровергают чью-нибудь концепцию. С концепцией, конечно, расставаться трудно – ее пестуешь, холишь и лелеешь, к ней привыкаешь. И все же...

Простой пример. Князь Олег, тот самый, которому посвящена «Песнь о Вещем Олеге», умер, как принято считать, при весьма загадочных обстоятельствах: «...гробовая змея, шипя, между тем, выползала...»

Упоминания о том, что князь умер от укуса змеи, в летописях имеются. Однако мне, как детективу-любителю (сталкивавшемуся к тому же со змеями при работе в тайге), представляется крайне сомнительным, что вышеозначенная змея смогла прокусить сапог из грубой кожи. Не по плечу такой подвиг стандартной русской гадюке, в буквальном смысле – не по зубам. Быть может, наиболее близка к истине, как ни возмутит это эстетов от академической истории, версия, выдвинутая авторами журнала «Сатирикон», написавшими до революции пародийную «Русскую историю»: когда князь Олег потребовал у волхвов финансового отчета о суммах, выделенных им на содержание любимого коня, волхвы вместе с князем отправились на холм, а оттуда возвратились уже без него, туманно поясняя что-то насчет «гробовой змеи»...

Это, конечно, шутка. Вернемся к вещам серьезным – русским летописям, повествующим о дате смерти князя Олега и месте его последнего упокоения. Так вот, Лаврентьевская летопись сообщает, что произошло это в 912 г., а похоронен князь во граде Киеве на горе Щековице. Чему противоречит Новгородская летопись, уверяющая, что преставился князь Олег... в 922 г. в городе Ладоге, где и похоронен.

Вот так. Обе летописи, несомненно, подлинны, что окончательно запутывает дело: практически невозможно установить, какой из документов отражает реальную дату и место княжеского погребения. Отсюда следует многозначительный вывод: нет никаких оснований в подобной ситуации безоговорочно отвергать один документ и столь же безоговорочно верить второму. Очень прошу читателя хорошенько запомнить этот тезис: в дальнейшем им не раз придется руководствоваться...

Как была крещена Русь?

Вопросительный знак здесь появился отнюдь не случайно. Классическая версия этого эпохальнейшего события известна давно: княгиня Ольга приняла крещение по обряду византийской церкви в Константинополе, где византийский император, плененный ее красотою, поначалу предложил киевской княгине стать его супругой, но хитрая Ольга заявила: поскольку-де император стал ее крестным отцом, жениться на крестной дочери ему, императору, невместно. Император устыдился и отступился. Ольга вернулась в Киев. Сын ее Святослав не проявил никакого желания последовать примеру матери и остался язычником, как и его сын, знаменитый Владимир. Лишь впоследствии, когда уже не было в живых ни Ольги, ни Святослава, ни Владимиров брата христианина Ярополка (которого убили как раз люди Владимира), Владимир вызвал в Киев мусульман, иудеев, римских христиан, византийских христиан и, выслушав аргументы каждого в защиту своей веры, остановился на византийском православии...

Эта каноническая версия основывается на одном-единственном источнике: так называемой «Повести временных лет», и самой жуткой ересью в ученых кругах считается, ежели кто дерзнет в подлинности данной «Повести» усомниться – либо усомниться в ее датировке (принято считать, что «Повесть» закончена мудрым летописцем Нестором в 1106 г.).

Лепо же нам будет, братие, начать подробный разбор сего...

Начнем с Несторова труда. Первым в России изучением «Повести временных лет» занялся ученый немец Август Людвиг Шлецер (1735-1800), историк и филолог, пребывавший на русской службе в 1761-1767 гг. и выбранный почетным иностранным членом Петербургской Академии наук. Но интерес для нас должны представлять не собственно Шлецеровы изыскания, а то, что он пишет о деятельности русского историка и государственного деятеля В.Н. Татищева (1686-1750):

«В 1720 г. Татищев был командирован в Сибирь... Тут он нашел у одного раскольника очень древний список Нестора. Как же он удивился, когда увидел, что он совершенно отличен от прежнего! Он думал, как и я сначала, что существует только один Нестор и одна летопись. Татищев мало-помалу собрал *десяток* списков, по ним и сообщенным ему другим вариантам составил одиннадцатый...»

Любопытно, не правда ли? Оказывается, двести лет назад еще существовал *десяток* разнившихся меж собой «летописей Нестора» – да вдобавок некие «другие варианты»... Сегодня от всего этого многообразия остался один-единственный канонический текст – тот самый, о котором нам велено думать, что он написан в 1106 г. и является единственно правильным...

Что еще любопытнее, Татищеву так и не удалось опубликовать результаты своих трудов. В Петербурге по поводу напечатания возникли «странные возражения» (определение Шлецера). Татищеву прямо заявили, что его могут заподозрить в политическом вольнодумстве и ереси. Он попытался издать свой труд в Англии, но и эта попытка успехом

не увенчалась. Более того – рукописи Татищева впоследствии исчезли. А приписываемая Татищеву «История», как указывалось еще в начале XIX века академиком Бутковым, представляла собой не татищевский подлинник, а весьма вольное переложение, практически переписанное небезызвестным Герардом Миллером, немцем на русской службе: «История» Татищева издана не с подлинника, который потерял, а с весьма неисправного, худого списка... При печатании сего списка исключены в нем суждения автора, признанные вольными, и сделаны многие выпуски».

Можно еще добавить, что сам Татищев совершенно не доверял «Повести временных лет», о чем написал прямо: «О кнезех русских старобытных Нестор монах не добре сведом бе».

Что позволило Татищеву сделать столь безапелляционное заявление? В точности неизвестно. «Другие варианты» Нестора исчезли, как бумаги Казанского и Астраханского архивов, в которых работал Татищев...

Однако не стоит опускать рук – не все, но многое удастся восстановить косвенным образом.

Поездка Ольги в Константинополь действительно имела место. Сомневаться в этом не приходится по одной-единственной, но чрезвычайно веской причине: существует официальное описание приема Ольги при дворе, «De Geremoniis Aulae Bizantinae», – и труд этот принадлежит авторитетнейшему свидетелю, самому византийскому императору Константину VII Багрянородному. В самом деле, в 957 г. император со всем почетом принимал киевскую княгиню. Вот только стать ее крестным отцом никак не мог – поскольку пишет черным по белому, что Ольга *уже* была христианкой! И в свите княгини находился ее духовник!

Кстати, была весьма прозаичная причина, по которой Константин никак не мог предлагать Ольге руку и сердце – к ее приезду он уже пребывал в законном браке...

Поистине, начинаешь верить Татищеву, что старец Нестор был «не добре сведом»!

Не верить императору Константину нет никаких оснований. В те времена языческая Русь доставляла Византии немало хлопот и беспокойства своими частыми набегами, после которых гордые ромеи выплачивали славянам немалую дань. Можно не сомневаться: принятие Ольгой крещения в Константинополе от византийцев было бы по любым критериям столь ошеломительным дипломатическо-политическим успехом Византии, что о нем следовало не просто упоминать – громогласно сообщить всему остальному миру.

Однако ж не сообщили. Честно написали, что Ольга приехала уже крещеной...

Кто же ее крестил? И когда? Наконец, почему мы решили, что Ольга была крещена по *византийскому* обряду? Быть может, наоборот, по «латинскому», то есть римскому?

Я уже вижу, как сжимаются кулаки и слышу, как скрежещут зубы ревнителей православного варианта. Однако, вопреки устоявшемуся мнению, не склонен полагаться на него только потому, что оно устоявшееся. В конце концов, столетиями верили устоявшемуся мнению, что Земля вращается вокруг Солнца...

Оказывается, давно уже существует предположение, что Ольга и в самом деле приняла крещение в Киеве в 955 г. Оказывается, в Киеве к тому времени уже стояла церковь святого Ильи (чья принадлежность константинопольской патриархии до сих пор не доказана). Оказывается, согласно западноевропейским хроникам, в 959 г. послы Ольги прибыли к германскому императору Оттону, **ПРОСЯ О НАПРАВЛЕНИИ НА РУСЬ ЕПИСКОПА И СВЯЩЕННИКОВ!** Просьбу приняли, и в следующем 960 г. некий монах Сент-Альбанского монастыря был рукоположен в епископы Руси, но в Киев не смог прибыть, поскольку заболел и умер.

В том же году в епископы Руси был рукоположен монах монастыря Св. Максимиана в Трире Адальберт – и добрался до Киева. Правда, уже через год ему пришлось покинуть русские пределы.

Почему? Сторонники «несторовщины» не в силах опровергнуть сам приход Адальберта на Русь (ибо об этом пишут не только западноевропейские, но и русские хроники), однако

объявили его отъезд «неприятием русскими папезского гостя». То есть – еще одним аргументом в пользу «византийской» версии Ольгиного крещения.

Меж тем отъезд Адальберта из Киева можно истолковать и по-другому. Возможно, дело было не в том, что Адальберт пришел от папы, совсем не в том... В конце концов, в те времена единая христианская церковь еще не раскололась на православную и католическую, а потому мы с полным правом можем заключить, что яростные выпады несторовской «Повести» в адрес папистов как раз и объясняются тем, что «Повесть временных лет» написана веке в шестнадцатом, когда противостояние и впрямь стало непримиримым. А в храме Святой Софии, построенном в Киеве в XII в., мозаичное изображение Римского Папы Климента преспокойно соседствовало с образами Григория Богослова и Иоанна Златоуста...

Адальберт мог покинуть Киев по причинам, как выразились бы мы сейчас, организационного характера. Историк М.Д. Приселков полагал, что Адальберт был направлен в Киев с ограниченными полномочиями – русская церковь должна была быть организована как простая епархия, то есть подчинявшаяся непосредственно германскому духовенству. Ольга же вполне могла потребовать, чтобы киевская церковь стала диоцезом – автономной единицей под руководством автономного епископа или митрополита. Во всяком случае, именно эти требования в свое время выдвигали принявшие христианство от Рима владетели Польши и Чехии – и после долгой, сложной борьбы добились своего. Ольга просто-напросто могла последовать их примеру. Но – не договорились. Адальберту пришлось уехать в спешке. Впоследствии его отъезд истолковали как «неприятие» Киевом «римского варианта».

А было ли таковое неприятие? Позвольте усомниться...

О Константине и Мефодии

Распространение христианства на Руси неразрывно связано с именами двух братьев-просветителей – Кирилла и Мефодия. Именно они составили кириллицу – новую азбуку, пришедшую на смену старым славянским письменам, и эта азбука из Моравии и Чехии попала на Русь. Разумеется, давно принято именовать братьев «православными византийского обряда»...

Однако все было несколько иначе. Во-первых, по логике азбуку следовало бы именовать не кириллицей, а константиницей – потому что брат Мефодия именовался как раз Константином, а имя Кирилл принял незадолго до смерти, уйдя в монастырь. К тому времени новая славянская азбука давно была им совокупно с братом составлена...

Во-вторых, вся жизнь и деятельность братьев свидетельствуют о том, что они в первую очередь были посланцами *Рима*. Судите сами.

Сначала Константин и Мефодий и в самом деле жили в Константинополе и были пока что не священниками, а учеными книжниками-мирянами. В 862 г. князь Ростислав, правивший Великой Моравией, прибыл к византийскому императору Михаилу и поведал ему, что Моравия отреклась от язычества, стала соблюдать христианский закон, но не имеет учителей, которые проповедовали бы христианскую веру на славянском языке.

Тогда-то император и поручил ученым братьям ответственную миссию. Составив новую азбуку, Константин с Мефодием прибыли в Моравию и более трех с половиной лет проповедовали там христианство, распространяя Священное Писание, начертанное той самой кириллицей (константиницей).

После чего намеревались вернуться в Константинополь... но, встретив в Венеции папского гонца, приглашавшего их в Рим, последовали за ним. Именно в Риме папа Адриан II рукоположил братьев в сан священников! Сохранилось письмо папы моравским князьям Ростиславу, Святополку и Коцелу, где, в частности, говорится: «Мы же, тройне испытав радость, положили послать сына нашего Мефодия, рукоположив его и с учениками, в Ваши земли, дабы учили они Вас, как Вы просили, переложив Писание на Ваш язык, и совершали бы полные обряды церковные, и святую литургию, сиречь службу Божью, и крещение,

начатое Божьей милостью философом Константином».

О вражде меж западной и восточной церковью пока что нет и речи – в том же послании Адриан именуется византийского императора «благочестивым». Есть еще одно многозначительное упоминание: Константин и Мефодий, отправляясь в Моравию, заранее знали, что эти земли относятся к «апостольскому», то есть *римскому* канону. А потому ни в малейшей степени не отклонялись от римских канонов. И найденные ими мощи святого Климента отвезли не в Константинополь, а в Рим.

Остается лишь добавить, что впоследствии папа сделал Константина епископом, а также специально восстановил для Мефодия Сремскую митрополию.

Итак, в конце IX века в славянских землях с благословения римского папы трудами Константина и Мефодия распространялось христианство апостольского, т. е. римского, канона. Распространялось среди ближайших соседей Руси – родственников ей славян. Может быть, именно отсюда и берет начало и появление в Киеве христианских церквей, и крещение Ольги? А Константинополь здесь и вовсе ни при чем? Лишь впоследствии, когда между Римом и Константинополем отношения испортились напрочь и дело дошло до взаимного анафемствования, летописцы вроде Нестора (жившего, скорее всего, в XV или XVI веках) постарались на совесть, чтобы вымарать все «крамольные» упоминания о крещении, первоначально принятом от посланников Рима...

Есть еще одно косвенное доказательство. Наличие в нашем Священном Писании Третьей Книги Ездры, которая присутствует лишь в Вульгате (Библии на латыни) – но не в греческом и еврейском вариантах Писания. Это доказывает: первые переводы Библии на старославянский язык были сделаны именно с Вульгаты, то есть с Библии *римского* канона. Да и календарь – основа богослужения – на Руси был принят не византийский, а как раз латинский. Названия месяцев латинские, а не ромейские, и началом года считался не сентябрь, как у греков, а март – как на Западе...

Интересно, есть ли западноевропейские источники, подтверждающие сию еретическую гипотезу?

Представьте себе, есть. Вот что сообщает хроника францисканского монаха Адемара (XII век):

«У императора Оттона III были два достопочтеннейших епископа: святой Адальберт и святой Брун. Брун смиренно отходит в провинцию Венгрию. Он обратил к вере провинцию Венгрию и другую, которая называется Russia. Когда он простерся до печенегов и начал проповедовать им Христа, то пострадал от них, как пострадал и святой Адальберт. Тело его русский народ выкупил за дорогую цену. И построили в России монастырь его имени. Спустя же немного времени пришел в Россию какой-то епископ греческий и заставил их принять обычай греческий».

Поездку Бруна к печенегам российская историография, скрепя сердце, признает. Однако все остальное, написанное Адемаром, современные ученые мужи опровергают по избитой методике: «летописец заблуждался». Из двадцатого века виднее. Нестора *положено* считать правдивейшей личностью под солнцем. Адемара *положено* считать невеждой, переложившим на бумагу недостоверные сплетни и непроверенные слухи. Нестор ложится в концепцию, Адемар же категорически неудобен...

Так и живут. Присочинив попутно, что княгиня Ольга сожгла град Коростень... реактивными снарядами, полученными от византийцев. Доказательством служит как раз то, что ни единого упоминания об этом в византийских документах нет – значит, конспирация была строго соблюдена...

Смерть на Днепре

Многие историки давно уже соглашаются, что убийство князя Святослава печенегами у днепровских порогов – история гораздо более сложная и загадочная, чем официальная версия, согласно которой Святослав, возвращаясь после войны с ромеями, чисто случайно

напоролся на превосходящие силы степняков. Так что здесь я не открываю никаких Америк. Пока...

История, в самом деле, загадочная и грязненькая. Судите сами. После продолжавшихся два месяца схваток у болгарской крепости Доростол Святослав заключил с византийским императором Иоанном Цимисхием, в общем, довольно почетный мир. И поплыл с дружиной в Киев поздней осенью. Согласно летописям, русским стало известно, что у порогов печенеги устроили засаду...

И вот здесь что-то происходит! Что-то, навсегда оставшееся загадкой. *Большая* часть дружины с воеводой Свенельдом во главе уходит в Киев по суше, степью – и благополучно добирается до города!

Что касается князя Святослава, он вдруг начинает вести себя более чем странно. С меньшей частью дружины остается... зимовать то ли на берегу, то ли на одном из днепровских островов. Зима выдалась лютая, еды почти нет, летописцы подчеркивают, что русские бедствовали несказанно: «...по полгривны платили за конскую голову, врагом были болезни». Весной Святослав, даже не пытаясь пройти степью, по которой благополучно ушел Свенельд, вновь плывет по Днепру. Печенеги, что странно, отчего-то зимовали здесь же – они по-прежнему подстерегают князя. И убивают...

Странностей выше допустимого. Почему Святослав не ушел в Киев степью? Означает ли уход Свенельда, что в русском стане произошел *раскол*? Почему печенеги столь упорно ждали несколько месяцев? В истории вроде бы не отмечены какие-то действия Святослава, внушившие печенегам непреодолимое желание за что-то отомстить князю...

Темная история. И потому ее не единожды называли «заказным убийством». Полное впечатление, что Святослав прекрасно понимал: в Киев ему идти *нельзя*. Почему? Что там могло случиться?

Поначалу во всем вину вили византийцев, якобы подкупивших печенежского кагана Курю. Однако впоследствии было блестяще доказано: ромеям просто не хватило бы времени организовать довольно сложную операцию. Не успели бы они снести с печенегами...

Тогда? Покойный Л.Н. Гумилев предложил довольно изящно построенную версию. Согласно ей, заговор против Святослава был затеян старшим сыном Святослава Ярополком, стоявшим во главе киевских христиан. Другими словами, набиравшая силу христианская партия таким образом отделалась от одного из самых влиятельных своих противников. Благо под рукой имелся киевский воевода Претич, несколькими годами ранее ставший побратимом печенежского кагана Кури – он, скорее всего, и стал «связником» [48].

Косвенным подтверждением этой версии служит Иоакимовская летопись, где смерть Святослава объявлена Божьей карой за то, что князь в 971 г. расправился с киевскими христианами и велел разрушить некую церковь.

Вообще-то, Иоакимовская летопись давно признана компилятивным источником, составленным в XVII веке, которому «доверять без проверки нельзя» (академик Б. Рыбаков). Сам академик считал, что доказательством является постамент языческого бога в центре Киева, который «был вымощен плинфой и фресками христианского храма, разрушенного до 980 г.» [168].

Правда, приведенное академиком Рыбаковым «доказательство» свидетельствует лишь о том, что христианский храм был некогда разрушен, но никак не о том, что в разрушении повинен князь Святослав...

Читатель вправе недоуменно воскликнуть: «Позвольте! Ведь достоверно известно, что Святослав, не в пример матери Ольге и старшему сыну Ярополку, был приверженцем язычества!»

Верно, известно. Из рукописи Нестора. Но в последние годы появились свидетельства, заставляющие снова вспоминать о характеристике, данной Нестору Татищевым...

В вышедшей недавно книге «Империя» московские математики Носовский и Фоменко, известные интереснейшими работами на тему «новой хронологии», привели большие отрывки из книги Мауро Орбини, посвященной славянской истории. Книга эта впервые

издана в 1601, и ее автор, «архимандрит Рагужский», основывался на огромном количестве средневековых источников, просто-напросто не дошедших до нашего времени [139].

Кстати, лично я не согласен с Носовским и Фоменко в том, что определение «архимандрит Рагужский» связывает личность Орбини с балканским либо итальянским городом Рагуза. Право на существование имеет и другая версия: Орбини был *австрийцем*. Слово «рагужский» вполне могло означать искаженное «ракусский» – то есть «австрийский». В старых русских книгах титулом «арцыкнязь ракусский» именуется германский император Максимилиан, и в самом деле имевший среди подвластных ему земель и Австрийское герцогство. А в современном чешском и словацком Австрия так и называется – «RAKOUSKO»...

Но вернемся к Святославу. В книге Орбини мне попалась прелюбопытнейшая строка: «После смерти Ольги правил ее сын Святослав, ШЕДШИЙ ПО СТОПАМ МАТЕРИ В БЛАГОЧЕСТИИ И ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЕ».

Каково? Это означает, что в прошлом, кроме навязшего в зубах «Нестора» существовали и другие источники, рассматривавшие князя Святослава несколько иначе, нежели «несторовцы». Какой еще вывод можно сделать из выше приведенной цитаты?

В самом деле, получалось несколько странно: мать Святослава – ревностная христианка, старший сын – ревностный христианин, зато сам он – язычник... Режьте мне голову, но здесь присутствовала некая психологическая нестыковочка.

Если сообщение Орбини правдиво (а какие у нас основания априорно считать его ложным, отдавая предпочтение Нестору?) и князь Святослав был христианином, события на Днепре можно истолковать несколько иначе...

Святослав остается зимовать на Днепре, потому что прекрасно сознает грозящую ему из Киева угрозу, но исходит эта угроза не от христианской партии Ярополка, а от языческой Владимира. К каковой принадлежит и бросивший Святослава Свенельд, и, возможно, Претич. В Киеве готовится антихристианский переворот, а потому Святослава, как ревностного и влиятельного сторонника христиан, необходимо убрать...

И убирают – руками печенегов. Имя их кагана присутствует в разных толкованиях – Куря, Курей, Кур... Интересно заметить, что в тюркском языке есть слово «Кур», которым принято называть одноглазого, потерявшего один глаз в результате травмы либо бельмастого. Быть может, «люди кагана Кури» на самом деле «банда Кривого»?

Кстати, некоторые источники уверяют, что Святослав был убит не на *берегу* Днепра, а на острове Хортица. Согласно свидетельству уже упоминавшегося Константина Багрянородного, на этом острове, у огромного дуба, русы-язычники совершали свои жертвоприношения, убивая живых петухов. Работы современных археологов это сообщение вполне подтверждают.

Интересно, есть какая-то связь между насильственной смертью *христианина* Святослава *языческим* святилищем, расположенным поблизости от места убийства князя? Быть может, неслучайно его кровь пролилась именно на Хортице? Жертвоприношение?

И, наконец, есть летопись, где прямо сказано, что Святослав не запрещал своим людям креститься – «не бороняше»...

Все последующие события без малейшей натяжки укладываются в гипотезу о *христианине* Святославе. Владимир убивает брата, христианина Ярополка. И устраивает в Киеве знаменитое языческое святилище, о котором написано слишком много (а посему не стоит цитировать здесь бесспорные источники). Возможно, именно по приказу Владимира (даже наверняка – в рамках *нашей* версии) была разрушена та христианская церковь, чьи камни и фрески легли в постамент грандиозного языческого капища.

Кому понадобилось превращать Святослава в закоренелого язычника, догадаться легко. Впоследствии, когда во множестве стали сочиняться апологетические описания «жития святого Владимира», христианин Святослав стал словно бы и неудобен. Главная заслуга в крещении Руси должна была достаться именно Владимиру. Тогда-то, надо полагать, цензорские ножницы и прошлись по летописям, не укладываясь в официальный канон.

Всякие упоминания о первоначальном принятии Русью крещения от посланцев Рима были изничтожены (правда, руки коротки оказались, чтобы дотянуться до западноевропейских документов, вроде хроники Адемара). Фигура упорствующего в своих языческих заблуждениях Святослава как нельзя лучше оттеняла светлый образ Владимира Крестителя. Подозреваю, правщики истории с величайшей охотой проделали бы ту же метаморфозу с княгиней Ольгой. Однако тут уж приходилось соблюдать минимум приличий – слишком много было свидетельств о ее принадлежности к христианству, а прах княгини покоился в Десятинной церкви, откуда удалить его было бы трудновато. Зато Святослав, погибший где-то далеко, как нельзя лучше подходил на роль «защитника язычества», благо протестовать было некому. А вероломное убийство Ярополка... Некий историк объявил князя «злопамятным и завистливым». Не объясняя, понятно, на основании чего пришел к такому выводу. Главное, злопамятного и завистливого словно бы и не жалко.

Интересно, настанет когда-нибудь момент, когда не келейно, а с широким оглашением воздадут должное памяти христианского мученика Святослава, павшего от руки язычников за веру? Или по-прежнему будет торжествовать «несторовщина»?

И пришли миссионеры...

Чтобы должным образом оценить «правдивость» летописи Нестора «Повести временных лет», а также доказать, что она никоим образом не могла быть составлена в 1106 г. (году в 1606, а то и позже – так будет гораздо вернее), подробно рассмотрим один из ключевых эпизодов сего творения: рассказ о событиях, якобы происшедших перед принятием Владимиром христианства.

По Нестору, сначала к Владимиру один за другим, словно по некоему предварительному сговору (совершенно невозможная вещь!), являются некие посланцы, исповедующие ту или иную веру: мусульмане, «немцы из Рима», евреи и греки. Начинает мусульманин:

«И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?» Они же ответили: «Веруем богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами». И далее сообщают князю: оказывается, и в этой, земной, жизни можно «невозбранно предаваться всякому блуду» [173].

Каково? Вы можете себе представить ревностного миссионера, который в проповеди перед язычниками упирает главным образом на то, что его вера позволяет «невозбранно предаваться всякому блуду»? Лично я как-то не в состоянии. Либо миссионер этот – законченный дурак и развратник (а отправят ли такого в столь ответственную миссию?), либо вся эта история выдумана от начала и до конца гораздо *позже* описываемых событий, когда неприязнь меж православием и мусульманством достигла высокого накала (чего просто не могло быть в X веке нашей эры).

С «немцами из Рима» дело обстоит еще анекдотичнее. В защиту своей веры они, согласно Нестору, оказались способны промямлить одну-единственную косноязычную фразу: «Пост по силе; если кто пьет или ест, то все это во славу Божию, как сказал учитель наш Павел».

Брешет, конечно, наш «очевидец» – как сивый Нестор... Но интерес для нас должны представлять не те глупости, что Нестор вложил в уста «немцам», а само употребление этого слова – «немцы», неопровержимо доказывающего, что «Повесть» сочинена не ранее шестнадцатого столетия. Именно в то время вошло в употребление в России слово «немец», служившее для обозначения любого западноевропейца. В Средневековье на Руси западноевропейцев называли совершенно иначе: «фрязы» либо «латины». Для примера: в 1206 году, узнав о взятии крестоносцами Константинополя, русский летописец заносит эту новость на скрижали в следующем виде: «...Царьград завоеван и частью сожжен Фрягами, или *Латинами*». И подобных примеров – множество...

Вслед за магометанами и «немцами» испытать на себе убийственное остроумие князя

Владимира настал черед иудеев. «Владимир спросил их: «А где земля ваша?» Они же сказали: «В Иерусалиме». Снова спросил он: «Точно ли она там?» И ответили: «Разгневался бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам, А ЗЕМЛЮ НАШУ ОТДАЛ ХРИСТИАНАМ».

Я не зря выделил последние слова. Именно в них и кроется ахиллесова пята «Повести». Согласно датировке, которая, в общем, сомнению не подвергается, этот интересный разговор происходил в 986 году от Рождества Христова.

То есть в те времена, когда в Иерусалиме, на землях бывшего еврейского государства, не было никаких христиан! Первые крестоносцы появились в Палестине лишь сто с лишним лет спустя после описываемых событий – в 1096! Вывод: «Повесть» написана не ранее конца одиннадцатого – начала двенадцатого столетия (а согласно тому, что выше говорилось о слове «немцы», – и того позже).

Потом, разумеется, приходят греки и закатывают речь на дюжину страниц, после которой Владимир, естественно, именно им и отдает предпочтение. Но приключения на этом не кончаются: Владимир отправляет «мужей славных и умных, числом десять», чтобы побывали в мусульманских землях, у «немцев» (!), а также посмотрели, как молятся богу греки в Царьграде. Славные и умные мужи добросовестно съездили к болгарам-мусульманам (не понравилось, понятно), потом побывали «у немцев» (с тем же результатом), и, наконец, оказались в «Греческой земле». Откуда вернулись очарованными, о чем и доложили князю в крайней степени восхищения: «И ввели нас туда, где служат они богу своему, и не знали – на небе или на земле мы, ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как рассказать об этом».

Делайте со мной что хотите, но я твердо уверен, что Нестор – поганый русофоб. Иного определения для него и не подберешь. Надо очень не любить своих земляков, чтобы представить их полными и законченными дикарями, только вчера слезшими с деревьев и не без труда оторвавшими у себя хвосты... По Нестору, киевляне в 986 году от Рождества Христова были некими тупыми существами с девственно чистыми мозгами. Они впервые услышали о существовании мусульманства, иудаизма, «немецкой веры», они понятия не имели о церковных службах по православному канону – и, угодив в совершенно незнакомую им «землю Греческую», предстали папусами, разинувшими рты перед сверкающими бусами...

К счастью, *реальная* история выглядела совершенно иначе. К концу X века русские уже достаточно долго общались с волжскими мусульманами-болгарами, а следовательно, должны были составить некоторое представление об исламе. А христианство, как мы помним, давно пустило в Киеве глубокие корни, и церкви там существовали еще до Владимира, так что для ознакомления с «греческой верой» не было нужды отправлять «славных мужей» в далекий Царьград, расходуя казенные денежки...

Один мой знакомый, ознакомившись с этой историей, высказал циничное предположение: по его мнению, «десятеро славных мужей» преспокойно промотали командировочные денежки, отсиживаясь где-то в Киеве, а нужные сведения почерпнули, вовсе не выезжая из стольного града. Как же иначе, если церковь византийского обряда в те времена преспокойно существовала в Киеве?

Это, конечно, шутка – *наши* представления о десятом веке. Вряд ли в те времена удалось бы отколотить такой номер. Вся история с прибытием миссионеров разных религий и «путешествии десяти славных мужей» вымышлена Нестором от начала до конца. Плохо только, что на творение сего блудливого пера до сих пор принято ссылаться как на бесспорную истину. Вот вам мнение академика Б.А. Рыбакова: «Историко-географическое введение Нестора в историю Киевской Руси, написанное с небывалой широтой и достоверностью, заслуживает полного доверия с нашей стороны».

Насчет широты, мне представляется, почтенный академик совершенно прав. Но вот каким волшебным образом он проверил «небывалую достоверность» Несторовых творений, остается тайной за семью печатями. Лично для меня, по крайней мере. Как ни ломал голову,

не смог определить: на основании каких источников Нестор утверждает, что «от Адама до потопа прошло 2242 года»...

Гораздо больше мне нравится высказывание нашего знаменитого историка Д. Иловайского, написавшего однажды по поводу одного особо выдающегося Несторовского пассажа: «Тут видим совершеннейшую бессмыслицу». В яблочко...

О бедных хазарах замолвите слово...

Пожалуй, больше всего оскорблений российская историография высказала в адрес хазар. Остальных южных соседей древних славян тоже не особенно жаловали летописцы и позднейшие историки – но половцев и печенегов поливали грязью все же не в пример меньше. Традиция оказалась устойчивой – великий поэт А. С. Пушкин припечатал хазар несмылаемым эпитетом «неразумные», а крупный (но порой чрезмерно увлекавшийся собственными идеями) историк Л. Гумилев нарисовал предельно отталкивающую картину государства-паразита – Хазарского каганата, обложившего тяжелой данью всех ближних и дальних соседей. Мало того, по Гумилеву, власть в Хазарии, оказывается, захватили злокозненные пришельцы иудейской национальности, усиленно обращавшие в свою веру простодушных сынов степей. Разумеется, последняя версия была с радостным визгом подхвачена нацистами отечественного разлива, поднявшими шум вселенский об извечных кознях жидомасонов, еще тысячу лет назад обкатывавших на русских землях свой сатанинский план порабощения народа-богоносца...

Откровенной клиники мы постараемся избегать – всего лишь попытаемся разобраться в «хазарской загадке». Загадка эта существует до сих пор, и интерес к ней, судя по последним работам историков самых разных направлений, не падает.

Действительно, какое-то время иные славянские племена – поляне, северяне, вятичи и радимичи – платили дань Хазарскому каганату. Вот только понятие «дань» в те далекие времена было крайне растяжимым. Одним и тем же словом могли называть и постоянные выплаты, и деньги, полученные прямо-таки рэкетирскими методами...

Вот именно. Рэкет был прекрасно известен уже в ту эпоху. Скажем, киевское войско подступало к стенам Константинополя и объявляло, что уйдет не раньше, чем ему заплатят определенную сумму. Подобную «дань» Византия (самое мощное государство региона!) платила и русским князьям, и дунайским болгарам, да едва ли не всем своим соседям. Кроме того, у всех народов было в большой моде останавливать идущие из дальних мест купеческие обозы и даже воинские дружины, требуя с них опять же «дань» (шутки-шутками, но, похоже, именно отсюда пошел русский деревенский обычай, когда парень, «ходивший» с девкой с чужой улицы, вынужден был ублаготворить парой бутылок своих ровесников с означенной улицы – иначе «амор» осложнялся до предела). Проезжающие, скрепя сердце, платили – куда денешься?

Словом, точных деталей нет. Доктор исторических наук А. Кузьмин сделал любопытный обобщающий вывод: «Летопись дает глухие и противоречивые сведения о дани, взимавшейся хазарами, но из этих преданий и воспоминаний никак не следует, чтобы эта дань была тяжелой».

Есть еще одна интереснейшая версия «хазарской дани», но об этом чуть позже. Поговорим об иудаизме хазар и некоторых загадках, отсюда проистекающих.

То, что *часть* хазар иудаизм все же исповедовала, наука подтверждает. Известный историк-эмигрант, профессор Йельского университета Г. В. Вернадский был крайне категоричен в суждениях: «В восьмом и девятом веках еврейские миссионеры были активны в Хазарии, и около 865 г. хазарский каган и многие из его знати были обращены в иудаизм... главным центром иудаизма Древней Руси был Киев. Еврейская колония существовала там с хазарского периода. В двенадцатом веке одни из городских ворот Киева были известны как Еврейские ворота, что является свидетельством принадлежности евреям этой части города и значительного их количества в Киеве. Евреи играли значительную роль как в коммерческой,

так и в интеллектуальной жизни Киевской Руси. По крайней мере, один из русских епископов этого периода Лука Жидята из Новгорода был, как мы можем полагать, еврейского происхождения. Иудаизм имел сильное влияние на русских в этот период, в результате чего русские епископы, подобно Илариону Киевскому и Кириллу Туровскому, в своих проповедях уделяли значительное внимание взаимосвязи иудаизма с христианством» [35].

Вряд ли стоит подвергать сомнению вышесказанное (поскольку оно подтверждается многими источниками) – за одним-единственным исключением. В той части, где речь идет о еврейских заходящих *миссионерах*.

Потому что здесь – нестыковочка. Дело в том, что классический, ортодоксальный иудаизм (а иного в X веке просто не существовало) как раз категорически *запрещает* своим приверженцам вести миссионерскую деятельность среди иноверцев. Это, понятно, не значит, что того, кто решил обратиться к иудаизму, отвергают автоматически – но миссионерство прямо и недвусмысленно запрещено. (Кстати, в обряд принятия иудаизма и сегодня входит ритуал, когда неопита *трижды* уговаривают отказаться от своего решения.)

Кроме того, версия, согласно которой «заходящие иудеи» *захватили* власть в Хазарии и стали правящей кастой, опровергается самой историей: за последние две тысячи лет иудеи *нигде*, ни в одной стране, не «захватывали» власть и не становились «правлящей верхушкой». Кроме Хазарии, как ни странно. Поневоле напрашивается вывод, что Л. Н. Гумилев по милостивому своему обыкновению чересчур поэтически подошел к трактовке истории Средневековья, создав легенду о коварных захватчиках.

Более правдоподобным (хотя, безусловно, способным многих шокировать) представляется другой вариант: никакого еврейского нашествия не было. Никакой власти в Хазарии коварные иудеи не захватывали. Хазарию населяли родственные славянам народы, *часть* которых *приняла* иудаизм. Самое обычное дело для тех времен, когда «ареалы» распространения тех или иных религий еще не устоялись окончательно в том виде, как они нам знакомы. Русь приняла христианство, но это вовсе не означало переселения византийцев на ее земли. Западные славяне приняли христианство от Рима, что опять-таки не есть результат «переселения» римлян на польские или чешские земли и захвата ими там власти. Ну а часть славян-хазар приняла иудаизм, не будучи по крови евреями (в конце концов, даже сейчас в России есть несколько деревень, где жители, русские по крови, исповедуют классический иудаизм).

Сохранившиеся свидетельства тех времен как раз и работают на эту версию. Следов «пришлой еврейской верхушки», как ни старались, не обнаружили. Зато хватает иных многозначительных упоминаний. В хазарском городе Саркеле (как и в других городах каганата) так и не обнаружены следы еврейской письменности. Зато тюркских надписей – сколько угодно*. Та же картина и в Шарукани. И в Саркеле, и в Шарукани жили, кроме хазар, славяне, в том числе и христиане. Есть упоминание, что в 1111 году, во время похода русских князей на половцев, население Шарукани открыло ворота не перед угрозой применения военной силы, а перед попами, певшими молитвы...

Вот что писал персидский историк XIII века Фахр аддин Мубаракшах: «У хазар есть такое письмо, которое происходит от русского; ветвь румийцев, которая находится вблизи них, употребляет это письмо, и они называют румийцев русами. Хазары пишут слева направо, и буквы не соединяются меж собой... Та ветвь хазар, которая пользуется этим письмом, исповедует иудаизм».

Вот так. Общеизвестно, что евреи пишут справа налево... Хазары заимствовали *веру*, но не письменность.

Уже упоминавшийся Татищев на основании каких-то утраченных материалов считал, что хазары – славяне. И оставил крайне примечательную запись: согласно его изысканиям, киевские иудеи говорили на... славянском языке.

Следовательно, и «киевские евреи» – не более чем славяне, принявшие иудейскую веру. Отсюда и Лука Жидята, обязанный своему прозвищу скорее всего происхождением из

рода славян-иудеев. Кстати, в XII веке встречается отчество «Жидиславич», которое могло образоваться только от имени Жидислав.

Схожие аргументы можно подыскать и в русском эпосе – в древних былинах. Там, оказывается, действует богатырь с определенно еврейским именем Саул. Там Илья Муромец сражается с «богатырем Жидовином из земли Жидовинской»*. Там часто мелькают витязи, которых называют «жидове козарские» – вроде богатыря Михайлы Козарина. Обратите внимание – витязи. Не ростовщики с пачкой векселей в сумке, а настоящие богатыри, восседающие в доспехах на борзых конях.

Итак, мнение о том, что хазары – это славяне, родилось не сегодня. После Татищева, в начале XIX века, о том же писал в своей «Истории русов или Малой России» архиепископ Белорусский Георгий Кониский: «Козарами (именовали – А. Б.) всех таковых, которые езживали верхом на конях и верблюдах и чинили набеги, а сие же название получили наконец и все воины славянские, избранные из их же пород для войны и обороны отечества, коему служили в собственном вооружении, комплектуясь и переменяясь также своими семействами. Но когда во время военное выходили они вонне своих пределов, то другие гражданского состояния жители делали им подмогу, и для сего положена была у них складка общественная, или подать, прозванная наконец с негодованием дань козарам. Воины сии переименованы от царя греческого Константина Мономаха из козар – казаками, и такое название навсегда уже у них осталось».

Хазары-козары – предки казаков? Что ж, эта гипотеза вовсе не выглядит надуманной. Любопытно, что средневековые авторы, описывая внешность хазар, упоминают высокие шапки с матерчатым верхом, свешивающимся на сторону – шапки такие *казаки* носили еще в XIX столетии. Любопытно, что версия о «дани козарам» как налоге на содержание своего же войска находит подтверждение и в русских летописях: незадачливый князь Игорь, убитый древлянами, как раз и шел собирать «дань козарску»! Вассалом хазар он не был. Значит...

Тот, кто посчитает вышеприведенные гипотезы творением русских шовинистов, просчитается. Почти то же самое писали и католические авторы. Есть два знаменитых польских историка – Мартин Бельский (1495-1575), автор «Хроники Польши» и 10-томной «Хроники всего света» и Матвей Стрыйковский (1547-1593), автор «Хроники польской, литовской, жмудской и русской». Оба в своей работе использовали огромное количество античных сочинений, работ польских, литовских и белорусских хронистов, не дошедших до нашего времени. И оба отчего-то писали о родстве хазар, половцев и печенегов со славянскими племенами литовцев и ятвягов...

Современные историки, хотя и не располагали теми документами, что имелись в распоряжении польских хронистов, тем не менее старательно заклеями обоих за «ошибки». Вновь с презрительной миной было произнесено: «Летописец ошибается». Потому что в *дошедших* до нас летописях написано нечто иное.

Меж тем и Бельский, и Стрыйковский, хотя и были «латинянами», пользовались огромным авторитетом у русских историков допетровской эпохи – надо полагать, оттого, что эти историки имели в своем распоряжении схожие древние документы. В главе «Призрак Золотой Орды» читатель столкнется с подлинными сенсациями, многое переворачивающими в нашем устоявшемся мировоззрении...

О печенегах и половцах. Нынешние ученые создали крайне своеобразную теорию, согласно которой все три народа «сменяли» друг друга. Хазар «сменили» печенеги. Печенегов «сменили» половцы. Половцев «сменили» татары. Цепочка получается довольно стройная, но страдает существеннейшим недостатком: никто из историков так и не смог внятно объяснить: куда же девались те, кого «сменили» и «вытеснили»? Неужели печенеги, придя в южнорусские степи, вырезали хазар до последнего человека, впоследствии их самих под корень уничтожили половцы, а тех уж вырезали татары...

Вздор, конечно. Никто никого не «сменял» и не «вытеснял». Просто названия народов подвержены таким же изменениям, как и имена городов. Те, кого в разные времена называли

то хазарами, то половцами, то печенегами, продолжали мирно (или не вполне мирно) обитать на отчих землях. И были, судя по описаниям, людьми вполне славянского облика: само слово «половый» означает светло-соломенный цвет, так что половцы были русыми... А еще они были не кочевниками, а вполне оседлым народом – у одного несправедливо забытого историка допетровской эпохи (с чьими трудами мы подробнее познакомимся чуть погодя) написано четко и недвусмысленно: «...были разрушены ГОРОДА и КРЕПОСТИ и ДЕРЕВНИ половецкие...»

Косвенным подтверждением родства славян и хазар служит титул, которым величались предводители и тех, и других...

Любой, безусловно, согласится, что строчка из хроники: «...и встретились для совета три короля, два герцога и три барона» может относиться исключительно к Европе. А упоминание о встрече на высшем уровне меж несколькими «султанами» касается только исламского мира. И общность «короли», и общность «султаны» подразумевает для своих членов общую религию, схожие культуры, близость по уровню развития...

Так вот, титул, который носил глава Хазарского каганата, имел распространение не в одной Хазарии. «Каганами» были правители авар, болгар, венгров... и славян! Академик Рыбаков пишет: «Византийский титул (царь – А. Б.) пришел на смену восточному наименованию великих князей киевских «каганами». В том же Софийском соборе на одном из столбов северной галереи была надпись: «Кагана нашего С...» Заглавная буква С, стоявшая в конце сохранившейся части надписи, может указывать на Святослава Ярославича или Святополка Изяславича».

Митрополит Иларион (1051-1054), первый русский по происхождению, занявший этот высокий пост, написал сочинение «Учение о Ветхом и Новом законе»*, куда вошла и «Похвала кагану нашему Владимиру». Так и в тексте: «...великие и дивные дела нашего учителя и наставника, великого кагана нашей земли, Владимира...»

Сюда примыкает и западноевропейская Бертинская летопись, сообщающая о приезде в 839 г. к императору Людовигу Благочестивому послов от русского кагана ...

Хазары, отчего-то считавшиеся исчезнувшими, частенько появлялись в летописях уже гораздо позже той даты, согласно которой их города были *начисто* уничтожены русскими князьями. В 1203 г. «Пошел Мстислав на Ярослава с хазарами и касогами». Примерно к тому же времени относятся упоминания о хазаро-черкесском князе Георгии Чуло, который, судя по имени, мог быть исключительно христианином. Кстати, «черкесы» эти, как и хазары, были не теми черкесами, которых мы знаем сегодня, а *черкасами*, предками нынешних казаков. Об этом следует помнить и в дальнейшем – «черкесь» в русских древних документах всегда означает не воинственный кавказский народ, а предков нынешних казаков. Полезно помнить, что один из самых больших казачьих городов так и назывался: Новочеркасск.

Одним словом, никогда не было противостояния славян и «неразумных хазар». Вплоть до Кавказского хребта обитали родственные племена славян – древляне, поляне, киевляне, хазары. Иные из этих славян, как ни прискорбно покажется это иному «патриоту», исповедовали иудаизм, а иные, как мы увидим впоследствии, – мусульманство, подобно волжским болгарам: «...названные от реки Волги волгары или болгары, которые имели начало свое от преславного и многонародного народа словенского».

Кстати, версия о том, что в Хазарию якобы пришло одно из еврейских колен, была выдвинута итальянцем Джованни Ботеро в конце XVI века, но уже тогда к нему относились с нескрываемым скептицизмом, поскольку загадочная «страна Арсатер», о которой писал итальянец, никоим образом не ассоциировалась в глазах наших земляков с Хазарией – скорее уж с Индией...

Виртуальность-1: Тиара над Россией

В этом разделе мы рассмотрим один из интереснейших вариантов несбывшейся,

альтернативной истории: что произошло бы с Россией и с миром, останься наши предки в «зоне влияния» католической церкви. Конечно, для создания детальнейшего виртуального варианта потребовался бы долгий труд многих специалистов, применение ЭВМ, а посему ограничимся общими зарисовками, касающимися наиболее ключевых моментов. Нет смысла очень уж виртуозно извращаться, выдумывая совершенно новых исторических лиц и исторические коллизии. Проще считать, что основные «фигуранты» Большой Истории остались теми, кто нам известен сейчас. И для того есть веские причины. Не все зависит от религии. Характер и поведение многих выдающихся персонажей европейской истории далеко не во всем обуславливались верой, которую они исповедовали. Иван Грозный, оказавшись он не православным, а католиком, с той же неутомимой яростью боролся бы с магнатами-боярами и отстаивающими свои старинные вольности городами, и голов слетело бы ничуть не меньше. В чем убеждает опыт английского Генриха Восьмого, чье правление ознаменовано более чем 72 000 казненных, равно как и герцога Ришелье, крушившего пушками замки дворянской вольницы и кроваво подавлявшего любые попытки сепаратизма. И так далее, примеры слишком многочисленны...

Меньше всего я хотел бы задевать чьи-то религиозные чувства, но никак не в силах отделаться от убеждения, что в «византийском» каноне (который вовсе не следует механически отождествлять с православным!) таится некая полумистическая отравка, причинявшая массу бедствий и потрясений странам, имевшим несчастье с ним соприкоснуться. Даже русские авторы, не видящие себя вне православия, не раз грустно отмечали, что «византийское наследие», по сути, привело к тому, что русское православие столетиями оставалось пронизанным метастазами язычества, сплошь и рядом заводившего в тупики, весьма далекие от христианских канонов. Вопрос этот слишком обширный и сложный, чтобы излагать его хотя бы вкратце, замечу лишь вскользь, что судьба стран, принявших византийский канон – Россия, Болгария, Греция, Сербия, – форменным образом *выламывается* из европейской истории, отличаясь ненормально большим количеством невзгод. Здесь и роковые смуты, ставившие порой под сомнение само существование нации, и многовековое прозябание под иноземным игмом, и едва ли не полная потеря духовно-национальных корней – не говоря уже о периодах глупейшей самоизоляции.

Для сравнения можно отметить, что грузинская и армянская православные церкви (православные, но не «провизантийские!»), несмотря на то, что долгими столетиями находились под страшным иноверческим давлением, все же сумели сберечь те самые духовные, национальные и культурные корни народа. Как ни больно и тяжело говорить, но в сопоставлении, например, с грузинским *народом* русские, увы, выглядят скорее *населением*. Конечно, в этом чертовски модно упрекать злодеев-большевиков, но большевики, будем честными перед самими собой, стали лишь логическим завершением длившегося несколько сот лет гнилостного процесса...

Все проклятия в адрес католической церкви (сплошь и рядом вызванные откровенным незнанием предмета) не в силах заслонить очевидного факта: ни одна католическая страна не лишилась своей национальной либо духовной самобытности. Скорее уж наоборот. А пресловутая «тяга католических иерархов к светской власти» несла полезнейшую функцию: *сильная* церковь была независима от самодурских прихотей той или иной коронованной особы. Испокон веков повелось, что самодур на троне глух к благостным пастырским увещаниям, а вот перед лицом реальной силы вынужден сбавить обороты...

Все вышесказанное, разумеется, не значит, что католическая церковь за свою долгую историю была свободна от пороков и промахов. Люди – создания несовершенные, а посему склонны к порокам и преступлениям независимо от сана. Пили, блудили, воровали. Доходило до полуанекдотических случаев вроде того, о каком рассказывает в своей хронике немецкий монах Ламберт. На некоем празднестве аббат Фульдский вознамерился сесть рядом с архиепископом, но епископ Гильдесгеймский стал доказывать, что сие почетное место вправе занять только он. Духовные особы расстались врагами. А вскоре, в праздник Троицы, сторонники епископа и сторонники аббата схватились меж собой прямо в церкви, в

ход пошли не только кулаки, но и мечи...

Можно вспомнить и о случаях, когда в католических святцах были обнаружены не то что «недостойные» – личности, о которых вообще ничего не было известно, и расследовавшей это дело высокой духовной комиссии пришлось немало потрудиться, прежде чем удалось навести порядок и вычеркнуть «мертвых душ»...

Но все это – частности. Главное же в том, что католицизм, как уже говорилось, лишь способствовал национально-духовному процветанию принявших его народов, в том числе и славянских. И потому чуточку смешно выглядят «обличения» одного весьма крупного историка прошлого столетия в адрес злокозненных «езуитов». Судите сами. Историк негодует главным образом по поводу того, что коварные иезуиты «портили» украинскую молодежь XVII столетия – вместо того, чтобы и далее продолжать свое образование в культурных центрах вроде Яблонца (знает кто-нибудь, где это?!), по наущению иезуитов и за их счет юноши отправлялись учиться в Австрию, Францию, Испанию и Италию. В самом деле, коварство иезуитов тут превосходит всякие границы – вместо загадочного Яблонца юные славяне были обречены прозябать под небом Флоренции, Вены или Мадрида... [93]

Интересно, многие ли знают, что само понятие «права человека» оказывается неразрывно связанным с деятельностью в Южной Америке монахов-иезуитов?

Источник авторитетный: доктор философских наук, профессор Мераб Мамардашвили. Вот что он говорил в одном из интервью, вспоминая о знаменитом «государстве иезуитов» в Парагвае:

«Есть одна интересная заставка! Эта страна нам представляется одним из образцов социальной несправедливости и тем самым революционности ситуации. Причем несправедливости исторической, заложенной испанцами как завоевателями и закрепленной идеологически, духовно католической религией в лице прежде всего ордена иезуитов... Вы знаете источник, исторический источник самой концепции прав человека? Тех самых прав человека, которые являются достоянием европейской культуры и прежде всего, конечно, лицом, *familier mot* которых является Декларация прав человека и гражданина, провозглашенная Французской революцией? Фактом является... то странное обстоятельство, что концепция прав человека изобретена испанскими иезуитами. Это странно ведь. Было бы естественным, если бы концепцию и саму идею прав человека изобрел, скажем, кто-то из французских энциклопедистов или сторонник и последователь английского Неме book – Великой хартии. Но вот частью и итогом довольно интенсивной интеллектуальной работы, которую иезуиты вели, и, как предполагается, в своекорыстных целях, явилась разработка самого понятия и концепции прав человека в современном значении этого термина – концепции, заложенной как в Декларации Французской революции, так и в Декларации ООН, и так далее и так далее... иезуиты ведь христиане, это христианский орден, а понятие личности фундаментально для христианства. Почему вот эти страшные завоеватели, эксплуататоры и грабители вдруг оказались участниками чего-то совсем другого и прямо противоположного – участниками движения за права человека?» [194].

От себя добавлю, что покойный философ никоим образом не был связан с католичеством – тем ценнее его свидетельство...

Вернемся к нашей «виртуальной реальности». Конечно, Русь, останься она католической, ничуть не была бы избавлена от княжеских распрей и междоусобных войн – этот печальный период пережила и католическая Европа. Однако при католическом пути у России был бы нешуточный шанс на создание огромной славянской сверхдержавы...

Шанс этот касается Великого Княжества Литовского. Хочу сразу предупредить читателя: это могучее некогда государство не имело никакого отношения к *нынешней* Литовской республике и *нынешним* литовцам, которых правильнее именовать так, как они сами себя называют: «летувяй».

Предками нынешних «летувяй» были языческие народы балтийской группы – жемайты и аукштайты. Именно они населяли Жемайтию (Жемойтию, Жмудь, княжество Самогитское), занимавшее небольшую часть нынешней Литвы. Свою независимость это

княжество со столицей в г. Расейняй сохраняло лишь двадцать пять – тридцать лет, после чего вошло составной (и не самой важной) частью в государство, именовавшееся полностью «Великое княжество Литовское, Русское и Жемайтское». Можно добавить еще, что балто-литовский язык жемайтов не имел своей письменности до середины XVI века.

А вот «литовцами» в те времена именовались предки нынешних белорусов, звавшихся сначала гудами (гудзинами), потом – кривичами и литвинами-литовцами (того, кто интересуется более подробным изложением этих тезисов, можно отослать, к трудам лингвиста И. Ласкова, кандидата философских наук Я. Тихоновича, филолога и историка, профессора М. Ермаловича). Племя под названием «литва» обитало на юге нынешней Литвы, в верховьях Немана, в окружении родственных славянских племен – ятвягов, кривичей и лехетских радимичей, переселившихся туда из Мазовии (некогда самостоятельного княжества, населенного родственными полякам мазурами, потом – одной из областей Польши). В первой половине XIV века, во времена великого князя Витовта, Великое Княжество занимало Литву, или Троцкое и Виленское воеводства, а также Белоруссию примерно в нынешних границах, Украину (без Галиции), часть Смоленщины, бывшие Калужскую, Орловскую и Курскую губернии.

В 1382 г. князь Ягайла (впоследствии король польский Ягелло) убил Кейстута, отца Витовта. Чтобы отомстить, Витовт и его брат Скиргайла призвали на помощь крестоносцев, а в качестве платы отдали им Жемайтию. Стоит упомянуть, что Витовт и до того, и после, в компании крестоносцев и один, в буквальном смысле слова заливал языческую Жемайтию кровью, дарил ее, уступал, переуступал, разве что не проигрывал в карты. Отсюда ясно, что соплеменниками ему жемайты не были – с отчей землей так не обращаются. А потому по меньшей мере странны нововведения нынешних литовцев: Витовта они отчего-то переименовали в «Витаутаса» и назвали «отцом жемайтской независимости»...

Под властью крестоносцев Жемайтия пребывала вплоть до битвы под Грюнвальдом-Танненбергом в 1410 г., но и после включения в состав Великого Княжества, как явствует из самого его названия, осталась третьестепенной провинцией славянской державы, не игравшей мало-мальски заметной роли. Слово «жмудный», кстати, в современном польском языке носит явственно пренебрежительный оттенок и означает нечто вроде «беспольный» или «обременительный»...

Государственным языком Великого Княжества был древнебелорусский, и делопроизводство велось исключительно на нем. Известно, что на Солинской встрече князя Витовта с посольством крестоносцев Витовта сопровождали князь Юрий Пинский, Михаил Заславский, Александр Стародубский, Иван Гальшанский, Иван Друцкий. По свидетельству посла крестоносцев Кибурта, Витовт и весь его двор говорили исключительно по-белорусски. Даже в Жемайтии правили белорусские бояре: княжеским посадником в Ковно (новое название – Каунас) сидел некий Иван Федорович, а жемайтским войском командовал уже упоминавшийся князь Юрий Пинский.

Иными словами, Великое Княжество Литовское было славянской державой, где православие до определенного времени пользовалось равными правами с католичеством. Именно тем и объясняется легкость, с какой подданные московского и иных русских князей во множестве «уходили в Литву», а «литвины», тоже в немалом количестве, переходили «под руку Москвы». Именно так в свое время «отъехал к Москве» князь Михайло Глинский, один из предков Ивана Грозного. Рискуя утомить читателя, все же приведу генеалогию семейства великого князя литовского Ольгерда (кстати, наполовину русского, сына князя Гедимина и княжны Марии Тверской):

Дети от первого брака Ольгерда с княжной Марией Ярославной Витебской:

1. Андрей, впоследствии князь полоцкий.
2. Дмитрий, князь брянский, друцкий, стародубский и трубчевский (предок князей Трубецких).
3. Константин, князь черниговский, затем чарторыйский (предок князей Чарторыйских).

4. Владимир, князь киевский, затем копыльский (предок князей Бельских и Слуцких).
5. Федор, князь ратненский (предок князей Сангушко).
6. Федора – замужем за Святославом Титовичем, князем карачевским.
7. Неизвестная по имени дочь – за Иваном, князем новосильским и одоевским.
8. Агриппина-Мария – за Борисом, князем городецким.

Дети от второго брака Ольгерда с княжной Ульяной Александровской Тверской:

1. Ягайло-Владислав, великий князь литовский, король польский, родоначальник династии Ягеллонов (правившей с 1386 г. по 1572 г.).
2. Скиргайло-Иван, князь трокский и полоцкий.
3. Корибут-Дмитрий, князь новгород-северский, збаражский, брацлавский, винницкий (был женат на княжне Анастасии Рязанской).
4. Лигвень-Семен, князь новгородский, мстиславский (был женат на княжне Марии Московской).
5. Коригайло-Казимир, наместник Мстиславский.
6. Вигунт-Александр, князь керновский.
7. Свидригайло-Болеслав, князь подольский, черниговский, новгород-северский, брянский, великий князь литовский, затем князь волынский.
8. Кенна-Иоанна – за князем Поморским, вассалом Польши.
9. Елена – за князем Владимиром Боровским и Серпуховским.
10. Мария – за литовским боярином Войдылой, потом за князем Давыдом Городецким.
11. Вильгейда-Екатерина – за герцогом Мекленбургским.
12. Александра – за князем Мазовецким.
13. Ядвига – за князем Освенцимским.

(Здесь, как и на Руси в свое время, мы имеем дело с двойным именованием: «мирское», обиходное имя и данное при крещении.)

Как видим, тогдашняя Литва – сложное переплетение семейных связей польских, русских и белорусских князей. Славянское государство. И когда Ольгерд или его потомки «ходили на Москву», это, увы, вовсе не было нашествием чужеземного супостата – это всего лишь жгли друг у друга города славянские князья*.

Витовт, неопит-католик с 1382 г., вскоре перешел в православие (когда получил от Ягайлы во владение православные уделы Берестье и Городню), но уже в 1385-м вернулся в католицизм. После избрания Ягайлы королем польским, после Кревской (1385) и Городельской (1413) уний, тесно связавших Литву и Польшу в некую федерацию, наступило размежевание. Пренебрежение Витовта к православным, прямое их притеснение Ягайлой (только феодалы-католики могли получать гербы, занимать должности, заседать в сейме, а впоследствии и выбирать короля) привело к тому, что часть православных князей и бояр Литвы отдалась со своими уделами в подданство Москвы. Другие приняли католичество, составив впоследствии значительную часть польской шляхты (Чарторыйские, Сапеги, Радзивиллы). После Люблинской унии 1569 г., объединившей Польшу и Литву в одно государство, Жечь Посполиту (именно так согласно грамматике и должно звучать правильное название), «Литва» стала чисто географическим понятием. «Литвинами» себя называли те, кто родился на сей земле – и великий польский поэт Адам Мицкевич, и украинец Тарас Шевченко, и белорусы Янка Купала и Якуб Колас.

Необходимо заметить, что впоследствии, когда короля стали выбирать и прав у него практически не было никаких, а развращенная вольностями польская шляхта превратилась в толпу ни на что не способных гуляк, именно «литвины» несли на своих плечах главную тяжесть войн за государство. Во второй половине XVII столетия, в эпоху польско-казацких войн, армия Жечи Посполитой упустила великолепный шанс полностью разгромить и взять в плен Хмельницкого исключительно из-за дурости собственно польской шляхты, после пары удачных сражений заскучавшей и отправившейся по домам прямо с поля боя. При польском короле осталось лишь одиннадцать тысяч литовцев – именно они лихим ударом взяли Киев, но Хмельницкого догнать не успели.

Отголоски этой ситуации великолепно просматриваются в знаменитых книгах Генрика Сенкевича. Нужно заметить, что его трилогия «Огнем и мечом», «Потоп», «Пан Володыевский» до сих пор пользуется в Польше неимоверным почитанием, именуясь в обиходе просто «Трилогия». Так вот, среди героев этих произведений, среди витязей, рубившихся во славу Польши, чьи имена заучивают дети еще в младших классах... почти нет собственно поляков, «великополяков». Все эти витязи – либо литвины, либо «русская шляхта» (как именовали себя украинские дворяне-католики)! Самое пикантное, что это мало кто замечает даже теперь, и в свое время это мое литературоведческое открытие вызвало сущий шок у моих знакомых поляков...

Но вернемся к Жечи Посполитой. В 1572 г., когда умер последний король из династии Ягеллонов Зыгмунт II Август и впервые прозвучала идея об «элекции», т. е. выборах короля, одним из кандидатов стал русский царь Иван Грозный. Легко понять, почему он был и Рюриковичем, и потомком князей Глинских, то есть близкий родственник Ягеллонов (родоначальником которых, как мы помним, был Рюрикович на три четверти Ягелло), а в те времена такие вещи имели огромное значение – настолько огромное, что поляков и литвинов не остановило даже различие в вероисповеданиях.

Увы, Иоанн Васильевич сам испортил все дело – по присущей ему несдержанности и живости характера заявил прилюдно, что, став властелином Жечи Посполитой, быстренько изведет под корень «латынские» храмы и заменит их православными церквями. Шляхта ужаснулась и, решив не рисковать, проголосовала за французского принца Генриха Валуа...

Впоследствии именно эта выборность королей, становившихся бесправными марионетками, привела Жечь Посполитую к катастрофе – но разговор не об этом...

Будь к тому времени Русь католической, избрание Ивана Грозного на краковский престол* можно с уверенностью назвать делом практически решенным. Что в итоге? Над Европой нависла бы огромная славянская держава, включавшая Московию, Великое Княжество Литовское и Польшу, объединенных общей верой (тому, кто заинтересуется этой возможностью, не помешает самому определить по карте пределы такого государства). Нет сомнений, что Иван Грозный сумел бы и на новом престоле бороться со своевольными магнатами так, как привык это делать на Руси – а нужно отметить, что в Жечи Посполитой была сила, способная стать ему в этом опорой: сильные и многочисленные города, по так называемому магдебургскому праву обладавшие определенной независимостью от феодалов.

Честно говоря, при мысли об упущенных возможностях меня охватывает нешуточная грусть – чересчур заманчив этот вариант католической славянской сверхдержавы...

Ничуть не притягивая за уши высосанные из пальца аргументы, можно с большой уверенностью говорить: в случае создания нашей виртуальной «Московии Посполитой» (надо же ее как-то называть?) Германия надолго, быть может навсегда, осталась бы скопищем карликовых государств, поскольку Пруссию (сыгравшую в 1871 г. ту же роль, что некогда для русских земель сыграла Москва) Краков несомненно подчинил бы своему влиянию...

Рассмотрим историю Пруссии подробно.

Мало кто помнит, *как* появились на славянских землях те, кого потом стали называть «псами-рыцарями». В начале XII века означенных рыцарей выгнали из Палестины – и германский император Фридрих I Барбаросса попросил, чтобы изгнанников приютили его старые добрые друзья: князь Конрад Мазовецкий и Всеволод Большое Гнездо (дед Александра Невского).

Оба князя, будучи в прекрасных отношениях с Фридрихом, выполнили его просьбу. Так и появился на балтийском побережье Тевтонский орден, выпустивший затем метастазы в виде ордена Ливонского.

Первое время немецкие рыцари старательно выполняли однажды взятые обязательства, признавая себя вассалами мазовецкого и владимирского князей. Потом, набравшись сил, обнаглели – и события развивались в полном соответствии с известной сказкой о лисе, зайце и лубяной избушке...

Хребет Тевтонскому ордену долго ломала главным образом Польша. После Грюнвальда, где крестоносцев размолодили совместными усилиями поляки, литовцы, русские, татары и чехи, Орден еще долго сопротивлялся, но в 1457 г. был вынужден сдать полякам свою столицу Мариенбург, в 1466-м торжественно подтвердил, что остается вассалом Польши.

Войны, впрочем, продолжались – в одной из них, несмотря на духовный сан, принимал участие и Николай Коперник, руководивший обороной замка Фромборк. Однако в 1525 г. Орденское государство прекратило свое существование, став светским владением – Прусским герцогством. До 1657 г. (по крайней мере, формально), Пруссия оставалась вассалом польской короны, и освободилась от этой зависимости исключительно благодаря слабости Жечи Посполитой.

Ливонский орден был уничтожен Иваном Грозным в результате одноименной войны 1553-1558 г. Магистр ордена Кетлер часть своих земель отдал под власть Великого Княжества Литовского, а Ревель с Эстляндией признали над собой власть Швеции.

Так обстояло дело в реальности. Ну а как шли бы дела в нашем мире, где возникла Московия Посполитая?

Несомненно, более жестче по отношению к немцам. Вряд ли Грозный и его потомки церемонились бы с Пруссией, а у последней недостало бы сил сопротивляться славянскому соседу. Вероятнее всего, Пруссия стала бы очередной провинцией нового государства – и, быть может, не она одна.

Что автоматически влекло бы за собой долгую войну со Швецией. В реальности Швеция долго воевала за балтийское побережье с Жечью Посполитой – и последняя на протяжении XVII столетия (о чем у нас мало известно) сумела нанести шведам несколько крупных поражений на суше и на море. В виртуальности против Швеции всей мощью выступала бы объединенная славянская держава – и исход войны наверняка был бы для северного соседа еще более тяжелым. Балтийское побережье наверняка было бы очищено от шведов еще в начале XVII в.

Это столь автоматически влекло бы за собой господство военного флота Московии на Балтике (у поляков к тому времени были солидные военно-морские силы, перешедшие бы «по наследству» к новому государству). И, как следствие – упадок влияния немецких торговых союзов вроде Ганзы. Сама логика событий ведет к тому, что Московия стала бы потихоньку прибирать к рукам крохотные германские княжества.

И, без сомнения, играла бы огромную роль в европейских делах – наравне с Францией и Священной Римской империей. Не исключено, что в нашей виртуальности Англия вообще оказалась бы лишена того влияния на европейские дела, какое имела в реальности.

Я не берусь наспех спрогнозировать позицию католической Московии Посполитой в конфликте меж папством и германскими императорами – вопрос слишком сложный, требует долгих расчетов и потому останется за пределами нашей книги. Однако с уверенностью можно сказать: став неотъемлемой частью католической Европы, Русь очень рано оказалась бы активной участницей войн с мусульманским миром. Что не могло не повлиять на ситуацию в Испании (где победа над маврами могла состояться гораздо раньше) и в Восточном Средиземноморье – веке в XV турки-османы могли быть отброшены от Константинополя (который, вполне вероятно, оказался бы в сфере влияния Руси). Поражение Турции в войне с Европой почти автоматически привело бы к тому, что открытие Америки оказалось отложенным лет на сто – полтора. В нашей реальности европейцы отправили экспедицию к берегам Индии как раз оттого, что турки перерезали торговые пути с Индией, Юго-Восточной Азией и Китаем. Но в варианте с оставшимся в руках христиан Константинополем и не возникшей Османской империей просто не было никакой нужды заниматься поисками «обходных» путей в Индию, и Колумб остался бы не востребовавшим историей.

Необходимо подчеркнуть, что еще задолго до вступления Ивана Грозного на престол объединенной державы Русь несколько веков развивалась бы, как *неотъемлемая* часть

Европы. Русские молодые люди обучались бы в испанских, французских и итальянских университетах. Кроме того, на Руси искусство могло бы развиваться столь же свободно и многогранно, как в Западной Европе. Омертвевший византийский канон загнал русское искусство в узкие, сугубо церковные рамки (факт, против которого просто нет аргументов), а потому отечественная светская живопись смогла достигнуть первых успехов лишь во второй половине XVIII столетия, а русская скульптура, несмотря на единичные достижения, начала нормально развиваться лишь во второй половине прошлого века. В Западной Европе, где католицизм не препятствовал развитию скульптуры, живописи, светской поэзии, обстояло как раз наоборот – и потому начался Ренессанс. Вполне возможно, что и на Руси в XVI-XVII веках жили люди, способные стать нашими Микеланджело, Рембрандтами, Боттичелли и Леонардо, но им просто-напросто не предоставилось случая проявить свои таланты, и они сошли в могилу, всю жизнь прозанимавшись *не своим* делом... Сколько шедевров мы потеряли, установить не представляется возможным.

Нет сомнений, что в «католическом варианте» Русь оказалась бы силой, способной помочь папскому престолу раз и навсегда разделаться в зародыше со всевозможными ересями, теми, которые в нашей реальности привели к рождению лютеранства.

Радикализм – порождение ума не одной только убогонькой российской интеллигенции, способной лишь разрушать либо рукоплескать разрушителям. Увы, и на Западе хватало недоумков, искренне восхищавшихся, к примеру, гуситами – исключительно на том основании, что гуситы «выступали против существующего порядка вещей»...

Да и мы учились по учебникам истории, где безоговорочно клеймилось «реакционное и кровожадное папство», выступавшее против «прогрессивных» гуситов. Меж тем гуситы, захватившие власть в Чехии, были компанией довольно жутковатой. Прежде всего оттого, что задолго до Ленина приняли один из основных принципов большевизма: истинный большевик может сам определять, что хорошо, а что плохо, кто хорош, а кто плох. Это вовсе не преувеличение – один из английских историков в сердцах назвал первых протестантов как раз «тогдашними большевиками». Вот что написано в «Хронике Лаврентия из Бржезовой» о некоторых идеях гуситов по переустройству жизни:

«...чтобы не допускалось под страхом установленных наказаний распитие в корчмах каких бы то ни было напитков...

...чтобы не носили роскошных одежд и не допускали бы ношение другими слишком против Господа Бога драгоценные, как то: серебряных поясов, застежек и всяких украшений и драгоценностей, располагающих к гордости...

...чтобы не терпеть и не оставлять без наказания ни одного явного грешника...

...чтобы ни в ремеслах, ни на рынке не было... изготовления всяких бесполезных и суетных вещей...»

Обратите особенное внимание на два последних пункта. Вы спросите, кто должен был определять, какая вещь является «суетной и бесполезной», а кто считается «явным грешником»?

Кто угодно – при условии, что он принадлежит к «истинным праведникам». Я нисколько не преувеличиваю. Наиболее радикальное крыло гуситов – табориты и чашники – как раз и требовали установления такого порядка вещей, при котором любой горожанин (если он, разумеется, числится среди праведных обывателей) был бы вправе без всяких церемоний убить любого своего соседа, по мнению «добропорядочного», не вписывавшегося в общую гармонию. Нелишне упомянуть, что были еще и адамиты, жаждавшие общности женщин и права ходить голыми. Тот, кто решил, что я сгущаю краски, может сам покопаться в серьезных исторических трудах. В конце концов радикалы зарпортовались настолько, что самим гуситам пришлось их немножко перерезать...

Правда, вслед за тем гуситы начали совершать вооруженные вылазки за пределы Чехии – чтобы благодетельствовать своим учением соседей. Но те, вовсе не желавшие подобных нововведений, стали сопротивляться, – и отражение гуситской агрессии как раз и стало именоваться впоследствии «карательными экспедициями католиков».

Потом появился Лютер. Право же, совершенно неважно, что он искренне желал бескровно усовершенствовать жизнь и сделать ее лучше и благоднее. Важны не намерения, а результат. Увы, изыскания Лютера вызвали лишь череду гражданских войн, смут, междоусобиц, насилий и зверств. Германские рыцари увидели в новом учении великолепную возможность как бы на законном основании ограбить церкви и монастыри, но добычу пустить не на облегчение жизни ближнему, а исключительно на собственные выгоды. Швейцарец Кальвин творчески усовершенствовал учение Лютера и довел реформы до логического конца – в кальвинистской Женеве людей бросали в тюрьмы за появление в яркой одежде, игру на музыкальных инструментах, чтение «неправильных» книг... В Тридцатилетней войне меж католиками и протестантами Германия потеряла *треть* населения. Франция стараниями протестантов более чем на полсотни лет погрузилась в огонь и кровь гражданских войн. Слово свидетелю: «...гугеноты врываются в церкви. Они были многочисленны и вооружены ружьями и палками. Они срывали изображения святых, рушили распятия, разбивали трибуны, органы, алтари, скамьи и перегородки...» Это – о событиях 1566 г. в Валансьене. В 1531 г. в Ульме лошадей запрягли в орган, выволокли его из церкви и разбили на куски. В Бале в 1559 г., когда было установлено, что умерший три года назад житель по фамилии де Брюж оставался втайне католиком, тело вырыли из могилы и вздернули на виселицу.

Нам с детства вдалбливали, что Варфоломеевская ночь, случившаяся в Париже в 1572 г., была кровавейшим и злодейским преступлением католиков, достойным самого сурового осуждения. Вот только при этом забывали уточнить: это был первый случай, когда католики стали инициаторами резни. А вот протестанты-гугеноты к тому времени *множество* раз устраивали католические погромы, когда убивали всех подряд без различия пола и возраста. Последнее избиение католиков гугенотами случилось в городе Ниме за три года до Варфоломеевской ночи. Более того, существовали донесения агентов французских секретных служб, работавших среди протестантов. И из них следует, что глава протестантской партии, тот самый облагороженный пером Дюма адмирал Колиньи, как раз и планировал захват Парижа, взятие Лувра, арест короля. (Так называемый доклад сьера де Бушавана.) Католики просто-напросто упредили удар, только и всего...

Можно вспомнить и о массовой резне священников солдатами Кромвеля, и о многом другом...

Короче говоря, вполне вероятно, что Россия, будь она католической, могла бы еще в середине XVI века склонить чашу весов в пользу полной и безоговорочной победы над первыми глашатаями лютеранской ереси. Пожар был бы погашен в самом зародыше – следовательно, не было бы ни Тридцатилетней войны, ни полувековой французской смуты, ни господства протестантизма в Англии. (Я уже не говорю о сатанистах-альбигойцах, с которыми покончили бы гораздо быстрее.) Не исключено, что Джордано Бруно остался бы жив и нашел своим талантам лучшее применение. Дело в том, что его в свое время сожгли не за идеи о множественности обитаемых миров, идеи эти тогда не были ни новыми, ни смелыми, ни даже еретическими. Бруно угодил на костер за то, что активно участвовал в деятельности чуть ли не всех европейских сатанистских обществ, – а это, согласитесь, меняет многое...

Можно уточнить, что известна так называемая Наваррская библия XIII века, где планеты изображены в виде шаров, – но никто и не подумал тащить на костер художника. А истово верующий христианин Николай Коперник затягивал печатание своего труда не из «страха перед инквизицией», а исключительно потому, что, будучи священником, всерьез опасался смутить незрелые умы, считая, что к кардинально новым идеям людей следует приучать постепенно, а не обрушивать им на головы ошеломляющие сенсации.

Безусловно, Коперник руководствовался точкой зрения, близкой к той, которую впоследствии сформулировал известный английский философ – и верующий человек, не чуждавшийся теологии, – Фрэнсис Бэкон (1561-1626): «Знание в руках невежественного и неумелого человека, без преувеличения, становится чудовищем. Знание многогранно и

может быть применено по-разному. У него лицо и голос женщины – олицетворение его красоты. У знания есть крылья, потому что научные открытия распространяются очень быстро, невзирая на границы. Острые и цепкие когти нужны ему для того, чтобы аксиомы и аргументы проникли в человеческое сознание и накрепко удерживались в нем так, чтобы от них нельзя было избавиться. И если они неправильно поняты или использованы, они приносят беспокойство и мучения тем или иным путем и в конце концов просто разрывают сознание на куски».

Нет сомнений: в случае единой католической Европы с самым активным участием в ее жизни католической России никогда не появилась бы на свет пресловутая «протестантская этика», в реальности как раз и определившая развитие западного мира.

В спорах об этом понятии сломано много копий, но я не раз сталкивался с казусами, когда спорившие имели самое общее представление о предмете дискуссии. А потому постараюсь в меру способностей внести ясность.

И католической, и православной церкви присуще понятие, именуемое «соборность» – уклад жизни, комплекс морально-этических норм, которые безоговорочно осуждают крайний индивидуализм, стремление отдельного человека противопоставить себя окружающей общности единоверцев. Строго говоря, само слово «католический» произошло от древнегреческого «кафоликос»=«соборный» (не случайно и сегодня главы *православных* армянской и грузинской церкви так и именуются – *католикос*).

Второй важный момент: и католицизм, и православие начисто отрицают железную *предопределенность* в судьбе христианина. Проще говоря, Бог дает человеку свободу выбора, а остальное уже зависит от самого человека – погубить свою бессмертную душу греховными поступками или обрести вечное блаженство.

«Протестантская этика», выработанная наследниками Лютера, Кальвина и подобных им фанатиков «реформ», провозглашает как раз обратное: еще до рождения человека вся его жизнь, равно как и судьба, железно предопределены Творцом. Жизнь, по этой теории, видится не ежедневно предоставляющимся шансом выбора меж греховным и добродетельным, а некоей узкой и глубокой траншеей, по которой человек *обречен* двигаться.

Легко понять, какие выводы были сделаны из этого для повседневной жизни: если человек богат, богатство само по себе, автоматически делает его праведником. Если человек беден, он не заслуживает ни капли жалости, сочувствия, помощи – так ему «на роду написано». Более того: делая добро такому, предстаешь нарушителем воли Божьей...

Ну а всевозможные «дикие туземцы» обречены на то, чтобы быть покорными слугами «белого праведника», одушевленными вещами – в силу того, что у белого есть божьей волею мушкет и кираса, а у голого негра ничего подобного нет...

Именно протестантские Англия и Голландия начали то, что в учебниках именуется «промышленной революцией». Заметим в скобках, что революция эта проводилась типично большевистскими методами. Для набирающих силу мануфактур был необходим не свободный человек с чувством собственного достоинства и некоторой материальной независимостью (этот заломит цену за свою работу, и обходиться с ним придется уважительно), а люмпен в лохмотьях, с которым можно не церемониться. А потому в Англии махровым цветом расцвело так называемое огораживание – когда власти (за четыреста лет до русских большевиков!) разрушали крестьянскую общину, отнимая у крестьян их *собственность*, т. е. землю. Хваленые «рыночные» методы здесь как раз не действовали – нужно было создать резерв голозадой «рабочей силы». Трудовые резервы, как это потом именовалось в СССР... По данным английских историков, около *десяти* процентов взрослого трудоспособного населения страны скиталось по дорогам, не в силах найти средства к существованию. Им отрубали руки и уши по «закону против бродяг», клеймили, вешали. В стране вспыхивали восстания – и вновь горели деревни, возглавивших бунты монахов вешали на колокольнях, народу попроще отрубали голову прямо на придорожном бревне.

Впоследствии, когда протестанты отправились искать счастья за океаном, именно их потребности в бесправной рабочей силе привели к гнуснопрославленному расцвету африканской работорговли, когда на Черном континенте погибла древняя самобытная культура тамошних государств и миллионы людей превратились в рабочий скот. Протестанты захватили Индию, а впоследствии под дулами пушек заставили китайцев потреблять опиум...

(Кстати, о колонизации Америки. Известный писатель Алекс де Токвиль сто пятьдесят лет назад написал примечательные строки: «Несмотря на беспрецедентные злодеяния, испанцы, покрывшие себя несмываемым позором, не смогли не только истребить индейцев, но даже запретить им пользоваться равными правами. Американцы в Соединенных Штатах с легкостью добились и того, и другого – спокойно, в рамках законности, прикрываясь филантропией, не проливая крови, не нарушая в глазах мировой общественности ни одного из своих «высоких принципов морали». Это – к вопросу о католиках и протестантах...)

В нашей виртуальности ничего этого, можно предполагать с большой долей вероятности, не произошло бы. Конечно, были бы *свои* кровопролития, войны и беды, но, подозреваю, не в пример менее несчастий обрушилось бы на Европу. Наверняка меньше сил и рвения уделялось бы так называемому техническому прогрессу, то есть бездумному нагромождению технических новинок, которые, по большому счету, уничтожают природные ресурсы и среду обитания, способствуют росту жертв войны, но никого еще не сделали счастливым. Равным образом, не исключено, удалось бы ввести в какие-то разумные рамки «научную любознательность» – тупое удовлетворение своего любопытства за счет всех остальных членов общества, которое давно уже лежит вне морали и этики. Любая попытка робко спросить: «Зачем?» вызывает презрительные усмешки и попреки в «отсталости» – зато не подвергаются осуждению высоколобые мыслители, у коих при виде атомного взрыва не находится иных слов, кроме восхищенной реплики: «Какая великолепная физика!»

Конечно, бессмысленно было бы призывать жить при лучине и бить рыбу костяной острой. Однако и порожденные «протестантской этикой» крайности – бездумный «технический прогресс», бесполезное в итоге «развитие науки» восторга не вызывают.

Каким был бы наш двадцатый век в результате развития Европы по католическим канонам? Гораздо менее техногенным, конечно. Возможно, мы сейчас с удивлением взирали бы на первые паровозы и изрыгающие черный дым «пироскафы», а славу исследователей Америки и Африки несли бы не далекие предки европейцев, а наши деды, в большинстве своем еще живые. Возможно, самобытные культуры Америки, Африки, Индии, Дальнего Востока, избежав европейского завоевания, создали бы в сочетании с католической Европой совершенно *другую* цивилизацию, не столь занятую гонкой за золотом и успехом, не грозящую в кратчайшие сроки уничтожить все живое на планете. Несомненно одно: *духовности* было бы не в пример больше, а следовательно – больше душевного спокойствия, доброты и любви.

Увы, на пути к *этому* варианту зловещей тенью высится фигура князя Владимира – тирана, развратника, братоубийцы (возможно, и отцеубийцы), впрыснувшего в вены Руси отдающий тленом византийский яд, чье действие сказывается даже сегодня, когда от Византии остались одни воспоминания...

Виртуальность-2: Полумесяц над Россией

Была ли вероятность для России IX столетия принять вместо христианства ислам?

Вполне, и не столь уж малая. Начнем с того, что ислам, в общем, менталитету русского человека несколько не противоречит (что в разное время доказали многочисленные беглецы из нашего отечества в мусульманские страны, принимавшие тамошнюю веру без особых тревожений – начиная с казаков и кончая солдатами кавказских полков. Иные из этих беглецов достигали крайне высокого положения). Разве что запрет на спиртное несколько удручает, но, откровенно говоря, его в мусульманском мире частенько находили способ

обойти.

Что гораздо более важно, ислам в своей фундаментальной основе вовсе не несет какого-то отрицательного заряда. По сути, та же «соборность», что и в христианской церкви, то же отсутствие разделения по национальному признаку, аналогичное словам Христа «под солнцем моим (т. е. в церкви моей – А. Б.) несть ни эллина, ни иудея». И, наконец, почитание многих святых и праведников, которых почитают и христиане. Не зря в Коране написано: «Ближе всех к нам христиане», точнее: «Самые близкие по любви к уверовавшим те, которые говорили: «Мы – христиане!» (Сура 5, «Трапеза»). И далее: «Прокляты те из сынов Израиля, которые не веровали языком Дауда и Исы, сына Марйам!» Дауд – библейский царь Давид, Иса – Иисус, Марйам – Дева Мария [92].

К сожалению, в формировании некоего подсознательного страха перед мусульманством повинны европейские пропагандисты, по сути, поставившие знак равенства меж исламом как учением и бородатым экстремистом с автоматом наперевес. Как будто в иных религиях не бывало экстремистов... Никто не станет называть террористов из каких-нибудь «красных бригад» «христианскими фанатиками» – однако боевик-мусульманин сплошь и рядом будет назван «исламским фанатиком», с упором, как правило, даже не на второе, а на первое слово.

Дело в том, что ислам, по большому счету, откровенно злит своим существованием кое-кого из тех самых сторонников «протестантской этики». Тех, кто склонен именовать «свободой и демократией» механическое перенесение своих установлений и порядков на другие страны, без всякого учета их национальной самобытности. Меж тем нынешние исламские страны вовсе не «отстали» и не «фанатичны» – там просто-напросто отстаивают свое законное право жить так, как жили их деды и прадеды, справедливо полагая, что тринадцативековая история развития под знаменем ислама представляет собой слишком большую ценность, чтобы от нее можно было легко отказаться ради сомнительного «прогресса».

Самый яркий пример полнейшего непонимания «образованным Западом» (и нашей образованщиной, уточню) особенностей и специфики исламского мира – дело Салмана Рушди. Последнего нам усиленно навязывают в качестве «борца за свободу творчества», которого узколобые фанатики отчего-то приговорили к смерти.

Отчего-то? Есть такие понятия «святотатство» и «богохульство». А также знаменитое высказывание о том, что свобода есть осознанная необходимость. Проще говоря, есть святые вещи, которые должны быть избавлены от экспериментов под названием «свобода творчества». Меж тем Рушди в своих «Сатанинских стихах» «изблевал», пользуясь старым русским выражением, «версию», которая стала оскорблением для любого верующего мусульманина – версию о том, что якобы вдохновителем при написании части Корана для Мухаммеда послужил не Аллах, а Сатана...

Нам просто-напросто трудно понять, какой гнусностью это выглядит в глазах *ревностно* верующего приверженца ислама. Мы сами, увы, далеко не так ревностны в своей вере, а потому преспокойно сглотнули роман Стругацких «Отягощенные злом», где в грязно-пародийной манере журнала «Безбожник» излагается жизнеописание евангелистов. Но это так, к слову...

Возвращаясь к исламу, стоит упомянуть, что в свое время он распространился по всей Северной Африке практически мирным путем. Города сами открывали ворота перед мусульманскими войсками – поскольку новая жизнь и новое учение казались – и были – не в пример предпочтительнее. Вот, кстати, подлинный приказ калифа Омара, обращенный к его воинам: «Вы не должны быть вероломными, нечестными или невоздержанными, не должны увечить пленных, убивать детей и стариков, рубить или сжигать пальмы или фруктовые деревья, убивать коров, овец или верблюдов. Не трогайте тех, кто посвящает себя молитве в своей келье» (637 г. от Р. Х.).

Обратите особенное внимание на последнюю строчку – речь там идет о прямом запрете причинять вред исповедующим *иную* веру. В самом деле, ислам всегда отличался

веротерпимостью. К язычникам мусульмане относились враждебно – но не к христианам. Все вбитые в наше сознание стереотипы о «мусульманских зверствах» сплошь и рядом не соответствуют истине – или относятся к *позднейшему* периоду (конец прошлого – начало нынешнего столетия), когда и в самом деле агонизирующая Османская империя мало напоминала прежние времена широкой веротерпимости...

При вдумчивом изучении истории убеждаешься, что, в общем, любые «турецкие зверства» как минимум не *превосходят* того, что творило в разное время христианское воинство. А то и уступают последним. Во все времена люди были склонны преуменьшать зверства своих и преувеличивать *чужие* зверства – а потому мы до сих пор проливаем слезу над участью бедного А. С. Грибоедова (кстати, по достоверным свидетельствам, своим предельно наглым поведением в Тегеране прямо-таки провоцировавшим конфликт), однако совершенно забываем о том, как Бонапарт в Египте своим честным словом пообещал сохранить жизнь мусульманским защитникам крепости Яффа, если они сдадутся, но тут же расстрелял четыре тысячи человек, имевших неосторожность ему поверить. (Отечественный историк А. Манфред уклончиво описал эту историю одной фразой: «При взятии Яффы французы проявили крайнюю жестокость к побежденным» [116]. Поневоле вспоминается старая русская поговорка: «Свое г... не пахнет»...)

В современной исторической литературе принято описывать самыми черными красками взятие турками Константинополя в 1453 г. Однако более углубленное знакомство с первоисточниками, мягко говоря, заставляет на многое смотреть по-иному.

Конечно, после взятия города случилась резня – как бывало во все века, религиозная принадлежность победителей и побежденных тут ни при чем. В конце концов, при взятии Варшавы войсками Суворова в 1793 г. казаки-христиане насиловали, а затем убивали христианских монахинь, а надетых на пики детей таскали по улицам (о чем пишет известный русский историк Костомаров)... [96]

Но вот дальше начинаются события, вовсе не укладывающиеся в традиционную картину «басурманских зверств». Храм Святой Софии турки превращают в мечеть – но множество других христианских церквей остается в неприкосновенности, и в них продолжают службы. Греческие библиотеки оставлены в целости – еще столетие спустя Ожье Бусбек, посол короля Фердинанда в Стамбуле, покупал древние греческие книги *возами*. Брат погибшего императора константинопольского Деметрий... возвращается в новую столицу Оттоманской империи, ко двору султана! От которого получает пенсию, слуг, телохранителей – и умирает в довольстве глубоким стариком. Следом возвращается его племянник Мануэль – и тоже обретает всевозможные блага, а его сын впоследствии дослужился до высоких постов при султани.

Стоит ли теперь удивляться, что в XVI веке, когда турки вышли к границам Австрии, на занятую ими территорию массами бежали немецкие и австрийские крестьяне? Причина проста: налоги на турецкой стороне были не в пример меньше тех, что драли христианские феодалы...

Можно еще добавить, что в реальности зачисление христианских детей в корпус янычар далеко не всегда вызывало потоки слез у их родителей. Янычары в тогдашней Турции играли ту же роль, что впоследствии в петровской России гвардейские полки – роль резерва кадров. Именно выходцы из янычар, подобно русским гвардейским сержантам, делали сплошь и рядом карьеру на военной, «статской» и придворной службе – сохранились свидетельства о том, что явление это, будучи массовым, вызывало неприкрытую зависть «чистокровных» турок. Особенно если учесть, что, кроме янычар, существовали еще «цивильные» учебные заведения, где из христианских детей готовили гражданских администраторов для Оттоманской империи.

Ах да, погромы... Действительно, в Стамбуле имели место так называемые еврейские и христианские погромы. Вот только вызваны они были отнюдь не религиозными распрями.

Секрет в том, что ислам категорически запрещает давать деньги в долг под проценты, и ремесло ростовщика – одно из самых презираемых в мусульманском мире. Ростовщицеством

в Стамбуле занимались главным образом евреи и православные греки. Отсюда и погромы – религиозной подоплеки в них не больше, чем в европейских репрессиях против фламандских и ломбардских банкиров-ростовщиков, таких же католиков, как и их гонители...

Нелишним будет упомянуть, что многие из знаменитых турецких адмиралов были христианами-отступниками.

Другими словами, мусульманский мир никогда не был отделен от христианского непроницаемой стеной и уж никак не являлся этакой «чужой планетой». От взаимопроникновения и взаимного обогащения культур до мощного притока христиан-рenegатов в Турцию (при полном отсутствии обратного движения) – примерно таков диапазон. Вообще, что характерно, Русь до начала XVI столетия практически не ощущала себя «противопоставленной» исламскому миру – впрочем, последующие войны с Турцией были вызваны не столько внутренними потребностями России, сколько нажимом европейских держав, по сути, втравивших наших предков в совершенно ненужную им бойню, как впоследствии втравили нас в Семилетнюю войну...

Какие глобальные, стратегические последствия имело бы принятие Русью ислама?

Прежде всего, возникает интереснейшая проблема: какую ветвь ислама из двух предпочли бы наши предки, суннизм или шиизм?

Излагая слегка облегченно, суть в следующем. Шииты (слово это возникло от «шиат Али» – «партия Али») считают, что святыми «халифами» ислама являются только *прямые*, кровные потомки Али, зятя пророка Мухаммеда, мужа его дочери Фатимы. Только потомки Али, согласно шиизму, способны считаться имамами, законными духовными руководителями мусульман. Кроме того, шииты признают в качестве обязательного источника веры только Коран.

Сунниты, во-первых, священными книгами признают еще и «сунны» – сборники так называемых хадисов, рассказывающих о жизни, суждениях и поучениях Мухаммеда. Во-вторых, сунниты считают, что святость человеку дает не происхождение его от пророка, а добродетельная жизнь во славу ислама. Часть почитаемых шиитами халифов признают и сунниты – но только часть, в суннизме есть и другие халифы, именуемые «халифы праведной жизни».

Лично я убежден, что к русскому менталитету гораздо ближе суннизм. А еще более русскому мировоззрению соответствует исламское понятие «калиф» – так назывались правители, соединявшие обязанности и светского, и духовного владыки. Во всяком случае, именно к этому стремились многие русские великие князья, цари, а впоследствии и император Петр.

И не одни православные... Неоднократно поминавшийся в этой книге Генрих VIII, однажды без затей провозгласивший себя главой новой, «англиканской» церкви, вполне укладывается в понятие «христианского калифа» – хотя, наверное, удивился бы такому определению...

Итак, на историческую арену вступила мусульманская (а вдобавок суннитская) Русь. Попробуем просчитать последствия.

Разумеется, те же междоусобные войны крупных феодалов – от них никогда не был избавлен и мусульманский мир.

И – столь же глобальное изменение политической ситуации в Европе. Тот самый вес, что в «Виртуальности-1» лег бы всей своей немалой тяжестью на чашу Ватикана, теперь, наоборот, заставил бы последнюю взлететь вверх, как воздушный шарик.

Не исключено, что в «Виртуальности-2» Русь с самого начала повела бы целенаправленную экспансию в сторону Константинополя. И могла бы захватить его раньше, чем в Малой Азии появились турки-османы. На Босфоре и в степях Средней Азии слились бы две исламских волны – с юга и севера.

В реальности победа христианства над мусульманством вовсе не выглядит чем-то непреложным. Еще в XVII веке мусульманские пираты добирались до берегов Англии (а южную Италию тревожили и во второй половине века XVIII), а Турция не прекращала

попыток проникнуть в глубь Европы вплоть до 1683 г. Именно в этом году под Веной состоялось решающее сражение, после которого Османская империя навсегда отказалась от экспансии в Европу. Объединенное войско Священной Лиги под предводительством польского короля Яна III Собеского (27 000 украинских казаков и польских шляхтичей, около 43 000 немецких, саксонских и франконских солдат) встретилось с 70 000 турок, которыми командовал великий визирь Кара-Мустафа. Двадцатитысячный конный отряд под личным командованием короля Яна опрокинул правое крыло турок, а на левом фланге успех закрепила пехота герцога Лотарингского. Турки потеряли пятнадцать тысяч человек, союзники – три с половиной.

В нашей виртуальности до этого могло и не дойти. Совсем наоборот – христианская Европа вполне могла потерпеть полное и окончательное поражение под совместным натиском испанских мавров, Турции и Московского халифата, поддержанных на море берберийскими корсарами (среди которых, как мы помним, хватало христиан-отступников вроде Хайр-эд-Дина Рыжебородого). Над Парижем, Римом, Веной и Краковом поднялись бы знамена с полумесяцем, и лихая конница московского халифа *Ивана Грозного* поила бы лошадей в Дунае. Дольше всех на своем острове продержались бы, конечно, англичане – но вряд ли намного.

Сомнительно, чтобы завоевание мусульманской коалицией Европы привело бы к *полному* исчезновению христианства – но оно превратилось бы в религию ничтожной части европейского населения.

Я не берусь проследить конкретные судьбы каждой европейской страны при таком повороте событий, но кое-какие общие тенденции развития спрогнозировать можно.

Во-первых, как и в «Виртуальности-1», открытие Америки отодвинулось бы на гораздо более поздние времена – поскольку мусульманский мир, располагавший налаженными торговыми связями с Индостанским полуостровом, не нуждался бы в поисках «обходных» путей. Зато с уверенностью можно сказать: попав в конце концов в Америку, завоеватели вели бы себя там по отношению к местным религиям ничуть не мягче, чем испанцы-католики из нашей реальности. Язычников, как упоминалось, ислам весьма недолюбливает – а в глазах благочестивого мусульманина индейские жрецы с их человеческими жертвоприношениями выглядели бы точно так, как в глазах христианских священников...

Во-вторых, как и в первом варианте виртуальности, страны и племена Черной Африки имели бы достаточно времени для самобытного развития – исламский мир не нуждался бы в потоках черных рабов (по крайней мере, в столь масштабных потоках, какие текли в США).

В-третьих, что особенно важно, европейское общество точно так же избежало бы «прелестей» бездумного технического прогресса и промышленной революции на пуританский манер. Исламский мир никогда не отвергал технических новинок, но, по сути, руководствовался теми же принципами «соборности», разве что именовались они иначе. Можно по-разному относиться к эпитету «Большой сатана», которым аятолла Хомейни припечатал Соединенные Штаты, – но есть все основания видеть родство этого выражения и высказывания известного французского ученого Пуанкаре: «Америка пришла к цивилизации, минуя культуру». Потому что оба, и мусульманин, и европеец, имели в виду нечто схожее – ярко выраженный дефицит духовности, подмененной гонкой за «прогрессом». Между прочим, атомное оружие, концентрационные лагеря и нацизм – по совести, порождение как раз *протестантской* цивилизации.

Словом, и в этом варианте будущего мы жили бы, возможно, не в столь техницизированном мире – но жизнь наша, ручаться можно, была бы гораздо спокойнее, а прошлое нашей виртуальности не было бы омрачено атомными взрывами и уничтожением миллионов людей по национальному признаку...

А без винца не остались бы, право, если кого-то беспокоит именно этот аспект. Пошли бы к знакомому мулле, поговорили бы по душам и получили так называемую фетву – официальное разрешение от духовного лица употреблять спиртное в лечебных целях. Во

всяком случае, уже сотни лет назад иные хитрецы именно так и устраивались...

Но если серьезно, лично для меня остаются привлекательными *обе* рассмотренные выше виртуальности. Хотя бы потому, что жизнь с верховыми лошадьми и керосиновыми лампами при всем ее кажущемся неудобстве компенсируется тем, что сверху не падают кислотные дожди и ниоткуда не хлышет невидимым, неосязаемым потоком радиация...

Внимательный и дотошный читатель (а я верю в то, что добравшийся до этой страницы уже не намерен бросать книгу) наверняка может задать вопрос: отчего автор в своих расчетах обеих виртуальностей совершенно не учитывал столь важный и весомый фактор, как татаро-монгольское нашествие, сыгравшее огромную роль в жизни не только Азии, но и Европы?

Вопрос, в общем, резонный. Но лично я намерен ответить на него встречным вопросом: а вы уверены, что существовало татаро-монгольское иго, Чингисхан и Батый?

Сам я в существовании всего этого совершенно не уверен. О чем и поговорим вдумчиво в следующей главе...

Славянская книга проклятий

Проклятие епископа

История конфликтов коронованных владык с владыками церкви «велика и обширна есть», и даже в кратком изложении заняла бы немало толстых томов. Темой нашего очередного исторического расследования будет лишь один-единственный, практически забытый, но крайне загадочный пример: конфликт польского короля Болеслава Смелого и краковского епископа Станислава в конце одиннадцатого века, завершившийся смертью обоих и положивший начало череде загадок, прямо-таки мистических совпадений, получивших название «проклятие епископа Станислава».

О причинах и глубинной сути вражды меж двумя высокими особами известно крайне мало. По сообщениям иных историков XV-XVI веков, епископ Станислав неустанно критиковал короля за его произвол и жестокость по отношению к подданным и, убедившись, что увещания не действуют, пригрозил наложить на венценосца проклятие. Пожалуй, эта версия наиболее правдоподобна: есть летописи XI столетия, подробно рассказывающие о прямо-таки необъяснимых, с точки зрения нормального человека, выходках короля Болеслава. По материнской линии происходившего, как давно установлено, из рода, «славного» откровенно безумными субъектами. К примеру, один из них, герцог Генрих, прилюдно избил архиепископа, добровольно ушел в монастырь, откуда вскоре сбежал, а вернувшись домой к жене, отрубил ей голову и демонстрировал ее прохожим на улице. Уже в нашем веке исследовавшие старые летописи судебные медики и психиатры без колебаний пришли к выводу, что Болеслав был ярко выраженным психопатом с признаками шизоидного распада личности.

Развязка долгого спора наступила в 1079 г., когда епископ Станислав был убит прямо у алтаря в краковском соборе – по одним версиям, приближенными Болеслава, по другим – самим королем. Достоверно известно лишь (после проведенной в XX веке экспертизы черепа), что епископ получил смертельный удар мечом в затылок.

После вспыхнувшего в стране всеобщего возмущения король Болеслав вынужден был бежать из Польши и закончил свои дни в полной неизвестности. Версий насчитывается три: убит венграми; в приступе окончательного безумия покончил с собой; умер в отдаленном монастыре. Место его погребения неизвестно. Уже в 1839 г. было доказано, что так называемая могила короля Болеслава в краковском замке Вавель содержит останки одной знатной дамы XVI столетия, чью могилу неизвестно кто и неизвестно когда «украсил» надгробной плитой с именем короля...

Епископ Станислав, причисленный в 1254 г. к лику святых, с тех пор считается

небесным покровителем Польши. Уже в раннем Средневековье возникла традиция: каждый новый король, восходящий на престол, обязательно проходил пешком путь от замка Вавель к собору, где был убит Станислав, и там, преклонив колени у алтаря, просил прощения за «грех предка своего Болеслава». Обычай этот свято соблюдался в Польше долгие столетия, все время существования королевской власти – в том числе и теми монархами, что уже не были даже отдаленными родственниками Болеслава. Прервалась династия Пястов, к которой принадлежал Болеслав, на троне побывали и мазовецкие князья, и чешские короли, оборвались роды Андегавенов, через двести лет – Ягеллонов, наступило время выборных королей – но древний обычай неукоснительно соблюдался. Лишь два монарха его не исполнили, короновавшись не в Кракове, а в Варшаве, не попросив прощения. Но подробнее о них – чуть ниже...

Почти сразу же возник еще один, неписанный, но тщательно соблюдавшийся обычай: не назначать на краковское епископство священников по имени Станислав. Более того: в течение более чем шестисот лет после смерти епископа Станислава это имя избегали давать новорожденным мальчикам в сменявших друг друга королевских династиях (при том, что до конца XIX века имя «Станислав» входило в тройку самых распространенных в Польше), а когда наступила пора выборных королей, кандидаты с этим именем постоянно отвергались.

Традиция эта оказалась сломанной лишь с наступлением XVIII столетия, печально известного своими «свободомыслием» и «просвещенностью», равно как и открытым пренебрежением к «старым суевериям».

Так вот, как говорилось выше, лишь два короля не исполнили старинный обряд, отказавшись поклониться праху святого Станислава, короновались не в Кракове, а в Варшаве. Лишь они двое в нарушение древней традиции носили имя «Станислав» – речь идет о Станиславе Лещинском (1677-1766) и Станиславе Понятовском (1732-1798). И лишь они двое после Болеслава Смелого стали изгнанниками, свергнутыми с престола и погребенными на чужбине! Лещинский, проживший без малого девяносто лет, на троне просидел лишь пять, с 1704-го по 1709-й. Вторично став королем исключительно благодаря поддержке французских штыков в 1735-м, не удержался на престоле и года и скончался во Франции после тридцатилетнего прозябания в роли приживальщика версальского двора. Понятовский остался в истории с клеймом еще большего несчастливца: именно при нем Польша перестала существовать как самостоятельное государство.

Те, кто материалистически твердит о совпадениях, продиктованных теорией вероятности, разумеется, имеют право считать именно так. Однако ни одна материалистическая версия не в силах объяснить, почему все происшедшее с превеликой легкостью вписалось в рамки древнего «проклятья епископа Станислава»...

Проклятие княгини Раины

Долгие и частые войны, бушевавшие во второй половине XVII века на Украине, втянувшие в свой кипящий водоворот поляков, татар, казаков, русских, турок и литвинов, выдвинули много ярких исторических фигур во всех противоборствующих лагерях. Речь пойдет лишь об одном из наиболее заметных деятелей той эпохи: князе Иеремии (Яреме) Вишневецком. Происходивший из семьи богатейших православных магнатов «русской земли» (именно так, как мы помним, звалась находившаяся в сфере влияния Польши территория нынешней Украины), князь в девятнадцать лет перешел из православия в католичество и стал одним из виднейших деятелей Жечи Посполитой той эпохи, окруженный прямо-таки мистическими любовью и поклонением (о чем свидетельствуют как польские летописцы, так и русские историки). Как уже вскользь упоминалось, в собственно польских землях шляхетство, долгие годы упиваясь своими вольностями и привилегиями, оказалось не в состоянии выполнять главную дворянскую обязанность: воевать за родину. Войны с казаками, татарами и турками легли на плечи главным образом «новых» католиков, потомков знатных православных родов Литвы и «русской земли». В один ряд с

Радзивиллами, Потоцкими и Сангушко встал и «князь Ярема», подобно многим в ту бурную эпоху причудливо сочетавший талант полководца и европейскую образованность с дикой жестокостью к противнику. Совсем молодым он заслужил жутковатое прозвище «Ужас козачий», и рассказы о том, как при одном слухе «Ярема идет!» паника охватывала целые города, отнюдь не беспочвенно. Богдан Хмельницкий, которого при всей его человеческой подлости никак нельзя назвать плохим полководцем, публично признавал Вишневецкого своим самым опасным противником. Популярность Иеремии в Польше была столь велика, что его сына Михая Корибута, не блиставшего никакими талантами, избрали королем исключительно из преклонения перед памятью знаменитого отца.

В июне 1651 г. у Берестечко сошлись польская армия и отряды Хмельницкого, к которому прибыл на помощь крымский хан (дело в том, что Богдан, как не без смущения вынуждены признать даже симпатизирующие ему историки, одерживал победы над поляками только в тех случаях, когда действовал совместно с крымскими татарами. Выступив в поход один, он каждый раз бывал бит...). Несмотря на присутствие в польском лагере короля Яна Казимира, войском фактически командовал Вишневецкий, по своему обыкновению лично возглавивший конную атаку. Головорезы «князя Яремы» после ожесточенной рубки опрокинули казацко-татарскую конницу, открыв главным силам дорогу на Киев, который был вскоре взят (тем самым литовским войском, о котором уже упоминалось). Вишневецкий намеревался продолжать преследование противника, пока не захватит Хмельницкого живым – вражда меж ними давно стала личной.

Мы не будем здесь обсуждать, как повернулась бы история, если Вишневецкому удалось бы захватить Хмельницкого, замечу лишь, что в этом случае ни о какой Переяславской раде не было бы и речи. Несколькими днями спустя тридцатидевятилетний «князь Ярема» неожиданно скончался в своем лагере. Смерть молодого удачливого полководца выглядела столь неожиданной и неестественной, что, как частенько случалось в ту эпоху, пошли толки об «измене и отраве». Полковые священники с великими трудами усмирили бунт в лагере – солдаты сгоряча рвались изрубить все ближайшее окружение князя. Чтобы пресечь толки, было проведено скрупулезнейшее вскрытие, отравления не подтвердившее. Уже в наши дни на основании сохранившихся подробных описаний был подтвержден первоначальный диагноз – пищевое отравление, вызвавшее скоротечную дизентерию в тяжелой форме.

Странности начались три столетия спустя, когда исследованию при помощи современных методов судебно-медицинской экспертизы подверглись не документы, а сами останки Вишневецкого, хранившиеся в застекленном гробу в соборе Святого Креста*.

Прежде всего выяснилось, что это – не Вишневецкий. Покойнику из стеклянного гроба было не менее шестидесяти лет. Кто он такой, уже вряд ли когда-нибудь удастся выяснить.

Естественно, встал вопрос: где настоящие останки и настоящая могила Вишневецкого? Оказалось, что «один из славнейших витязей Жечи Посполитой»... так *никогда* и не был похоронен по христианскому обряду! После долгих поисков остановились на двух наиболее правдоподобных версиях, ждавший погребения гроб с набальзамированным телом князя либо был в 1655 г. уничтожен походом вторгшимися в Польшу шведами, разгромившими в поисках кладов Сокальский монастырь, либо оказался забыт в подвалах и погиб при пожаре 1777 года...

Потом выяснилось, что не существует ни одного портрета князя Яремы, написанного при его жизни, а те, что имелись и считались изображениями Вишневецкого, запечатлели совсем других людей... От воевод и гетманов, не обладавших и сотой долей популярности Вишневецкого, остались в музеях сабли и булавы, золототканые кафтаны и украшения, табакерки и прочие «памятки». Другое дело с Вишневецким: на сегодняшний день не осталось ни одного материального следа, даже паршивенькой пуговицы. Не сохранилось ни единого дома, где ступала нога князя. Словно некий невидимый, неосязаемый вихрь пронесся над Польшей, уничтожив все связанное с памятью полководца. Все, к чему прикасались его руки, сгнуло с поверхности земли...

Наиболее смелые историки – конечно, конфузливо обставляя свои высказывания массой материалистических оговорок – стали упоминать о «проклятии Вишневецкого». Разумеется, употребляя робкие, уютные термины вроде: «Как бы...», «Такое впечатление...»

Совсем недавно взорвалась бомба. В архивах был обнаружен документ, чья подлинность сомнений не вызывает: так называемый акт заложения, продиктованный матерью Вишневецкого княгиней Раиной при основании ею православного монастыря в Мхарске. В самом конце по приказу княгини вписаны грозные слова: «...если же кто в грядущем дерзнет посягнуть на сию обитель или отнимать дарованное нами, или найдется кто, посмевающий нашей благочестивой и старозаветною верою православною пренебрегать либо отвергнуть таковую – быть тому прокляту, и да рассудит меня с ним правосудие Господне».

Вряд ли, диктуя эти строки, княгиня могла предугадать, что это проклятие в будущем настигнет ее собственного, единственного сына, в то время еще не расставшегося с православием и постигавшего науки в Европе...

Призрак «Золотой орды»

Каждое настоящее располагает собственным прошлым.

Р. Дж. Коллингвуд. «Идея истории»

О том, что известно всем

Классическая, то есть признанная современной наукой версия «монголо-татарского нашествия на Русь», «монголо-татарского ига» и «освобождения от ордынской тирании» достаточно известна, однако нелишне будет еще раз освежить ее в памяти.

Итак... В начале XIII столетия в монгольских степях смелый и чертовски энергичный племенной вождь по имени Чингисхан сколотил из кочевников огромное войско, спаянное железной дисциплиной, и вознамерился покорить весь мир, «до последнего моря». Завоевав ближайших соседей, а потом захватив Китай, могучая татаро-монгольская орда покатила на Запад. Пройдя около пяти тысяч километров, монголы разгромили государство Хорезм, затем Грузию, в 1223 г. вышли к южным окраинам Руси, где и разбили войско русских князей в сражении на реке Калке. Зимой 1237 г. монголо-татары вторглись на Русь уже со всем своим неисчислимым войском, сожгли и разорили множество русских городов, а в 1241 г. во исполнение заветов Чингисхана попытались покорить Западную Европу – вторглись в Польшу, в Чехию, на юго-западе достигли берегов Адриатического моря, однако повернули назад, потому что боялись оставлять у себя в тылу разоренную, но все еще опасную для них Русь.

И началось татаро-монгольское иго. Огромная монгольская империя, простиравшаяся от Пекина до Волги, зловещей тенью нависала над Русью. Монгольские ханы выдавали русским князьям ярлыки на княжение, множество раз нападали на Русь, чтобы грабить и разбойничать, неоднократно убивали у себя в Золотой Орде русских князей. Нужно уточнить, что среди монголов было много христиан, а потому отдельные русские князья завязывали с ордынскими властелинами довольно близкие, дружеские отношения, становясь даже их побратимами. С помощью татаро-монгольских отрядов иные князья удерживались на «столе» (т. е. на престоле), решали свои сугубо внутренние проблемы и даже дань для Золотой Орды собирали своими силами.

Окрепнув со временем, Русь стала показывать зубы. В 1380 г. великий князь московский Дмитрий Донской разбил ордынского хана Мамай с его татарами, а столетием спустя, в так называемом стоянии на Угре сошлись войска великого князя Ивана III и ордынского хана Ахмата. Противники долго стояли лагерем по разные стороны реки Угры, после чего хан Ахмат, поняв наконец, что русские стали сильны и у него есть все шансы

проиграть сражение, отдал приказ отступать и увел свою орду на Волгу. Эти события и считаются «концом татаро-монгольского ига».

Версия

Все вышеизложенное – краткая выжимка или, говоря на иностранный манер, дайджест. Минимум того, что должен знать «всякий интеллигентный человек».

Честно говоря, автор этих строк никоим образом не считает себя интеллигентным человеком – вслед за А. П. Чеховым, К. П. Победоносцевым, Ф. М. Достоевским, авторами известного сборника «Вехи», а также Л. Н. Гумилевым, в ответ на вопрос, причисляет ли он себя к интеллигентам, восклицавшего: «Да Боже упаси!» Вопрос о том, что представляет собой так называемая интеллигенция, чересчур обширен и не укладывается в данную книгу. Это уточнение автор делает исключительно для того, чтобы подчеркнуть: именно непричисление собственной персоны к интеллигенции («образованщине», по Солженицыну) как раз и выработало привычку не следовать рабски «общепринятым теориям», а искать свою собственную дорогу. Я, понятно, имею в виду не стремление «из чистого принципа» писать поперек линованной бумаги, а свое право высказывать сомнения в «общепринятых теориях» – в тех случаях, когда эти теории, на мой взгляд, страдают полнейшей нелогичностью, натяжками и закостелостью.

Можно было пойти по избитой дорожке авторов иных детективов: долго интриговать читателя, чтобы потом огорошить сенсацией. Лично мне гораздо более близок метод, который Конан Дойл отдал на вооружение безупречному логичу Шерлоку Холмсу: сначала излагается *подлинная* версия случившегося, а потом – цепочка рассуждений, которые и привели Холмса к открытию истины.

Именно так я и намерен поступить. Сперва изложить собственную версию «ордынского» периода русской истории, а потом на протяжении пары сотен страниц методично обосновывать свою гипотезу, ссылаясь не столько на собственные ощущения и «озарения», сколько на летописи, работы историков прошлого, оказавшиеся незаслуженно забытыми.

Итак. Я намерен доказать читателю, что вкратце изложенная выше классическая гипотеза напрочь неверна, что происходившее на самом деле укладывается в следующие тезисы:

1. Никакие «монголы» не приходили на Русь из своих степей.
2. Татары представляют собой не пришельцев, а жителей Заволжья, обитавших по соседству с русскими *зادолго* до пресловутого «нашествия».
3. То, что принято называть татаро-монгольским нашествием, на самом деле было борьбой потомков князя Всеволода Большое Гнездо (сына Ярослава и внука Александра) со своими соперниками-князьями за единоличную власть над Русью. Соответственно, под именами Чингисхана и Батые как раз и выступают Ярослав с Александром Невским.
4. Мамай и Ахмат были не налетчиками-пришельцами, а знатными вельможами, согласно династическим связям русско-татарских родов имевшими права на великое княжение. Соответственно, «Мамаево побоище» и «стояние на Угре» – эпизоды не борьбы с иноземными агрессорами, а очередной гражданской войны на Руси.
5. Чтобы доказать истинность всего вышперечисленного, нет нужды ставить с ног на голову имеющиеся у нас на сегодняшний день исторические источники. Достаточно перечитать многие русские летописи и труды ранних историков вдумчиво. Отсеять откровенно сказочные моменты и сделать логические выводы вместо того, чтобы бездумно принимать на веру официальную теорию, чья весомость заключается главным образом не в доказательности, а в том, что «классическая теория» просто-напросто *устоялась* за долгие века. Достигнув стадии, на которой любые возражения перебиваются железным вроде бы аргументом: «Помилуйте, но ведь это ВСЕМ ИЗВЕСТНО!»

Увы, аргумент только выглядит железным... Всего пятьсот лет назад «всем известно»

было, что Солнце вертится вокруг Земли. Двести лет назад Французская Академия наук в официальной бумаге высмеяла тех, кто верил в падающие с неба камни. Академиков, в общем, не стоит судить слишком строго: и в самом деле «всем известно» было, что небо представляет собою не твердь, а воздух, где камням неоткуда взяться. Одно немаловажное уточнение: никому не было известно, что за пределами атмосферы как раз и летают камни, способные частенько падать на землю...

Об истории, историках и фактах

Известный английский историк и философ Р. Дж. Коллингвуд, строчка из книги которого справедливо взята эпиграфом к данной главе, оставил интереснейшую работу как раз по интересующему нас вопросу: как оценить степень достоверности тех или иных исторических фактов? [89]

Коллингвуд писал: «Критерием истины, оправдывающим его (историка – А. Б.) утверждения, никогда не служит тот факт, что их содержание было дано ему источником». Считаю, что, кроме механического восприятия запечатленных древним хронистом фактов, историк должен еще учитывать «достоверность» в качестве пробного камня, с помощью которого мы решаем, являются ли эти факты истинными, Коллингвуд приводит пример: «Светоний говорит мне, что Нерон одно время намеревался убрать римские легионы из Британии. Я отвергаю это свидетельство Светония не потому, что какой-нибудь более совершенный источник противоречит ему, ибо, конечно, у меня нет таких источников. Я отвергаю его, ибо, реконструируя политику Нерона по сочинениям Тацита, Я НЕ МОГУ СЧИТАТЬ, что Светоний прав... я могу включить то, о чем поведал Тацит, в собственную связную и цельную картину событий и не могу этого сделать с рассказами Светония».

Проще говоря, любой вдумчивый исследователь имеет право на построение собственной версии – при условии, что она не противоречит логике, здравому смыслу, тому, что нам в общих чертах известно о данной эпохе. Скажем, можно с большой степенью вероятности утверждать: человек, исповедующий христианство, никогда не прикажет казнить другого человека за *отказ* поклониться языческим богам. Однако в повествованиях о «злых татаровьях» мы еще столкнемся с этим парадоксом: христианин-хан из Золотой Орды вдруг велит казнить русского князя-христианина за отказ поклониться языческому кумиру...

Выводов здесь может быть только два: либо летописец напутал и хан – вовсе не христианин, либо эта история – выдумка...

Но не будем забегать вперед, вернемся к Коллингвуду.

«...любой источник может быть испорчен: этот автор предубежден, тот получил ложную информацию, эта надпись неверно прочтена плохим специалистом по эпиграфике, этот черепок смещен из своего временного слоя неопытным археологом, а тот – невинным кроликом. Критически мыслящий историк должен выявить и исправить все подобные искажения. И делает он это, только решая для себя, является ли картина прошлого, создаваемая на основе данного свидетельства, связной и непрерывной картиной, имеющей исторический смысл».

В самом деле, мы порой с излишним почтением относимся к полуистлевшим летописям, забывая, что писали их *люди*. Обуреваемые всеми человеческими страстями – от желания написать лишнюю, высосанную из пальца гадость про нелюбимого боярина до умышленного искажения истины по приказу своего князя, с которым не больно-то и поспоришь. Предубеждения и ложная информация... Любопытно, что на родине Коллингвуда, в Англии, во время Первой мировой войны родился любопытный миф о полках регулярной русской армии, которые, высадившись где-то на севере Британии, походным маршем прошли к Ла-Маншу, спеша помочь союзникам, после чего переправились во Францию и ринулись в бой с «проклятыми бошами».

Никогда ничего подобного не было. Русские части попадали во Францию морем, без

захода в Англию. И тем не менее британские писатели и журналисты не единожды сталкивались с «очевидцами», своими глазами зрившими, как шагали с бодрой незнакомой песней русские усачи-союзники...

А погибни в каком-нибудь катаклизме *правдивые* документы? И попади запись о «проследовавших через Англию русских» к историку следующей цивилизации, веке в XXIII разбирающем жалкие остатки писем предшественников? Ведь внесет в свой ученый труд – и академик, глядишь, получит...

И наоборот. В Ипатьевской летописи, которой историки склонны доверять больше, чем некоторым другим, стоит краткая запись: «В лето 6750 не бысть ничтоже» – то есть, «не было ничего». Меж тем лето 6750 – это 1242 год! Тот самый год, когда Александр Невский разбил на Чудском озере псов-рыцарей! Представьте, что из *всех* русских хроник до нас дошла бы *одна*, Ипатьевская... То-то.

Вновь слово Коллингвуду «Мы уже знаем, чем не является свидетельство. Оно – не готовое историческое знание, которое должен поглотить и низвергнуть обратно ум историка. Свидетельством является все, что историк может использовать в качестве такового... Обогащение исторического знания осуществляется главным образом путем отыскания способов того, как использовать в качестве свидетельства для исторического доказательства тот или иной воспринимаемый факт, который историки до сего времени СЧИТАЛИ БЕСПОЛЕЗНЫМ... В истории, как и во всех серьезных предметах, никакой результат не является окончательным. Свидетельства прошлого, находящиеся в нашем распоряжении при решении любой конкретной проблемы, меняются с изменением исторического метода и при изменении компетентности историков... Каждый новый историк не удовлетворяется тем, что дает новые ответы на старые вопросы: он должен пересматривать и самые вопросы».

Справедливость последнего утверждения блестяще подтвердилась за последние десять лет нашей с вами истории. Сначала дошло до того, что молодые люди году в 1986-м даже не знали, кто такие Бухарин и Берия (факт, зафиксированный в печати). Потом, с возвращением многих вычеркнутых из не такой уж давней истории имен какое-то время «диссиденты», «демократы» и «либералы» внушали обществу, что все беды происходят от злодея Сталина, искажившего благостные и гуманнейшие «ленинские заветы», к которым следует непременно вернуться*. И лишь впоследствии, не так уж давно, отважились признать, что эти «ленинские принципы» на деле – свод палаческих установлений, и самый кровавый террор творился как раз при «дедушке Ильиче». Причины таких зигзагов лежат на поверхности: чересчур уж многие «демократы» и «диссиденты» были детьми и внуками *ленинских* палачей, а на Сталина злобились главным образом из-за того, что он, наводя глянец на *красную* историю России, без малейшей жалости перестрелял «комиссаров в пыльных шлемах», ибо их дальнейшее существование никак не сочеталось с «приличным» вариантом советских мифов...

Вернемся к летописям и хроникам. Как уже говорилось, их авторы могли о чем-то не знать, что-то пропускать умышленно, что-то исказить (не обязательно умышленно). Далеко не все летописи и хроники дошли до нашего времени – вспомним Татищева и *десяток* разных вариантов одной и той же древней хроники. Мало того, мы подчас не можем быть уверены, что под теми датами, что указаны в летописях, подразумеваются именно те, которые приняты *нами* ...

Простой пример. Древнерусские летописи датируются нынешними историками исключительно на основании «византийского» варианта летосчисления, где дата сотворения мира – 5508 г. до нашей эры.

Меж тем, кроме этой даты, именуемой либо «византийской», либо «константинопольской», имелись и другие. Приведем лишь некоторые:

5969 («антиохийская», или «дата сотворения мира по Феофилу»)

5493, 5472, 5624 (разные точки отсчета так называемой александрийской датировки, или «эры Анниана»)

4004 (еврейская, Ашер)

5872 (датировка «70 толковников»)
4700 (самаринская)
3761 (иудейская)
3941 (Иероним)
5500 (Ипполит и Секст Юлий Африканский)
5515 (Феофил)
5507 (Феофил)
5199 (Евсевий Кесарийский)
5551 (Августин).

Список далеко не полон – историкам известно около двухсот различных версий «даты сотворения мира». Так что, вполне возможно, автор Ипатьевской летописи ничуть не ошибся. Просто-напросто *его* 6750 год от сотворения мира – вовсе не *наши* 1242 год... Просто-напросто он отсчитывал не от той точки, что принята нами. И в том году (неизвестно теперь, в котором) и впрямь не произошло ровным счетом ничего интересного, достойного упоминания...

И не стоит воображать, будто только *наша* история требует дополнительных расследований. Один из самых ярких примеров – нынешняя Англия. Вот уже триста лет меж историками, писателями и просто теми, кто знает и любит свою историю, идет самый ожесточенный спор: кто виноват в убийстве двух малолетних детей Эдуарда IV – Ричард III или победивший его в междоусобной войне Генрих VII? И спор этот отнюдь не келейный – в 1980 г. британский парламент был вынужден принять специальную поправку к так называемому закону о защите доброго имени исключительно потому, что сторонники реабилитации Ричарда принялись таскать по судам своих оппонентов...

Итак, до наших времен не дошли иные летописи, которые, вполне возможно, выражали совершенно другую точку зрения на некоторые исторические события. Ни один ученый новейшего времени не держал в руках (и никогда уже не сможет этого сделать) так называемый Летописец Затопа Засекина). Выше говорилось, что бесследно пропали летописи, послужившие основой для трудов Мавро Орбини, Бельского и Стрыйковского – исчисляются они многими *десятками* ...

Кроме того, при исторических расследованиях необходимо учесть и другие немаловажные факторы.

Во-первых, иные «знакомые» географические названия частенько носили в Средневековье совсем не те города и местности, которые мы знаем сегодня. Какой маршрут возникнет у вас перед глазами, когда вам доведется прочесть строчку из летописи X века: «Сим летом витязь Гремислав поехал из Москвы в Краков обвенчаться с невестою»? Ручаться можно, решите, что Гремислав ехал из нынешней Москвы в нынешний Краков...

И ошибетесь! Когда-то в Германии существовала *вторая* Москва (сообщение об этом было сделано еще в 1958 г. на международном конгрессе славистов). А кроме овечьего дыханием веков польского Кракова существовал еще один – замок в Чехии, именованный до XII века, когда был разрушен, то «Краковец», то «Краков». Вот и получается: без дополнительных данных ни за что не определить, из *какой* Москвы в *какой* Краков скакал наш витязь...

Во-вторых, не следует забывать, что у многих наших предков (точнее, у всех) было по *несколку* имен. Даже простые крестьяне носили как минимум *два* имени: одно – мирское, под которым человека все и знали, второе – крестильное.

Один из самых известных государственных деятелей Древней Руси, киевский князь Владимир Всеволодич Мономах, оказывается, знаком нам под *мирским*, языческим именам. В крещении он был Василием, а его отец – Андреем, так что звался Василий Андреевич Мономах. А его внук Изяслав Мстиславич согласно своему и отца своего крестильным именам должен зваться – Пантелеймон Федорович!) Крестильное имя порой оставалось тайной даже для близких – зафиксированы случаи, когда в первой половине XIX (!) столетия безутешные родные и близкие лишь после смерти главы семьи узнавали, что на надгробном

памятнике следует написать совсем другое имя, которым покойный, оказывается, был крещен... В церковных книгах он, скажем, значился Ильей – меж тем всю жизнь его знали как Никиту...*

То же касается и людей известных – князей, бояр, воевод. В Разрядной книге (официальном государственном документе Московского царства, куда на протяжении полутора столетий вносились имена всех, командовавших полками), воевода И. М. Пронский значится еще и как «Турунтай». «Турунтай» – его *прозвище*. Разрядную книгу вполне можно сравнить с сегодняшней картотекой Министерства обороны – а теперь представьте, что в картотеке значится запись: «Грачев П. С. – генерал армии, он же Паша-Мерседес».

Впрочем, мы уклонились от темы. Представим, что ни один экземпляр Разрядной книги не дошел до наших дней. Зато есть два сообщения в хрониках: «В лето сие Пронский со своим полком воевал с крымцами» и «Нынче Турунтай зело добро бил свеев». Вполне может оказаться, что наш воевода попадет в учебники, как два *разных* человека...

Еще пример. Перед нами несколько русских военачальников допетровской поры: И. В. Ногавица-Пестрый, Засекин-Сосун, Солнцев и Черный-Совка. Как по-вашему, что их объединяет?

Да принадлежность к древнему княжескому роду. Фамилия у каждого одна и та же: Засекин. Но в документах своей эпохи они сплошь и рядом обозначаются прозвищами.

Князь и воевода, славный победой над ханом Сет-Гиреем на реке Проне в 1534 г., значится в одном русском историческом труде под именем... «Тать Иван». Достаточно небольшого недоразумения, чтобы сей воевода угодил в современную книгу по истории как предводитель разбойничьей шайки. Ну как же – «тать Иван», общеизвестно, что «тать» означало разбойника...

Тура, Темер, Туратемирь... Это – один и тот же человек, золотоордынский мурза *Тукатемирь*, известный тем, что был союзником Городецкого князя в войне против переяславского.

Тамерлан, Тимурленг, Темир-Аксак – опять-таки один и тот же человек. Он же – Темир-Кутлу...

Как видим, особенно полагаться на географические названия и имена опасно. Первые сплошь и рядом «странствуют» по карте, а вторых у одного-единственного человека порой оказывается так много, что он вполне способен раздвоиться, а то и расстроиться в последующих трудах ученых... Кстати, эта тенденция удерживалась и в последующие века: тот, кто не силен в истории, вряд ли поймет, что за воителя описывают турки под именем Топал-паши. Меж тем речь идет о фельдмаршале Суворове...

Как мы увидим в дальнейшем, ничего невероятного нет в том, что один из персонажей древнерусской истории мог быть известен современникам как «Александр Ярославич Невский по прозвищу Батый». Особенно если учесть, что у половцев было когда-то распространено имя *Бастый*...

Географические названия (не только городов, но и стран!) перемещаются по карте, один и тот же человек может быть известен под несколькими разными именами (что иногда вносит путаницу), точные датировки тех или иных событий нам сплошь и рядом неизвестны (поскольку наши предки и мы пользуемся *разными* системами отсчета исходных дат). Летописец был пристрастен, а то и выполнял прямой заказ...

Есть и оборотная сторона медали. Для тех случаев, когда летописец был стопроцентно честен. У современных историков порой проявляется крайне непонятное стремление «поправить» *очевидца* события, которое сами они наблюдать никак не могли. Однако отчего-то считают, будто «знают лучше».

Несколько простых примеров. Доктор исторических наук Ю.А. Мыцык поправляет историка XVII века: «Первый крупный поход за пределы Монголии был совершен Чингисханом не в 1209 г., а в 1162». Читатель может подумать, будто за последние триста лет в руки ученых попали некие *документы* точными датами...

Нет никаких документов. Просто-напросто в последнее время ученые *договорились*

считать, будто дата «первого крупного похода Чингисхана» была другой. Следовательно, историк, живший гораздо ближе ко времени описываемых им событий... ошибается.

«Автор *ошибочно* считает, будто не новгородский народ, а князья решили истребить ордынских баскаков».

Почему же ошибочно? Быть может, прав как раз «автор», у которого были перед глазами кипы неизвестных нашим историкам рукописей? А не историки – это ведь *они* постановили считать, что против баскаков попер черный народ с выдернутыми из плетня кольями...

Одним словом, сплошь и рядом с исторического Олимпа пудовым камнем падают презрительные приговоры: «Летописец ошибался», «автор хроники был не прав». *Очевидец* события, изволите ли видеть, был не прав. Не понимал, что он видел – пока в XX столетии не разъяснили...

Я не преувеличиваю. До сих пор можно наткнуться на утверждение, будто западноевропейские путешественники, *своими глазами* видевшие татар-христиан... ошибались. По невежеству своему. Видели какой-то шаманский обряд, но из глупости, а может, спьяну описали его как христианское богослужение. Историки двадцатого века знают лучше, им с горы виднее... У них – *метод*.

Хотите ближе познакомиться с иными «методами»? Извольте.

Перед вами – древние изображения лабиринтов. Несведущему глазу ясно, что фигуры (рис. 1.1 и 1.2) похожи как близнецы-братья. Однако первый лабиринт ученые почему-то относят к «этруским изображениям VII века до н. э.», а второй – к «мегалитической плите середины VI тысячелетия до н. э.». То же – и со второй парой. Снова сходство, которое никак нельзя объяснить случайностью (или все же признать, что древние мастера *пять тысяч* лет держали в памяти классические образцы?). Однако рис. 1.3 – по мнению ученых, вновь мегалитическое изображение VI тысячелетия до н. э., а рис. 1.4 – аверс древнегреческой монеты 450 г. до н. э.

Ученые историки откалывают номера и похлеще... Вот что пишет черным по белому некий В. Янин: «Если в слое, обнаруженном при раскопках, встречаются изделия из стекла и шифера, сердоликовые бусы, ювелирные вещи, украшенные эмалью, сканью и зернью, – значит, перед археологами остатки домонгольского периода. Если всего этого нет – мы вошли в следующий исторический период».

Каково? В переводе на нормальный человеческий язык сие означает следующее: наш историк и подобные ему умники однажды договорились считать, что монголо-татарское нашествие привело к полному истреблению всех древнерусских ювелиров и исчезновению изящных ремесел. А посему никто не проводит экспертиз, радиоуглеродных анализов – возраст находок определяется гораздо проще: есть ювелирные изделия – дело было до татар, нет ни единой сережки или браслетика – значит, раскопки вскрыли слой XIV века... Поразительная точность датировки!

По-моему, это больше напоминает школьные ухищрения, когда нерадивый Вовочка украдкой заглядывает в конец учебника, а потом подгоняет задачу под известный ему результат.

В этом и состоит ахиллесова пята истории как науки – в отличие от других дисциплин, здесь совершенная однажды ошибка может продержаться столетиями. Кто-то однажды сделал ошибочный вывод (а мешающие его концепции древние памятники попросту отбросил) – и ошибка за долгие века обрастает сотнями толстых томов, чьи авторы лишь добросовестно ПЕРЕСКАЗЫВАЮТ некогда изреченную «мудрость», не внося ничего своего. Потом подключаются писатели, поэты, художники. Концепция обрастает сотнями романов, картин, а в нашем веке – еще и фильмов... В результате она становится чем-то столь священным, что одна мысль о пересмотре устоявшихся канонов выглядит жутчайшей ересью.

Между прочим, автор выше процитированных строк о «буссах и ювелирных вещах» тут же попал в собственную ловушку – обычно так оно и случается... Я прошу читателя

набраться терпения и внимательно прочитать следующий текст, который ради чистоты эксперимента привожу полностью, без малейших изъятий [173].

«О, светло-светлая и прекрасно украшенная земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками местночтимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями, разнообразными птицами, бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами божьими и князьями грозными, боярами честными и вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о православная вера христианская!

Отсюда до угров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев, до немцев, от немцев до карелов, от карелов до Устюга, где обитают поганые тоймичи, и за Дышащее море; от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордцы – все с помощью божьей покорено было христианским народом, поганые эти страны повиновались великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю киевскому, деду его Владимиру Мономаху, которым половцы своих малых детей пугали. А литовцы из болот своих на свет не появлялись, а венгры укрепляли каменные стены своих городов железными воротами, чтобы их великий Владимир не покорил, а немцы радовались, что они далеко – за синим морем. Буртасы, черемисы, вяда и мордва бортничали на великого князя Владимира. А император царьградский Мануил от страха великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьград у него не взял.

И в те дни – от великого Ярослава, и до Владимира, и до нынешнего Ярослава, и до брата его Юрия, князя владимирского, обрушилась беда на христиан...»

Я привел *весь* древний документ, дошедший до нашего времени. Теперь попытайтесь отгадать, как он именуется в нашей официальной историографии. Точнее, о *чем* повествует. Повторяю, перед вами – *весь* документ, целиком.

Так вот, именуется этот текст «Слово о погибели русской земли» и в каждой публикации объявляется «отрывком из не дошедшего до нас в целости поэтического произведения... О ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОМ НАШЕСТВИИ!

Перечитайте документ еще раз, не поленитесь. Сами сделайте выводы: есть ли в нем хоть слово, которое можно истолковать как сообщение о татаро-монгольском, вообще иноземном нашествии?

Нет там ничего подобного. Кроме горестной констатации: «...обрушилась беда на христиан». Но ни словечком не упоминается о том, какая это беда...

Именно этот памятник древнерусской литературы и стал для меня одной из отправных точек. Именно с него и следует начать наше историческое расследование, набраться смелости и признать: что-то нечисто с «татаро-монгольским» нашествием.

Тот самый В. Янин, чертовски насмешивший рассказом о столь потрясающем воображение методе датировки древних раскопов, чуть ниже написал следующее: «Историк не может взять в руки половину обгоревшей страницы и сказать: другая половина сожжена в годину монголо-татарского разорения. Потому что книги и документы сгорают целиком и ветер развеивает их пепел».

Вот тут он, по-моему, прав на все сто. Либо сгорают целиком, либо... «Слово о погибели русской земли» (по некоторым предположениям, служившее введением к «Житию Александра Невского»), известно только в двух списках – в том виде, в каком вы его только что прочитали. Больше всего это похоже не на «половину сгоревшей страницы», а на документ, который аккуратно и умышленно *разорвали* пополам, оставив то, что работало на определенную версию, и уничтожив (боюсь, навсегда) остальное... Вряд ли в уничтоженной части речь шла о «нашествии монголов». Скорее уж о неких сведениях, напроочь противоречивших официальной версии, – а потому ветер и развеивал пепел...

Логика сторонников «классической версии» проста. Князья, упомянутые в «Слове», Ярослав Всеволодович и его брат Юрий, как раз и жили во времена монголо-татарского нашествия. Следовательно, «беда», о которой идет речь, может быть истолкована исключительно как татаро-монгольское нашествие. Что ж, в известной логике отказать

нельзя.

Однако такая логика действует до строго определенных пределов. До тех пор, пока не начались поиски *других* кандидатов на роль мифических «монголо-татар»...

Где монголы?

В самом деле, где «лучшая половинка» навязшего в зубах выражения «монголо-татарская» орда? Где собственно монголы, согласно иным ретивым авторам, составлявшие некую аристократию, цементирующее ядро накатившегося на Русь воинства?

Так вот, самое интересное и загадочное в том, что ни один *современник* тех событий (или живший во времена довольно близкие) не в силах отыскать монголов! Их попросту нет – черноволосых, раскосоглазых людей, тех, кого, не мудрствуя, антропологи так и именуют «монголоидами». Нет, хоть ты тресни!

Удалось проследить лишь следы двух безусловно пришедших из Центральной Азии монголоидных племен – джалаириров и барласов. Вот только пришли они не на Русь в составе армии Чингиза, а в... Семиречье (район нынешнего Казахстана). Оттуда во второй половине XIII века джалаиры откочевали в район нынешнего Ходжента, а барласы – в долину реки Кашкадарья. Из Семиречья они «...пришли в какой-то мере отюреченными в смысле языка. На новом месте они настолько уже были отюречены, что в XIV в., во всяком случае, во второй его половине, считали своим родным языком тюркский язык» (из фундаментального труда Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Русь и Золотая Орда» (1950).

Всё. Каких бы то ни было *других* монголов историки, как ни бьются, обнаружить не в состоянии. Русский летописец среди народов, пришедших на Русь в Батыевой орде, ставит на первое место «куманов» – то есть кипчаков-половцев! Которые жили не в нынешней Монголии, а практически под боком у русских, которые (что я докажу позднее) имели свои крепости, города и деревни!

Арабский историк Эломари: «В древности это государство (Золотая Орда XIV в. – А. Б.) было страной кипчаков, но когда им завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они, то есть татары, смешались и породнились с ними, и все они точно стали кипчаками, как будто одного рода с ними».

О том, что и татары ниоткуда не приходили, а испокон веков жили поблизости от русских, я расскажу немного погодя, когда взорву, честное слово, нешуточную бомбу. А пока что обратим внимание на крайне важное обстоятельство: *никаких монголов нет*. Золотая Орда представлена татарами и кипчаками-половцами, которые относятся не к монголоидам, а к нормальному европеоидному типу, светловолосые, светлоглазые, ничуть не раскосые... (И язык у них схож со славянским.)

Как Чингисхан с Батыем. Древние источники рисуют Чингиза высоким, длиннобородым, с «рысьими», зелено-желтыми глазами. Персидский историк Рашид ад-Дин (современник «монгольских» войн) пишет, что в роду Чингисхана дети «рождались большей частью с серыми глазами и белокурое». Г. Е. Грумм-Гржимайло упоминает «монгольскую» (монгольскую ли?!) легенду, согласно которой предок Чингиза в девятом колене Бодуаньчар – белокурый и голубоглазый! А тот же Рашид ад-Дин пишет еще, что само это родовое имя Борджигин, присвоенное потомкам Бодуаньчара, как раз и означает... Сероглазый!

Кстати, точно так же рисуется и облик Батыя – светловолос, светлороб, светлоглаз... Автор этих строк всю свою сознательную жизнь прожил не так уж и далеко от тех мест, где якобы «создавал свое неисчислимое войско Чингисхан». Уж кого-кого, а исконно монголоидного народа рассмотрел достаточно – хакасов, тувинцев, алтайцев, да и самих монголов. Нет среди них светловолосых и светлоглазых, совсем другой антропологический тип...

Между прочим, ни в одном языке *монгольской* группы нет имен «Бату» или «Батый». Зато «Бату» имеется в башкирском, а «Бастый», как уже говорилось, – в половецком. Так что само имя Чингизова сына произошло определенно не из Монголии.

Интересно, что писали о своем славном предке Чингисхане его соплеменники в «настоящей», *нынешней* Монголии?

Ответ неутешителен: в XIII веке монгольского алфавита еще не существовало. Абсолютно все хроники монголов написаны не ранее XVII столетия. А следовательно, любое упоминание о том, что Чингисхан и в самом деле вышел из Монголии, будет не более чем записанным лет триста спустя пересказом старинных легенд... Которые, надо полагать, очень понравились «настоящим» монголам – несомненно, очень приятно было вдруг узнать, что твои предки, оказывается, когда-то прошли огнем и мечом до самой Адриатики...

Итак, мы уже выяснили довольно важное обстоятельство: в «монголо-татарской» орде не было никаких монголов, т. е. черноволосых и узкоглазых обитателей Центральной Азии, которые в XIII веке, надо полагать, мирно кочевали по своим степям. На Русь «приходил» кто-то другой – светловолосые, сероглазые, синеглазые люди европейского облика. А собственно, пришли они и не из такого уж далека – из половецких степей, не далее.

Сколько было «монголо-татар»?

В самом деле, сколько их пришло на Русь? Начнем выяснять.

Российские дореволюционные источники упоминают о «полумиллионной монгольской армии».

Отнюдь небесталанный писатель В. Ян, автор знаменитой трилогии «Чингиз-хан», «Батый», «К последнему морю», называет чуточку меньшее число – четыреста тысяч.

Простите за резкость, но и первая, и вторая цифра – бред собачий. Поскольку измышлены *горожанами*, кабинетными деятелями, видевшими лошадей только издали и совершенно не представлявшими себе, каких забот требует содержание в рабочем состоянии боевого, а также вьючного и походного коня.

Любой воин кочевого племени отправляется в поход, имея три лошади (как необходимейший минимум – две). Одна везет поклажу (небольшой «сухой паек», подковы, запасные ремни для уздечки, всякую мелочь вроде запасных стрел, доспеха, который нет нужды надевать на марше, и т. д.). Со второй на третью время от времени нужно пересаживаться, чтобы один конь все время был чуточку отдохнувшим – мало ли что стрясется, порой приходится вступать в бой «с колес», т. е. с копыт.

Примитивный подсчет показывает: для армии в полмиллиона либо четыреста тысяч бойцов необходимо около полутора миллионов лошадей, в крайнем случае – миллион. Такой табун сможет продвинуться самое большее километров на полсотни, а вот дальше идти окажется не в состоянии – передовые моментально истребят траву на огромном пространстве, так что задние сдохнут от бескормицы очень быстро. Сколько овса для них ни запасай в тороках (да и много ли запасешь?).

Напомню, вторжение «монголо-татар» в пределы Руси, все главные вторжения развернулись *зимой*. Когда оставшаяся трава скрыта под снегом, а зерно у населения предстоит еще отобрать – к тому же масса фуража гибнет в горящих городах и селах...

Могут возразить: монгольская лошадка прекрасно умеет добывать себе пропитание из-под снега. Все правильно. «Монголки» – выносливые создания, способные прожить всю зиму на «самообеспечении». Я сам их видел, чуть-чуть проехался однажды на одной, хотя наездник никакой. Великолепные создания, я навсегда очарован лошадьми монгольской породы и с превеликим удовольствием обменял бы свою машину на такую лошадку, будь возможность держать ее в городе (а возможности, увы, нет).

Однако в *нашем* случае вышеприведенный аргумент не работает. Во-первых, древние источники не упоминают о лошадях *монгольской* породы, имевшихся «на вооружении» орды. Наоборот, специалисты по коневодству в один голос доказывают, что «татаро-монгольская» орда ездила на туркменах – а это совсем другая порода, и выглядит иначе, и пропитаться зимой без помощи человека не всегда способна...

Во-вторых, не учитывается разница между лошадью, отпущенной *бродить* зимой без

всякой работы, и лошадей, вынужденной совершать под седоком длительные переходы, а также участвовать в сражениях. Даже монголки, будь их миллион, при всей своей фантастической способности пропитаться посреди заснеженной равнины, перемерли бы с голоду, мешая друг другу, отбивая друг у друга редкие былинки...

А ведь они, кроме всадников, вынуждены были нести еще и тяжелую добычу!

А ведь у «монголов» были с собой еще и немаленькие *обозы*. Скотину, которая тащит повозки, тоже надо кормить, иначе не потянет повозку...

Одним словом, на протяжении всего двадцатого века число напавших на Русь «монголо-татар» усыхало, как знаменитая шагреновая кожа. В конце концов историки со скрежетом зубным остановились на тридцати тысячах – опускаться ниже им просто не позволяют остатки профессионального самолюбия.

И еще кое-что... Боязнь допустить в Большую Историографию еретические теории вроде моей. Потому что, даже если принять число «вторгшихся монголов» равным тридцати тысячам, возникает череда ехидных вопросов...

И первым среди них будет такой: а не маловато ли? Как ни ссылайся на «разобщенность» русских княжеств, тридцать тысяч конников – чересчур мизерная цифра для того, чтобы устроить по всей Руси «огнь и разорение»! Они ведь (даже сторонники «классической» версии это признают) не двигались компактной массой, всем скопом наваливаясь поочередно на русские города. Несколько отрядов рассыпались в разные стороны – а это снижает численность «неисчислимых татарских орд» до предела, за которым начинается элементарное недоверие: ну не могло *такое* количество агрессоров, какой бы дисциплиной ни были спаяны их полки (оторванные к тому же от баз снабжения, словно группочка диверсантов в тылу врага), «захватить» Русь!

Получается заколдованный круг: *огромное* войско «монголо-татар» по чисто физическим причинам не смогло бы сохранить боеспособность, быстро передвигаться, наносить те самые пресловутые «несокрушимые удары». *Небольшое* войско ни за что не смогло бы установить контроль над большей частью территории Руси.

От этого заколдованного круга может избавить лишь наша гипотеза – о *том, что никаких пришельцев* не было. Шла гражданская война, силы противников были относительно небольшими – и опирались они на собственные, накопленные в городах запасы фуража.

Между прочим, кочевникам совершенно несвойственно воевать зимой. Зато зима – излюбленное время для военных походов *русских*. Испокон веков они отправлялись в поход, используя в качестве «торных дорог» замерзшие реки – самый оптимальный способ ведения войны на территории, почти сплошь заросшей дремучими лесами, где мало-мальски большому военному отряду, особенно конному, передвигаться чертовски трудно.

Все дошедшие до нас летописные сведения о военных кампаниях 1237-1238 гг. рисуют классический русский стиль этих битв – сражения происходят зимой, причем «монголы», которым вроде бы положено быть классическими степняками, с поразительным мастерством действуют в *лесах*. В первую очередь я имею в виду окружение и последующее полное уничтожение на реке Сити русского отряда под командованием великого князя владимирского Юрия Всеволодовича... Столь блестящая операция никак не могла быть проведена обитателями степей, которым просто некогда, да и негде было научиться сражениям в чащобе.

Итак, наша копилка понемногу пополняется весомыми доказательствами. Мы выяснили, что никаких «монголов», т. е. монголоидов среди «орды» отчего-то не было. Выяснили, что «пришельцев» никак не могло быть много, что даже то мизерное число в тридцать тысяч, на котором историки закрепились, словно шведы под Полтавой, никак не могло обеспечить «монголам» установление контроля над всей Русью. Выяснили, что лошади под «монголами» были отнюдь не монгольскими, а воевали эти «монголы» отчего-то по *русским* правилам. Да и были они, что любопытно, светловолосыми и голубоглазыми.

Не так уж мало для начала. А мы, предупреждаю, только входим во вкус...

Куда пришли «монголы», придя на Русь?

Именно так, я ничего не напутал. И очень быстро читатель узнает, что вынесенный в заголовок вопрос только на первый взгляд представляется бессмыслицей...

Мы уже говорили о второй Москве и втором Кракове. Есть еще и вторая Самара – «Самара град», крепость на месте нынешнего города Новомосковска, в 29 километрах к северу от Днепропетровска...

Словом, географические названия средневековья отнюдь не всегда совпадали с тем, что мы *сегодня* понимаем под каким-то названием. Сегодня для нас Русь обозначает *всю* тогдашнюю землю, населенную русскими.

А вот тогдашние люди считали несколько иначе... Всякий раз, едва доведется читать о событиях XII-XIII столетий, необходимо помнить: *тогда* «Русью» называли *часть* населенных русскими областей – киевское, переяславское и черниговское княжества. Точнее: Киев, Чернигов, река Рось, Поросье, Переяславль-Русский, Северская земля, Курск. Сплошь и рядом в древних летописях пишется, что из Новгорода или Владимира... «ехали в Русь»! То есть – в Киев. Черниговские города – «русские», а вот смоленские – уже «нерусские».

Историк XVII века: «...славяне, прародители наши – москва, россиане и прочие...»

Именно так. Не зря на западноевропейских картах очень долго русские земли разделялись на «Московию» (север) и «Россию» (юг). Последнее название продержалось крайне долго – как мы помним, обитатели тех земель, где ныне располагается «Украина», будучи русскими по крови, католиками по религии и подданными Жечи Посполитой, именовали себя «русской шляхтой».

Таким образом, к летописным сообщениям вроде «такого-то года орда напала на Русь» нужно относиться с учетом того, что сказано выше. Помнить: это упоминание означает не агрессию против *всей* Руси, а нападение на *конкретный* район, строго локализованный.

Калка – клубок загадок

Первое столкновение русских с «монголо-татарами» на реке Калке в 1223 г. довольно подробно и детально описано в древних отечественных летописях – впрочем, не только в них, есть еще так называемая «Повесть о битве на Калке, и о князьях русских, и о семидесяти богатырях» [173].

Однако избыток сведений не всегда вносит ясность...

В общем-то, историческая наука давно уже не отрицает того очевидного факта, что события на реке Калке – не нападение злых пришельцев на Русь, а агрессия *русских* против соседей. Судите сами. Татары (в описаниях битвы на Калке монголы никогда, ни разу не упоминаются) воевали с половцами. И прислали на Русь послов, которые довольно дружелюбно попросили русских в эту войну не вмешиваться. Русские князья этих послов... убили, а по некоторым старым текстам, не просто убили – «умучили». Поступок, мягко говоря, не самый пристойный – во все времена убийство посла считалось одним из самых тяжких преступлений. Вслед за тем русское войско выступает в дальний поход. Покинув пределы Руси, оно *первым* нападает на татарский стан, берет добычу, угоняет скот, после чего еще *восемь* дней движется в глубь чужой территории. Там, на Калке, и происходит решающее сражение, союзники-половцы в панике бегут, князья остаются одни, три дня отбиваются, после чего, поверив заверениям татар, сдаются в плен. Однако татары, разозленные на русских (вот странно, с чего бы это?! Никакого особого зла те татарам не сделали, разве что убили их послов, напали на них первыми...) убивают пленных князей. По одним данным, убивают просто, без затей, по другим – наваливают на связанных доски и садятся сверху пировать, негодяи.

Показательно, что один из самых ярких «татарофобов», писатель В. Чивилихин, в своей почти восьмисотстраничной книге «Память», перенасыщенной руганью в адрес «ордынцев»,

события на Калке несколько смущенно обходит. Упоминает мельком – да, было что-то такое... Вроде бы там и повоевали малость... [212]

Понять его можно: русские князья в этой истории выглядят не самым лучшим образом. Добавлю от себя: галицкий князь Мстислав Удалой не просто агрессор, но и форменный подонок – впрочем, об этом погодя...

Вернемся к загадкам. Та самая «Повесть о битве на Калке» отчего-то не в состоянии... назвать противника русских! Судите сами: «...из-за грехов наших пришли народы неизвестные, безбожные моавитяне, о которых никто точно не знает, кто они и откуда пришли, и каков их язык, и какого они племени, и какой веры. И называют их татарами, а иные говорят – таурмены, а другие – печенеги».

В высшей степени странные строки! Напоминаю, написанные *гораздо позже* описываемых событий, когда вроде бы уже полагалось точно знать, с кем же сражались на Калке русские князья. Ведь часть войска (хотя и малая, по некоторым данным – одна десятая) все же вернулась с Калки. Мало того, победители, в свою очередь преследуя разбитые русские полки, гнались за ними до Новгорода-Святополча (не путать с Великим Новгородом! – А. Б.), где напали на мирное население – так что и среди горожан должны быть свидетели, своими глазами лицезревшие противника*.

Однако этот противник остается «неведомым». Пришедшим неизвестно из каких мест, говорящем на бог весть каком языке. Воля ваша, получается некая несообразность...

То ли половцы, то ли таурмены, то ли татары... Это заявление еще больше запутывает дело. Уж половцев-то к описываемому времени на Руси знали прекрасно – столько лет жили бок о бок, то воевали с ними, то вместе ходили в походы, роднились... Мыслимое ли дело – не опознать половцев?

Таурмены – кочевое тюркское племя, в те годы обитавшее в Причерноморье. Опять-таки были прекрасно известны русским к тому времени.

Татары (как я скоро докажу) к 1223 г. уже как минимум несколько десятков лет жили в том же Причерноморье.

Короче говоря, летописец определенно лукавит. Полное впечатление, что ему по каким-то чрезвычайно веским причинам *не хочется* прямо называть противника русских в том сражении. И это предположение ничуть не надуманное. Во-первых, выражение «то ли половцы, то ли татары, то ли таурмены» никоим образом не согласуется с жизненным опытом русских того времени. И тех, и других, и третьих на Руси прекрасно знали – все, кроме автора «Повести»...

Во-вторых, сразись русские на Калке с «неизвестным», впервые увиденным народом, последующая картина событий выглядела бы совершенно иначе – я имею в виду сдачу князей в плен и преследование разбитых русских полков.

Оказывается, князья, засевшие в укреплении из «тына и телег», где три дня отбивали атаки противника, сдались после того... как некий *русский* по имени Плоскиня, находившийся в боевых порядках противника, торжественно целовал свой нательный крест на том, что пленным не причинят вреда.

Обманул, паскуда. Но дело не в его коварстве (в конце-то концов, история дает массу свидетельств того, как сами русские князья с тем же коварством нарушали «крестное целование»), а в личности самого Плоскини, русского, христианина, каким-то загадочным образом оказавшегося среди воинов «неведомого народа». Интересно, какими судьбами его туда занесло?

В. Ян, сторонник «классической» версии, изобразил Плоскиню таким степным бродягой, которого *изловили* по дороге «монголо-татары» и с цепью на шее подвели к укреплению русских, чтобы уговорил их сдаться на милость победителя.

Это даже не версия – это, простите, шизофрения. Поставьте себя на место русского князя – профессионального солдата, за свою жизнь вдоволь повоевавшего и со славянскими соседями, и со степняками-кочевниками, прошедшего огни и воды...

Вас окружили в далекой земле воины совершенно неизвестного доселе племени. Три

дня вы отбиваете атаки этого супостата, чей язык не понимаете, чей облик вам странен и противен. Вдруг этот загадочный супостат подгоняет к вашему укреплению какого-то оборванца с цепью на шее, и тот, целуя крест, клянется, что осаждающие (снова и снова подчеркиваю: неизвестные вам доселе, чужие по языку и вере!) вас пощадят, если сдадитесь...

Что же, вы сдадитесь в этих условиях?

Да полноте! Ни один нормальный человек с мало-мальским военным опытом не сдастся (к тому же вы, уточню, совсем недавно убили послов этого самого народа и пограбили вдоволь стан его соплеменников).

А вот русские князья отчего-то сдались...

Впрочем, почему «отчего-то»? Та же «Повесть» пишет совершенно недвусмысленно: «Были вместе с татарами и бродники, а воеводой у них был Плоския».

Бродники – это русские вольные дружинники, обитавшие в тех местах. Предшественники казаков. Что ж, это несколько меняет дело: сдать уговаривал не связанный пленник, а воевода, почти что равный, такой же славянин и христианин... Такому можно и поверить – что князья и сделали.

Однако установление подлинного социального положения Плоскини лишь запутывает дело. Получается, что бродники в сжатые сроки сумели договориться с «народами неизвестными» и сблизиться с ними настолько, что ударили совместно на русских? Своих братьев по крови и вере?

Снова что-то не складывается. Понятно, бродники были изгоями, сражавшимися только за себя, но все равно, как-то очень уж быстро нашли общий язык с «безбожными моавитянами», о которых никто не знает, откуда они пришли, и какого они языка, и какой веры...

Собственно говоря, одно можно утверждать со всей определенностью: *часть* войска, с которым рубились русские князья на Калке, была славянской, христианской.

А может, не часть? Может, и не было никаких «моавитян»? Может, битва на Калке и есть «разборка» меж православными? С одной стороны – несколько союзных русских князей*, с другой – бродники и *православные* татары, соседи русских?

Стоит принять эту версию, все встает на свои места. И загадочная дотоле сдача князей в плен – сдавались не каким-то неведомым чужакам, а хорошо знакомым соседям (соседи, правда, нарушили слово, но тут уж как повезет...)** И поведение тех жителей Новгорода-Святополча, что непонятно почему вышли навстречу татарам, преследующим бегущих с Калки русских... с крестным ходом!»

Такое поведение опять-таки не укладывается в версию с неведомыми «безбожными моавитянами». наших предков можно упрекнуть во многих грехах, но вот излишней доверчивости среди таковых не числилось. В самом деле, какой нормальный человек выйдет убогаторить крестным ходом некоего неизвестного пришельца, чей язык, вера и национальная принадлежность остаются загадкой?!

Однако, стоит нам предположить, что за бегущими остатками княжеских ратей гнались некие *свои*, давно знакомые, и что, особенно важно, такие же христиане – поведение жителей города мгновенно теряет всякие признаки сумасшествия или нелепости. От *своих*, давно знакомых, от таких же христиан и в самом деле был шанс оборониться крестным ходом.

Шанс, правда, на сей раз не сработал – видимо, разгоряченные погоней всадники были чересчур уж обозлены (что вполне понятно – их послов убили, на них самих напали первыми, рубили и грабили) и с ходу посекали тех, кто вышел навстречу с крестом. Замечу особо, подобное случалось и во время чисто *русских* междоусобных войн, когда разъяренные победители рубили направо и налево, и поднятый крест их не останавливал...

Таким образом, битва на Калке – вовсе не столкновение с неведомыми народами, а один из эпизодов междоусобной войны, которую вели меж собой христиане-русские, христиане-половцы* и христиане-татары. Русский историк XVII века суммирует итоги этой

войны так: «Татары после этой победы до основания разорили *крепости и города и села* половецкие. И все земли около Дона, и моря Меотского**, и Таврики Херсонской (что после перекопания перешейка меж морями до сего дня именуется Перекопом), и вокруг Понта Евксинского, то есть Черного моря, татары под свою руку взяли, и тамо поселились».

Как видим, война шла за конкретные территории, меж конкретными народами. Кстати, крайне любопытно упоминание о «городах, и крепостях, и селах половецких». Нам долго втолковывали, что половцы – степняки-кочевники, но кочевые народы не имеют ни крепостей, ни городов...

И напоследок – о галицком князе Мстиславе Удалом, вернее, о том, за что он как раз и заслуживает определения «подонок». Слово тому же историку: «...Храбрый же князь Мстислав Мстиславич галицкий... когда прибежал к реке к лодьям своим (сразу после поражения от «татар» – А. Б.), переправившись через реку, повелел все лодьи потопить, и порубить, и пожечь, убоявшись погони татарской, и, страха исполнен, пеш в Галич добрался. *Большая* же часть полков российских, бегучи, достигла лодий своих и, узревши их до единой потопленными и пожженными, от печали и нужды и голода не смогла через реку переплыть, там же умерли и погибли, кроме некоторых князей и воинов, на плетеных таволжаных снопах через реку переплывших».

Вот так. Между прочим, эта мразь – я о Мстиславе – до сих пор в истории и литературе именуется Удалым. Правда, далеко не все историки и литераторы восхищены сей фигурой – еще сто лет назад Д. Иловайский подробно перечислил все промахи и нелепости, совершенные Мстиславом в качестве князя галицкого, употребив примечательную фразу: «Очевидно, под старость Мстислав окончательно лишился здравого смысла». Наоборот, Н. Костомаров ничтоже сумняшеся считал поступок Мстислава с лодьями прямо-таки само собой разумеющимся – Мстислав, дескать, этим «не дал переправиться татарам». Однако, простите, они ведь все равно как-то переправились, ежели «на плечах» отступающих русских домчались до Новгорода-Святополча?!

Благодаря Костомарова по отношению к Мстиславу, по сути, и погубившему своим поступком большую часть русского войска, впрочем, объяснимо: в распоряжении Костомарова была лишь «Повесть о битве на Калке», где о гибели воинов, которым не на чем было переправиться, не упоминается вовсе. Историк, которого я только что цитировал, Костомарову определенно неизвестен. Ничего странного – эту тайну я раскрою чуть погодя.

Супермены из монгольских степей

Приняв классическую версию «монголо-татарского» нашествия, мы и сами не замечаем, с каким скопищем нелогичностей, а то и откровенной глупости имеем дело.

Для начала я процитирую обширный кусок из труда известного ученого Н.А. Морозова (1854-1946):

«Кочующие народы по самому характеру своей жизни должны быть широко раскинуты по большой некультуривированной местности отдельными патриархальными группами, неспособными к общему дисциплинированному действию, требующему экономической централизации, т. е. налога, на который можно было бы содержать войско взрослых холостых людей. У всяких кочевых народов, как у скоплений молекул, каждая их патриархальная группа отталкивается от другой, благодаря поискам все новой и новой травы для питания их стад.

Соединившись вместе в количестве хотя бы нескольких тысяч человек, они должны также соединить друг с другом и несколько тысяч коров и лошадей и еще более овец и баранов, принадлежащих разным патриархам. В результате этого вся ближайшая трава была бы быстро съедена и всей компании пришлось бы вновь рассеяться прежними патриархальными мелкими группами в разные стороны, чтобы иметь возможность подольше прожить, не перенося каждый день своих палаток на другое место.

Вот почему априорно должна быть отброшена, как чистейшая фантазия, и сама идея о

возможности организованного коллективного действия и победного нашествия на оседлые народы какого-нибудь широко раскинутого кочующего народа, питающегося от стад, вроде монголов, самоедов, бедуинов и т. д., за исключением случая, когда какая-нибудь гигантская, стихийная катастрофа, грозящая общей гибели, погонит такой народ из гибнущей степи целиком на оседлую страну, как ураган гонит пыль из пустыни на прилегающий к ней оазис.

Но ведь даже и в самой Сахаре ни один большой оазис не был навсегда засыпан окружающим песком, и по окончании урагана снова возрождался к прежней жизни. Аналогично этому и на всем протяжении нашего достоверного исторического горизонта мы не видим ни одного победоносного нашествия диких кочующих народов на оседлые культурные страны, а лишь как раз наоборот. Значит, не могло этого быть и в доисторическом прошлом. Все эти переселения народов взад и вперед накануне их выступления в поле зрения истории должны быть сведены лишь на переселение их имен или в лучшем случае – правителей, да и то из более культурных стран в менее культурные, а не наоборот».

Золотые слова. Истории и впрямь неизвестны случаи, когда рассеянные на огромных пространствах кочевники вдруг создали бы если не могучее государство, то могучую армию, способную завоевывать целые *страны* .

За одним-единственным исключением – когда речь заходит о «монголо-татарах». Нам предлагают верить, что Чингисхан, якобы обитавший в *нынешней* Монголии, каким-то чудом, за *считанные* годы создал из разбросанных улусов армию, превосходившую по дисциплине и организованности любую европейскую...

Любопытно бы знать, как он этого добился? При том, что у кочевника есть одно несомненное преимущество, хранящее его от любых причуд *оседлой* власти, вообще не понравившейся ему власти: мобильность. На то он и кочевник. Пришелся не по нраву самозванный хан – собрал юрту, навьючил коней, усадил жену, детей и старую бабушку, взмахнул плеткой – и подался за тридевять земель, откуда добыть его чрезвычайно затруднительно. Особенно, когда речь идет о бескрайних сибирских просторах.

Вот подходящий пример: когда в 1916 г. царские чиновники чем-то особенно допекли кочевников-казахов, те преспокойно снялись и откочевали из Российской империи в соседний Китай. Власти (а речь идет о начале двадцатого века!) просто-напросто не смогли им помешать и воспрепятствовать!

Между тем нас приглашают поверить в следующую картину: степные кочевники, вольные, как ветер, отчего-то покорно соглашаются следовать за Чингизом «до последнего моря». При полном, подчеркнем и повторим, отсутствии у Чингисхана средств воздействия на «отказников» – немислимым делом было бы гоняться за ними по протянувшимся на тысячи километров степям и чащобам*.

Пять тысяч километров – примерно такое расстояние преодолели до Руси отряды Чингиза по «классической» версии. Писавшие подобное кабинетные теоретики просто-напросто никогда не задумывались, чего стоило бы в реальности преодоление подобных маршрутов (а если вспомнить, что «монголы» достигли берегов Адриатики, маршрут увеличивается еще на полторы тысячи километров). Какая сила, какое чудо могло бы принудить степняков пуститься в такую даль?

Вы поверите, что кочевники-бедуины из аравийских степей однажды отправились бы завоевывать Южную Африку, дойдя до мыса Доброй Надежды? А индейцы Аляски в один прекрасный день объявились в Мексике, куда по неведомым причинам решили откочевать?

Разумеется, все это – чистейшей воды вздор. Однако, если сопоставить расстояния, выйдет, что от Монголии до Адриатики «монголам» пришлось бы пройти примерно столько же, сколько аравийским бедуинам – до Кейптауна или индейцам Аляски – до Мексиканского залива. Не просто пройти, уточним – по дороге еще и *захватить* несколько крупнейших государств того времени: Китай, Хорезм, опустошить Грузию, Русь, вторгнуться в Польшу, Чехию, Венгрию...

Историки предлагают нам в *это* поверить? Что ж, тем хуже для историков... Если вы

не хотите, чтобы вас называли идиотом, не совершайте идиотских поступков – старая житейская истина. Так что сторонники «классической» версии сами нарываються на оскорбления...

Мало того, что кочевые племена, находившиеся на стадии даже не феодализма – родового строя – отчего-то вдруг осознали необходимость железной дисциплины и покорно потащились вслед за Чингисханом за шесть с половиной тысяч километров. Кочевники еще в сжатые (чертовски сжатые!) сроки вдруг обучились владеть лучшей военной техникой того времени – стенобитными машинами, камнеметами...

Судите сами. По достоверным данным, *первый* крупный поход за пределы «исторической родины» Чингисхан совершает в 1209 г. Уже в 1215 г. он якобы захватывает Пекин, в 1219 г. с применением осадных орудий берет города Средней Азии – Мерв, Самарканд, Гурганж, Хиву, Ходжент, Бухару – а еще через двадцать лет теми же стенобитными машинами и камнеметами уничтожает стены русских городов.

Прав был Марк Твен: ну не мечут гусаки икру! Ну не растет брюква не дереве!

Ну не способен степняк-кочевник за пару лет освоить искусство взятия городов с применением стенобитных машин! Создать армию, превосходящую армии любых *государств* того времени!

Прежде всего потому, что *ему этого не надо*. Как справедливо замечал Морозов, нет в мировой истории примеров создания кочевниками государств или разгрома государств чужих. Тем более в столь утопические сроки, как нам подсовывает официальная история, изрекающая перлы вроде: «После вторжения в Китай армия Чингисхана взяла на свое вооружение китайскую военную технику – стенобитные машины, камнеметные и огнеметные орудия».

Это еще ничего, бывают перлы и почище. Мне доводилось читать статью в крайне серьезном, академическом журнале: там описывалось, как монгольский (!) военный флот в XIII в. обстреливал суда древних японцев... боевыми ракетами! (Японцы, надо полагать, отвечали торпедами с лазерным наведением.) Словом, к числу искусств, освоенных монголами за год-другой, нужно отнести еще и мореплавание. Хорошо хоть, не полеты на аппаратах тяжелее воздуха...

Бывают ситуации, когда здравый смысл сильнее всех ученых построений. Особенно если ученых заводит в такие лабиринты фантазии, что любой фантаст восхищенно разинет рот.

Кстати, немаловажный вопрос: как жены монголов отпустили своих мужей на край света? Подавляющее большинство средневековых источников описывает «татаро-монгольскую орду» как *войско*, а не переселяющийся *народ*. Никаких жен и малых детушек. Выходит, монголы до самой смерти странствовали в чужих землях, а их жены, так никогда и не увидев мужей, управлялись со стадами?

Не *книжные*, а настоящие кочевники всегда ведут себя совершенно иначе: преспокойно кочуют долгие сотни лет (нападая изредка на соседей, не без этого), им и в голову не приходит *покорить* какую-нибудь близлежащую страну или отправиться за полмира искать «последнее море». Пуштунскому или бедуинскому племенному вождю просто не придет в *голову* строить город или создавать государство. Как не придет ему в голову блажь насчет «последнего моря». Хватает чисто земных, практических дел: нужно выжить, не допустить падежа скота, искать новые пастбища, выменивать на сыр и молоко ткани и ножи... Где уж тут грезить об «империи на полмира»?

А нас меж тем всерьез уверяют, что степняк-кочевник отчего-то вдруг проникся идеей *государства* или по крайней мере грандиозного завоевательного похода до «пределов мира». И в ударные сроки каким-то чудом объединил соплеменников в могучую организованную армию. И за несколько лет обучился обращаться с довольно сложными по тогдашним меркам машинами. И создал военный флот, который палил ракетами по японцам. И составил свод законов для своей громадной империи. И переписывался с Римским Папой, королями и герцогами, уча их жить.

Покойный Л. Н. Гумилев (историк не из последних, но порой чрезмерно увлекавшийся *поэтическими* идеями) всерьез полагал, что создал гипотезу, способную объяснить подобные чудеса. Речь идет о «теории пассионарности». Согласно Гумилеву, тот или иной народ в определенный миг получает некий загадочный и полумистический энергетический удар из Космоса, после чего преспокойно сворачивает горы и добивается невиданных свершений.

В этой красивой теории есть существенный изъян, идущий на пользу самому Гумилеву, а вот его оппонентам, наоборот, до предела осложняющий дискуссию. Дело в том, что «проявлением пассионарности» легко объяснить *любой* военный или иной успех *любого* народа. А вот доказать отсутствие «пассионарного удара» практически невозможно, что автоматически ставит сторонников Гумилева в лучшие, нежели их оппонентов, условия – поскольку не существует *надежных* научных методов, равно как и аппаратуры, способной зафиксировать на бумаге или пленке «поток пассионарности».

Одним словом – резвись, душа... Скажем, рязанский воевода Балдоха во главе доблестной рати налетел на суздальцев, вмиг и презесточно разбил их войско, после чего рязанцы охально изобидели суздальских баб и девок, ограбили все запасы соленых рыжиков, беличьих шкурок и медов ставленных, накостиляли напоследок по шее некстати подвернувшемуся иноку и победителями вернулись домой. Всё. Можете, многозначительно прищуриив глаза, произнести: «Рязанцы получили пассионарный толчок, а вот суздальцы пассионарность растеряли к тому времени».

Прошло с полгода – и вот уже суздальский князь Тимоня Гунявый, горя жадной мести, напал на рязанцев. Фортуна оказалась переменчива – и на сей раз «рязани косопузой» вломили по первое число и отобрали всё добро, а бабам с девками оборвали подошвы; что до воеводы Балдохи, над ним поглумились вволюшку, пихнув голым задом на некстати подвернувшегоса ежа. Картина для историка гумилевской школы насквозь понятная: «Рязанцы потеряли прежнюю пассионарность».

Возможно, ничего они не теряли – просто-напросто похмельный кузнец не подковал вовремя Балдохиногo борза коня, тот потерял подкову, и дальше все шло в соответствии с английской песенкой в переводе Маршака: не было гвоздя, подкова пропала, не было подковы, лошадь захромала... А основная часть Балдохиной рати вообще не принимала участия в битве, поскольку гонялась за половцами верстах в ста от Рязани.

Но попробуйте вы доказать правоверному гумилевцу, что дело в гвозде, а не в «утрате пассионарности»! Нет, право, рискните ради любопытства, только я вам тут не товарищ...

Словом, и «пассионарная» теория для объяснения «феномена Чингисхана» не годится по причине полнейшей невозможности как доказать ее, так и опровергнуть. Мистицизм оставим за кадром.

Тут есть еще один пикантный момент: составлять суздальскую летопись будет тот самый иннок, которому рязанцы столь неосмотрительно надавали по шее. Если он особо злопамятен, представит рязанцев... и не рязанцами вовсе. А некими «погаными», злокозненной антихристовой ордой. Неведомо откуда вынырнувшими моавитянами, жрущими лисиц и сусликов. Впоследствии я приведу кое-какие цитаты, показывающие, что в Средневековье порой примерно так и обстояло...

Вернемся к оборотной стороне медали «татаро-монгольского ига». Уникальным отношениям меж «ордынцами» и русскими. Вот здесь уже стоит отдать должное Гумилеву, в *этой* области он достоин не зубоскальства, а уважения: он собрал огромный материал, наглядно свидетельствующий о том, что отношения меж «Русью» и «Ордой» нельзя обозначить иным словом, кроме симбиоза.

Честно говоря, мне не хочется эти доказательства перечислять. Слишком много и часто писали о том, как русские князья и «монгольские ханы» становились побратимами, родичами, зятьями и тестями, как ходили в совместные военные походы, как (назовем вещи своими именами) *дружили*. При желании читатель и сам может без всякого труда ознакомиться с подробностями русско-татарской дружбы. Я остановлюсь на одном аспекте:

на том, что отношения такого рода *уникальны*. Отчего-то ни в одной разбитой или захваченной ими стране татары так себя не вели. Однако на Руси доходило до непонятного абсурда: скажем, подданные Александра Невского в один прекрасный день побивают до смерти ордынских сборщиков дани, но «ордынский хан» реагирует на это как-то странно: при известии об этом печальном событии не только не принимает карательных мер, но дает Невскому *дополнительные* привилегии, разрешает ему самому собирать дань, а кроме того, освобождает от необходимости поставлять рекрутов для ордынского войска...

Я не фантазирую, а всего лишь пересказываю русские летописи. Отражающие (наверняка вопреки «творческому замыслу» их авторов) весьма странные отношения, существовавшие меж Русью и Ордой: форменный симбиоз, братство по оружию, приводящее к такому переплетению имен и событий, что просто-напросто перестаешь понимать, где кончаются русские и начинаются татары...

А нигде. Русь и есть Золотая Орда, вы не забыли? Или, если точнее, Золотая Орда – это *часть* Руси, та, что находится под властью владимиристо-суздальских князей, потомков Всеволода Большое Гнездо. И пресловутый симбиоз – всего лишь не до конца искаженное отражение событий.

Гумилев так и не отважился сделать следующий шаг. А я, простите, рискну. Если мы установили, что, во-первых, никаких «монголоидов» ниоткуда не приходило, что, во-вторых, русские и татары находились в *уникально* дружеских отношениях, логика диктует пойти дальше и сказать: Русь и Орда – попросту одно и то же. А сказки о «злых татаровьях» сочинены значительно позднее.

Вы никогда не задумывались, что означает само слово «орда»? В поисках ответа я для начала закопался в глубины польского языка. По очень простой причине: именно в польском сохранилось довольно много слов, исчезнувших из русского в XVII-XVIII столетиях (когда-то оба языка были не в пример более близки).

В польском «*Orda*» – «полчище». Не «толпа кочевников», а скорее «большое войско». Многочисленное войско.

Двигаемся далее. Сигизмунд Герберштейн, «цесарский» посол, побывавший в *Москови* в XVI веке и оставивший интереснейшие «Записки», свидетельствует, что на «татарском» языке «орда» означало «множество» либо «собрание». В русских летописях при рассказе о военных кампаниях преспокойно вставляют обороты «шведская орда» или «немецкая орда» в том же значении – «войско» [43].

Академик Фоменко указывает при этом на латинское слово «*ordo*», означающее «порядок», на немецкое «*ordnung*» – «порядок».

К этому можно добавить англосаксонское «*order*», означающее опять-таки «порядок» в смысле «закон», а кроме того – воинский строй. В военном флоте до сих пор существует выражение «походный ордер», то есть, построение кораблей в походе.

В современном турецком языке слово «*ordu*» имеет значения, опять-таки соответствующие словам «порядок», «образец», а не так уж давно (с исторической точки зрения) в Турции существовал военный термин «*орта*», означающий янычарское подразделение, нечто среднее меж батальоном и полком...

В конце XVII в. на основании письменных донесений землепроходцев тобольский служивый человек С.У. Ремезов вместе с тремя сыновьями составил «Чертежную книгу» – грандиозный географический атлас, охватывавший территорию всего Московского царства. Казачьи земли, примыкающие к Северному Кавказу, именуются... «Земля Казачьей Орды!» (Как и на многих других старорусских картах.)

Одним словом, все значения слова «орда» вертятся вокруг терминов «войско», «порядок», «законоустройство»*. А это, я уверен, неспроста. Картина «орды» как государства, на каком-то этапе объединявшего русских и татар (или просто армии этого государства), гораздо удачнее вписывается в реальность, нежели монгольские кочевники, удивительным образом восплававшие страстью к стенобитным машинам, военному флоту и походам на пять-шесть тысяч километров.

Просто-напросто когда-то Ярослав Всеволодович и его сын Александр начали жесточайшую борьбу за господство над всеми русскими землями. Именно их армия-орда (в которой и в самом деле хватало татар) и послужила позднейшим фальсификаторам для создания жуткой картины «иноземного нашествия».

Еще несколько схожих примеров, когда при поверхностном знании истории человек вполне способен сделать ложные выводы – в том случае, если знаком только с названием и не подозревает, что за ним стоит.

В XVII в. в польской армии существовали кавалерийские части, именовавшиеся «казацкими хоругвями» («хоругвь» – воинская единица). Настоящих казаков там не было ни одного – в данном случае название означало лишь то, что эти полки вооружены по казацкому образцу [246].

Во время Крымской войны в составе высадившихся на полуострове турецких войск была часть, именовавшаяся «оттоманские казаки». Вновь ни единого казака – только польские эмигранты и турки под командованием Мехмеда Садык-паши, он же бывший кавалерийский поручик Михал Чайковский [246].

И, наконец, можно вспомнить о французских зуавах. Название эти части получили от алжирского племени зуауа. Постепенно в них не осталось ни единого алжирца, одни чистокровные французы, однако название сохранилось на последующие времена, пока эти подразделения, своеобразный спецназ, не прекратили свое существование.

Свидетель без маски

Настало время рассекретить источник, который я довольно долго уклончиво именовал «одним историком XVII века».

Речь идет об авторе труда под названием «Скифийская история», несправедливо забытом русском историке Андрее Ивановиче Лызлове [114]. Родился он предположительно около 1655 г., в семье служилых дворян. Его отец, думный дворянин и патриарший боярин, позаботился, чтобы сын получил хорошее образование – Лызлов знал польский и латинский языки, был начитан в русской истории, сведущ в архитектуре, общался со знаменитым фаворитом царевны Софьи В.В. Голицыным, одним из образованнейших людей России того периода. Участвовал в войнах с турками и крымцами, был в Пензенском крае товарищем (заместителем) воеводы. В 1692 г. закончил главный труд своей жизни, «Скифийскую историю». После марта 1697 г. его имя больше не упоминается в документах, так что на этот год, вероятно, и приходится его кончина.

«Скифийская история» в печатном виде появлялась всего трижды – в 1776 г. в Санкт-Петербурге вышло первое издание, в 1787 г. в Москве – второе. Третье появилось лишь в 1990 г. убогим тиражом в пять тысяч экземпляров. Современным историкам эта работа практически неизвестна, в чем я имел случай убедиться.

А жаль. Труд Лызлова написан на основе как не дошедших до нас русских летописей (вроде поминавшегося «Летописца Затопа Засекина»), так и работах польских и итальянских историков XVI-XVII веков: Стрыйковского, Бельского, Гваньини, Барония, опять-таки использовавших огромное количество утраченных ныне материалов из русских, польских, литовских архивов. Известно, что Лызлов пользовался монастырскими библиотеками, хранилищем московской Патриаршей ризницы – не исключено, еще и документами из Казанского и Астраханского архивов, которые, как мы помним, столетием спустя натолкнули Татищева на «еретические» выводы, кое в чем противоречившие «официальной» истории.

Впрочем, сплошь и рядом то, что пишет Лызлов, рисует перед нами опять-таки нечто еретическое – совершенно *другую* историю, коренным образом расходящуюся с той, что мы привыкли считать единственно верной...

Все фрагменты из труда Лызлова переведены мною на современный литературный язык. Желающие могут сами ознакомиться с оригиналом по указанному в библиографии

изданию.

Итак, устраивайтесь поудобнее и приготовьтесь встретиться с сенсацией...

Начнем с того, что у Лызлова татары предстают... народом, безусловно родственным славянам, кроме того – европейским!

«Скифия состоит из двух частей: одна европейская, в которой живем мы, то есть Москва, россияне, литва, волохи и татары европейские».

Требуются ли комментарии?

«Вторая – азиатская, в ней обитают все скифские народы, расселившиеся от севера до востока. Эти азиатские скифы весьма многочисленны и прозываются различными именами».

Не стану приводить эти имена полностью. Меня в данный момент интересует лишь одно имя, к которому мы будем не раз возвращаться – *тауросы*.

«Пятьсот лет назад, а то и более, некий скифский народ вышел из страны, именовавшейся на их языке Монгаль (а потому и жители оной назывались монгаилы, или монгаили), и, завоевав некоторые страны, как о том будет сказано ниже, изменил и самое имя свое, назвавшись тартарами... к каковому имени сами они относятся не в пример расположеннее и любят, когда другие их именуют именно так».

Вот и отыскался след монголов! Однако сторонникам «классической» версии радоваться не стоит. «Монгаили» или «монгаилы», описанные Лызловым, явно не имеют отношения к нынешним монголам. Чуть дальше говорится: «От тех *татар* – *монгаилов* и произошли те татарове, что к нам, савроматам, пришли, а именно: крымские, монконские, перекопские, белгородские, очаковские и все те народы, что обитают возле озера Палюсмеотис, то есть Азовского моря».

Другими словами – *тюрки*. Крымские и перекопские татары – определенно тюрки, этого никто и никогда не покушался опровергнуть. Кроме того, оказывалось, существовали еще и «белгородские татары» (но Белгород, как известно, считается исконно славянским городом?!). А ведь, не забывая, есть еще «европейские татары», которых Лызлов помещает *среди* славянских племен: москвы, россиян, литвы... Что, кстати, не сам придумал, а шел вслед европейским историкам, которые, как я упоминал выше, отчего-то считали и «татарский», и «половецкий» языки родственными... славянским! Так и пишет Стрыйковский: «И печенеги, и половцы, и ятвяги есть та же литва, разве что имеют в наречии своем некоторые отличия, подобно полякам и россиянам».

Книга Лызлова написана в 1692 г. Простой арифметический расчет показывает: $1692 - 500 = 1192$! Именно в этом году и появились в «азиатской Скифии», т. е. неподалеку от русских рубежей, татары! А может, и раньше – Лызлов сам пишет: «Пятьсот лет назад, а то и более». Так что никаких «неведомых народов», якобы внезапно нахлынувших в 1223 г. из глубин Азии, попросту не было!

Лызлов упоминает и Чингисхана, однако в его изложении перед нами предстают *два* варианта возникновения Чингизова государства. По первому, в 1162 г. от Рождества Христова «Хингис Великий» с частью воинов ушел из царства некоего Ункама и создал свое собственное государство. По второму, «Цынгис» основал Заволжскую орду и покинул отчие земли не вследствие «перенаселения», как в первом варианте, а оттого, что его, рожденного вне брака, кто-то хотел убить.

Это доказывает, что и триста лет назад не было *точных* сведений о личности Чингисхана – только противоречащие друг другу легенды. Что, как мне представляется, работает на мою версию.

Однако вернемся к «татарам». Вернее, к основанной якобы «Чингизом» Заволжской орде, чтобы показать на ее примере, со сколь беззастенчивым нахальством наши профессиональные историки «поправляют» своих коллег из далекого прошлого.

Уже поминавшийся кандидат исторических наук Ю. Мыцк делает к книге Лызлова следующее глубокомысленное примечание: «В Заволжскую орду вошли земли в бассейне Сырдарьи, степи и города на *восток* от Аральского моря».

Чтобы оценить должным образом наивный цинизм этой «правки», нужно

процитировать самого Лызлова: «Татары, именующие себя Заволжской ордой, живут по реке Волге пониже болгарских границ вплоть до Каспийского моря». И далее, в другом месте: «Орда татар Заволжских названа так от реки Волги, за которой татары и обитали; а с востока ограничена та орда Хвалынским морем».

Хвалынское море – Каспийское. Как видим, Лызлов *дважды* привел точные границы Заволжской орды. Однако современный комментатор по неведомым причинам «перенес» Заволжскую орду на сотни километров восточнее. Почему? Да, видимо, оттого, что ясные и недвусмысленные указания Лызлова противоречат той самой классической версии.

Уж если современные комментаторы поступают подобным образом с *печатным* текстом, не допускающим двойного толкования, легко представить, сколько натяжек, умолчаний и передергиваний наворочено вокруг *рукописных* документов...

Та самая Азиатская Скифия, повествует далее Лызлов, как раз и называется Великая Татария. С одной стороны – Азовское море, с другой – Каспийское, а с юга – «Гора великая, именуемая Быкова, по-латыни – Монс Таурус, куда приставал Ноев ковчег после потопа».

То есть – Арарат, по библейской традиции. Обратите внимание на странное, многозначительное созвучие: Таурус – Таврия – Тартария – Татария. Очень похоже, что слово «татары» – это искаженное «татаурсы», что татары каким-то самым тесным образом связаны с Таврией и Таурусом-Араратом.*

Если кому-то не понравится эта моя версия, горячо рекомендую другую – официальную, по которой «татары произошли от некоего племени «та-та» или «да-да». Правда, в этой версии есть небольшая неувязочка: никаких таких «та-та» или «да-да» историки, как ни бились, не обнаружили. И тогда – от бессилия, должно быть – измыслили очередную эпохальную гипотезу: «татарами» монголы называли тех, кого побеждали. Победят какое-то племя – и назовут его татарами. Еще одно победят – и его так же окрестят...

Не подумайте, что я шучу. Своими глазами читал это в одной ученой книге...

Кстати, это Лызлов пишет о том, что у половцев были «города, и крепости, и села». А поскольку он на триста лет *ближе* к описываемым им событиям, нежели виртуозы-эквилибристы вроде фокусника Мыцыка, верю лично я как раз Лызлову, а не современным «комментаторам»...

Между прочим, Лызлов прямо пишет о том, что половцы и есть *готы*. Те самые готы, которых «официальная» историография относилась к III в. нашей эры и причисляла к германским племенам.

Утверждение это родилось не на пустом месте – о том же самом пишет и Мавро Орбини, приводя в подтверждение своей точки зрения длиннейший список западноевропейских историков, подробно обосновавших этот тезис. Большинство их трудов до нас, увы, не дошло: кто слышал об Иоанне Великом Готском, Иеремии Русине?

И еще. Весьма любопытный факт. Ученые той самой реалистической школы (Орбини, Лызлов и др.) отчего-то ни словечком не упоминают о «великом» Несторе, который, по нынешним представлениям, творил не позднее XII века, когда и создал якобы «Повесть временных лет».

Почему? Да потому, что в XVI-XVII веках о Несторе и не слыхивали. Не существовало еще его трудов, только и всего. Даже имени такого историка не знали...

Далее Лызлов недвусмысленно упоминает о том, что не только половцы были, оказывается, не кочевым народом, а вполне оседлым: «И поселились татары в тех двух странах, что звались Болгария* и Золотая Орда: по обе стороны реки Волги, от места, где впоследствии встала Казань, до реки Яика и моря Хвалисского. И возвели они там *многие города*: Болгары, Былымат, Кумань, Корсунь, Тура, Казань, Ареск, Гормир, Арнач, Сарай Великий, Чалдай, Астарахань».

Обратите внимание: Лызлов ни единым словом не упоминает о каких-то завоеваниях татар в Китае, Хорезме или Грузии – и уж тем более в Центральной Азии... Говорится, что татары «ходили в Индию и царя Индийского убили» – но под «Индией» здесь понимается

Персия: среди разоренных татарами «земель царя индийского» называются области «при реке Ефрат и у моря Перского».

Дело в том, что первоначально слово «Индия» означало в русском языке не знакомую нам Индию, а попросту «далекую страну». Термин этот произошел от старославянского «инде», т. е. «далече».* Именно в таком значении употребляется это слово в русской летописи 1352 г., повествующей об эпидемии некоей заразной болезни, лютовавшей в тот год на Руси: «Говорят иные, что тот мор пришел из-Индийской страны». То есть попросту – издалека. Потому что меж реальной Индией и Русью располагалось много стран, а по воздуху этот «мор» никак не смог бы перенестись... «Индийской» страной в данном случае может оказаться и Персия, и Крым, и Хива...

Примечательно, что Лызлов (как многие современные ему или жившие незадолго перед тем историки) ни единым словом не упоминает о «великой монгольской державе» с центром в городе Каракоруме, находившемся якобы на территории нынешней Монголии. Ни словечком. Понять это легко: «великая держава монгольских ханов», раскинувшаяся вольготно от китайских морей до русских пределов, существовала только на бумаге и в воображении позднейших историков. Реалистическая школа XVI-XVII веков, к которой принадлежал и Лызлов, смотрела на вещи более трезво: уж тогда-то прекрасно знали, что Золотая Орда граничила на востоке с Каспийским морем, а *далее* на восток никакой империи не было...

Кстати, «исчезнувшие» якобы печенеги, по Лызлову, самым спокойным образом... живут рядом с половцами, болгарам и Крымской ордой.

Кстати, по Лызлову, «татары» и обитатели Казанского ханства – отнюдь не одно и то же, поскольку не только память о многих «казанских царях», но и сами их имена ушли в небытие как раз благодаря непрерывным набегам татар...

И, что любопытно, в книге Лызлова есть места, позволяющие с большой долей уверенности говорить, что Великая Татария, она же Заволжская Орда, именовалась давным-давно... Китаем!

Это прекрасно сочетается с разысканиями академика Фоменко, обратившего внимание на то, что Афанасий Никитин четко разделял Чину (China)* и Китай: «А от Чины до Китая идти сушей шесть месяцев, и морем четыре дня».

Если Чина – это современный Китай, а Китай – Заволжская Орда, все сходится. Сначала полугодовой путь по суше, потом – четыре дня по Каспийскому морю! К тому же Никитин, написав приведенную выше фразу, добавляет: «А иду я на Русь...» То есть – из нынешнего Китая на Русь, через Великую Татарию, или Заволжскую Орду. Все сходится.

Справедливости ради нужно уточнить, что Лызлов в вопросе о нашествии Батыя точно так же придерживается версии, которую я назвал «официальной» и методично пытаюсь опровергнуть. Впрочем, нет гарантии, что Лызлова не правили сторонники «классической» версии. То-то и оно, что правили – еще в конце XVIII века, когда его книга готовилась к печати. Есть точные сведения, что рукопись Лызлова побывала в руках того самого Миллера, который искромсал «неправильный» труд Татищева...

Гораздо важнее другое: после знакомства с книгой Лызлова можно уверенно заявлять: в старые времена, до Петра Первого, существовал не какой-то единственный вольнодумец, а целая историческая школа (причем представленная и русскими, и поляками, и итальянцами), которая придерживалась качественно *иной* точки зрения на татар. Согласно ее воззрениям, татары (или, по крайней мере, значительная часть татар) были народом, близко родственным славянам, как русским, так полякам и литвинам. Говорили на языке, родственном славянскому. И появились на южных рубежах Руси значительно раньше мнимого «нашествия монголов из Центральной Азии». Там же обитали – практически в то же время! – и родственные славянам половцы (жившие в городах, имевшие крепости!), и якобы «исчезнувшие» печенеги.

Напрашивается вывод: а может быть, татары – никакие не тюрки? И представляют собою тот же этнос, что и русские?

Л. Н. Гумилев считал, что именно так и обстояло. Академик Фоменко указал на двуязычие Афанасия Никитина: временами Никитин в середине фразы легко и непринужденно переходит с русского на тюркский. А известный писатель Олжас Сулейменов в книге «Аз и я» обнаружил много тюркизмов и в «Слове о полку Игореве».

Неизвестно точно, представляют русские и «татары» два разных этноса или один. Однако можно с уверенностью говорить, что русские прекрасно владели тюркским, а тюрки – русским. То есть до известного времени, до некоторого времени это двуязычие было просто необходимо – потому что жизнь русских и татар была чересчур тесно связана. Переплетена, если можно так выразиться. А это возможно в одном-единственном случае: если история Руси и история Орды – одно и то же.

Итак, каковы же краткие выводы? Книга Лызлова, несправедливо забытая*, лишь доказывает, что на Калке русские князья дрались не с «неведомыми народами», сию минуту вынырнувшими из мглы неизвестности, а с кем-то достаточно близким по речи, по вере, по целям и задачам...

Если история Руси и история Орды – одно и то же, скажет читатель, то *цели и задачи* у русских и ордынцев просто обязаны быть одинаковы?

Совершенно верно. Они и *были* одинаковы. Что в следующих главах я и постараюсь доказать.

Хаос и порядок

Начнем с того, что «вторжение Батые» удивительнейшим образом совпадает с пиком острейшего управленческо-политического кризиса, прямо-таки бушевавшего на Руси...

Согласно формулировке профессора Владимирского-Буданова (чья работа о древнерусском праве сто десять лет назад считалась лучшим университетским курсом по этому предмету), «в начале XIII века дробление княжеств достигло крайней степени» [40].

Вызвано это было тем, что на Руси, говоря современным языком, произошло форменное *перепроизводство* князей. Предложение превышало спрос, то есть, князей стало слишком много, а столов никак не хватало на такую ораву. Кроме того, старинный принцип наследования стола по старшинству перестал работать...

Попытаюсь объяснить подробнее. Наследование стола, княжения шло по старшинству, то есть старший сын правящего князя становился наследником еще при жизни отца, каковое право получал с момента рождения. И после смерти родителя занимал стол.

Эта простая и эффективная система сохраняла простоту и эффективность лишь в первое столетие. Пока Рюриковичей было мало. Пока мало было городов, уделов, земель. К XIII веку Рюриковичи, цинично выражаясь, расплодились неимоверно. «Старшинство» столкнулось с казусами, которых предки просто не смогли предусмотреть...

Представьте, что у некоего правящего князя, ну, скажем, Всеслава, есть сын Изяслав – лет так двенадцати (по меркам того времени, почти взрослый). Естественно, именно он считается наследником.

Внезапно, на ту беду, у Всеслава рождается *брат* Ярослав. В этом нет ничего удивительного – в средневековье женили и выдавали замуж довольно рано, так что самому Всеславу всего-то лет двадцать шесть, а его матери – около сорока*.

Мгновенно возникает сложнейшая проблема: кому наследовать Всеславу? *По годам* Изяслав, конечно, старше своего юного дяди. Зато по правилам *старшинства* дядя, конечно, «старше» племянника. Представьте теперь, что Всеслав неожиданно погиб, ну, хотя бы в схватке с половцами. У Изяслава есть свои сторонники, в том числе среди дружины, у крошки-Ярослава – опекуны, которые желают посадить на стол именно своего подопечного: пока он придет в совершеннолетие, можно управлять от своего имени, как душа пожелает...

Вот так и начинались «княжеские усобицы». Не подумайте, что я измыслил чисто умозрительную ситуацию – согласно летописям, именно такие коллизии возникали в XIII столетии...

Возникло наследование «по завещанию», то есть правящий князь сам выбирал себе наследника, уже не оглядываясь на старые обычаи. Легко понять, что находилось много обойденных – и, если под рукой у них оказывалась военная сила, начиналась война...

Возникло наследование «по избранию» – жители той или иной земли сами приглашали того князя, который им больше нравился. Естественно, вновь появлялись обойденные, обиженные, просто завистники.

Возникло «возложение старшинства» – собравшиеся на совет князя *договаривались* возложить на одного из них права «старшего брата», т. е. наследника. И снова, как вы легко догадаетесь, – обиженные, обойденные, зависть, набег, война...

Непременно нужно упомянуть об одной каверзной детали: в случае, если какой-либо князь, имевший «права старшего брата», то есть дожидавшийся смерти правящего князя, чтобы самому занять стол, умирал *первым*, так и не покняжив, все его потомки по мужской линии автоматически, по тогдашнему закону, *навсегда* лишались права занять какой-либо стол. Грубо говоря, им предлагалось убираться ко всем чертям и жить, как знают. Что отнюдь не прибавляло им голубиной кротости и христианского смирения...

Одним словом, к XIII веку «все смешалось в доме Рюриковичей». Все описанные системы наследования действовали одновременно. И каждый, стремившийся к власти, сплошь и рядом выбирал ту, которая ему больше нравилась. Русь погрузилась в огонь и кровь. Исключительно по недостатку места я не могу привести длинейший список сражений и убийств. Стольные города прогоняли правящих князей и приглашали новых – изгнанные, собрав подмогу (у соседей, а то и у половцев), пытались под звон мечей и посвист стрел «восстановиться» на понравившемся престоле. Князья свергали друг друга, ослепляли и убивали друг друга (причем никакие родственные узы сердца не смягчали – брат шел на брата, дядя на племянников, а те – на него), годами и десятилетиями держали конкурентов в «порубах», подземных темницах. В Киеве горожане, взбунтовавшись против князя Игоря Ольговича, так увлеклись, что нечаянно убили его до смерти. В Галиче в 1208 г. бояре, устроив заговор против князей Игоревичей, призвали мадьярских наемников, каковые князей и убили... Когда Юрий Долгорукий провозгласил, что Киев принадлежит ему по праву наследования, захвативший там власть Изяслав Давыдович, не моргнув глазом, заявил: поскольку лично его киевляне провозгласили князем «по избранию», стол он освобождать не намерен. Конечно, кончилось кровью.

Новгород и Псков заявили, что отныне намерены признавать только избранных ими князей, а все прочие правила на их территории больше не действуют*. Дошло до того, что в Галиче княжеский стол захватил под шумок некий «боярин Владислав». По меркам того времени, это было вопиющим нарушением всех и всяческих обычаев: впервые на столе сидел правитель не княжеского рода... Свергали с превеликим шумом, призвав на помощь венгров и поляков. Свергли. Надо полагать, не зажился...

Как легко догадаться, все эти усобицы и войны сопровождалась погромами, разорением, убийствами и насилиями. И дело, отметим, не ограничивалось борьбой князей друг с другом. Роман Галицкий, предвосхищая практику Иоанна Грозного, зарывал живьем в землю и жег на кострах своих бояр, рубил «по суставам», сдирал с живых кожу. По Червонной Руси разгуливали банда князя Владимира, выгнанного с галицкого стола за пьянство и разврат. Как свидетельствуют летописи, эта удалая вольница «тащила на блуд» девиц и замужних женщин, убивала священников во время богослужения, а в церквях ставила коней...

Вот вам веселые будни князей, охватывающие каких-то два-три года: Ярослав, брат суздальского князя, в начале 30-х годов XIII в. захватывает Киев. Ярослава изгоняет Владимир Рюрикович. Владимира изгоняет Михаил Черниговский. Даниил Галицкий изгоняет Михаила...

А потом появляются «татары» и наводят *порядок* !

В самом деле, если охарактеризовать результат «татарского» нашествия двумя-тремя фразами, мы получим следующую нехитрую формулу.

В годы, непосредственно предшествовавшие «татарскому» вторжению, Русь погрязла в бесконечных войнах, смутах, кровавой неразберихе. С появлением татар все меняется самым кардинальным образом: воцаряется определенный порядок, среди множества русских князей один становится старшим, получив так называемый ярлык на «великое княжение». На тех, кто пробует выступать против такого порядка вещей и по старинке развязывать междоусобные войнишки, с завидной и загадочной регулярностью обрушивается «ордынская» конница...

Здесь не нужно ничего измышлять и притягивать за уши. Подробное знакомство с деятельностью «ордынцев» на Руси поневоле приводит к крамольным выводам: создается впечатление, что у «ордынцев» словно бы и нет других забот, кроме одной – поддерживать порядок на Руси. Вновь, в который раз, мы сталкиваемся с чем-то *уникальным*: татары ведут себя так только на Руси. В других странах они отчего-то нисколько не заботятся о поддержании порядка и создании стройной системы великого княжения...

Конечно, при наведении порядка гибнут люди. Конечно, при усмирении провинциальных сепаратистов трещат пожары и кони несутся по засеянным полям. Но это – издержки. Неизбежные. Сын и внук Всеволода Большое Гнездо попросту наводят порядок. А впоследствии именно стоны и печалования провинциальных летописцев будут приняты за рассказ о разорении *всей* Руси. Хотя на деле слова «...и нагрянула Орда на Русь» означают нечто совсем другое – в котором-то году отряды великого князя утихомирили очередного окраинного князька, вспомнившего времена вольницы...

Честное слово, доказывать тут нечего. Достаточно кропотливо перелистать сборники русских летописей и подсчитать, сколько раз упоминаются «ордынские полки», обязательным образом *сопутствующие* владими́ро-суздальским князьям и их потомкам в наведении порядка.

Вот вам биографии нескольких «ордынских» военачальников – для примера. Нужно уточнить: в русской истории они остались как участники *исключительно* тех событий, о коих рассказано ниже.

Алын – «ордынский мурза». Упоминается в летописях как участник похода князя Андрея городецкого на князя Дмитрия Переяславского.

Ектяк – «царевич казанский». В 1396 г. командует частью войск суздальского князя Симеона при нападении последнего на муромских сепаратистов.

Кавгадый – «ордынский чиновник». Участвует в походе городецкого князя на переяславского (1281). Уговаривает князя Михаила Тверского уступить великое княжение князю московскому Юрию Даниловичу (1317), командует частью московской рати при нападении на Тверь. Присутствует при суде *русских* князей над Михаилом Тверским.

Менгат – «воевода Батыев». В 1239 г. пытается уговорить киевского князя Михаила сдать город без боя – и после убийства киевлянами его послов *уходит* от города.

Неврюй – «царевич татарский». Командует войсками Александра Невского, посланными против княжеского брата Андрея, пытавшегося развязать очередную усобицу. В 1296/1297 гг., по сообщениям Никоновской, Симеоновской и Лаврентьевской летописей, проводит княжеский съезд.

Интересно, что же все эти люди делали для *Орды*? Неизвестно. Все упоминания о них касаются лишь их участия в русских делах. Участия, замечу, всякий раз направленного на усиление великокняжеской власти. Так кто же они такие, эти «ордынские» воеводы? Коли уж ничегошеньки не делают для родной Орды?

Далее я приведу длинный список «ордынских» царевичей и воевод, живших в XVI столетии – снова то же самое, «татары» верой и правдой служат московским государям (уже не великим князьям, а царям), и количество их столь велико, что вновь перестаешь понимать, где кончаются русские и начинаются татары.

И вновь приходишь к выводу: стоит лишь признать, что Русь и Орда – одно и то же, как волшебным образом исчезают все до единой странности, нелогичности, непонятности. Все укладывается в стройную систему: «орда» – всего-навсего войско Владимиро-суздальских

князей, силой введивших на Руси единоначалие. И не более того.

Кстати, есть интересные сведения о том, что в результате «монголо-татарского» нашествия русские княжества не «приходили в упадок», а, наоборот... усиливались! Рязанское княжество (о чем пишут сторонники *официальной* версии) даже... расширило свои территории за счет половецких земель и Чернигово-Северского княжества. Любопытные последствия имело порой «татарское нашествие»...

Александр Батыевич и другие

Отчего-то принято считать, что все поголовно русские князья испытывали к «ордынским татарам» лишь враждебность, злость, обиду, ненависть. Правда, при этом не уточняется, откуда это стало известно. Мемуаров князья не оставили, а уж «ордынцы» – тем более. Источником, как легко догадаться, служило воображение историков «классического» направления и перенос ими на древних князей своего собственного образа мышления.

Мы же постараемся повернуть вопрос несколько иначе, с долей некоторого цинизма поинтересуемся: были ли в русской истории личности, с приходом «татар» *резко* усилившие свое влияние, приобретшие конкретные блага? И еще: похожа ли деятельность «татар», как ее описывают в летописях, на политику кого-то из русских князей?

Да как две капли воды!

Судите сами. Как учит нас официальная история, Всеволод Большое Гнездо *первым* попытался объединить русские земли вокруг своего княжества, т. е. Владимиро-Суздальского. Он овладел Владимиром и взшел на великокняжеский стол, ходил походами на волжских болгар и мордву, на Рязань, подчинил Киев, Чернигов и Галич.

Что делает «хан Батый» через четверть века после смерти Всеволода? Представьте себе, идет походами на волжских болгар и мордву, подчиняет Рязань, Киев, Чернигов и Галич, овладевает Владимиром, а потом... передает ярлык на великое княжение *внуку* Всеволода Александру Невскому.

Как вам совпадения? Если трудолюбиво перелопатить самую что ни на есть официальную, классическую историю, без всяких натяжек приходишь к ошеломляющему выводу: если отбросить все ритуальные стенания о «татарских зверствах» и оценить происшедшее согласно железному римскому правилу «Кому выгодно?», в с ё, что совершил Батый, было, во-первых, повторением политики Всеволода по укреплению своей власти, во-вторых, открыло дорогу Ярославу Всеволодовичу и Александру Ярославичу к великому княжению. Впоследствии именно потомки Александра стали великими князьями московскими, царями Руси.

Несмотря на все ужимки, оговорки, искусственные усложнения и откровенный вздор, современные историки не в силах отринуть столь очевидный факт:

1. Батый продолжал политику Всеволода.

2. Чуть ли не вся деятельность Батия как «ордынского хана» свелась к усилению Александра.

Нам, конечно, внушают, что причиной всему – поразительные дипломатические таланты Александра. Что ему удавалось «крестом и пестом» пробивать в Золотой Орде именно те решения, которые шли на пользу ему лично. «Хитроват наш дон Тамэо, да и политик изрядный».

Вот только классическая историография до сих пор не в силах ответить на коварные вопросы: почему Невскому *всегда* удавалось пробивать те решения, что были ему выгодны, а его соперникам это *никогда* не удавалось? Почему то же странное, необъяснимое везение *всегда* сопутствовало потомкам Невского, медленно, но верно идущим к единоличной власти над Русью, а вот соперники их *всегда* оказывались в немилости у «татар»?

Да потому, что не было никакого «нашествия». И «Батый» – своего рода псевдоним, под которым действовали Ярослав Всеволодович и его сын Александр.

Вернемся к событиям 1238 г. До «вторжения татар» Ярослав Всеволодович пребывает,

полное впечатление, в унижении и безвестности. Княжит в городке Переяславле-Залесском, который тогда был глухой дырой и входил в состав Владимиро-Суздальского княжества, которым правил брат Ярослава Юрий. Как я ни копался в трудах историков и сборниках летописей, не мог найти сведений о каких бы то ни было *свершениях* Ярослава до 1238 г., кроме участия в нескольких междоусобицах. Совершенно бесцветная жизнь третьестепенного князька, осатаневшего от скуки в богом забытой провинции...

И вдруг все меняется – рывком!

По Владимиро-Суздальскому княжеству молниеносно проносится «ордынская» конница, один за другим падают города. С тем самым удивительным проворством, о котором мы уже говорили, степняки в считанные дни обучаются войне в лесных чащобах, где, на реке Сити, и уничтожают князя Юрия с его дружиной. В разоренный Владимир прибывает Ярослав...

И собирает рать, чтобы возглавить отпор безбожным татарам?

Да ничего подобного! Приказывает оставшимся в живых жителям хоронить убитых и прибирать город, а сам начинает распоряжаться оставшимися без хозяина уделами: брату Ивану дает Стародуб, Святославу – Суздаль, внучатому племяннику Василию – Ярославль. Сам, понятно, садится на княжеском столе...

Как хотите, но это поведение человека, который *делит добычу*!

Мало того – отсюда и начинается возвышение Ярослава, прозябавшего дотопе в безвестности. Сам Батый, как пишут русские летописи, приглашает его в «Орду» и встречает с почестями, поставив «первым над князьями». Как сообщает итальянец Плано Карпини, именно Ярослав... становится представителем Батыя в столице «монгольской империи» Каракоруме, где происходят выборы верховного хана.

Насчет последнего – явная ошибка итальянца. Мы наглядно убедились, что никакой «великой империи» нет, а город Каракорум, как я намерен доказать впоследствии, располагался не в Монголии и не в Китае, а где-то на Волге. Однако как в таком случае истолковать сообщение Карпини?

Да очень просто. Никаких пришельцев нет. В результате хорошо спланированной военной операции князь Ярослав захватывает власть над значительной частью Руси, выполняя «программу» своего отца Всеволода. Громит рязанцев, галичан, киевлян, черниговцев. Наверняка в его войске есть татары – но это не пришельцы из дальних степей, а старые добрые знакомые, жители Заволжской орды. Впоследствии Ярослав, его сыновья и внуки безжалостно, в стиле того времени расправляются с любым соперником в борьбе за великое княжение...

Эта версия вас не устраивает?

Что ж, пользуйтесь классической: дикий степняк Батый, встретившись с князьком из глухого захолустья, о котором прежде и не слыхивал, вдруг очаровался им, как юная школьница – душкой-офицером. Настолько возлюбил, что ни с того ни с сего вручил ему главенство над всей Русью, а потом отправил представлять собственную персону в столицу империи, где высшие вельможи выбирали великого хана...

Воля ваша, но я в эту чепуху поверить не в состоянии. Поскольку возвращаются все те же проклятые вопросы: почему «ордынцы» *нигде*, ни в одной стране, завоевание которых им приписывает классическая версия, не относились с таким доверием и радушием к местным князькам? Почему «Батый» прощает Ярославу и Александру поступки, за которые любой нормальный владыка снес бы голову своему подданному? Почему «Батый» в точности повторяет свершения Всеволода и делает потомков Всеволода владетелями всей Руси, т. е. осуществляет давние стремления Всеволода?

Да потому, что Батый – вымышленная фигура, которой частью приписаны деяния Ярослава, частью – Александра. Кстати, Батый в нашей историографии выглядит удивительно бесцветно. Если разобраться вдумчиво, сам он ничем и никак себя не проявляет, завоевание Руси и все последующие меры по наведению порядка происходят как бы сами собой, без его участия...

Стоит лишь допустить, что Батый – чистой воды вымысел, как все становится на свои места. Прослеживается и умелое, жесткое руководство «татарскими ордами», и продуманная система борьбы с соперниками, претендентами на великое княжение. Снова возникает стройная система, основанная на строгой логике. Уже нет ничего удивительного в том, что потомки Невского методично прибирают к рукам власть над Русью.

Так и было задумано с самого начала Ярославом и Александром, из которых летописцы позднейшего времени сотворили «Батыя». Между прочим, Александр отчего-то именуется не единожды «приемным сыном» Батыя. Снова перед нами навязывая в зубах *уникальность* – ни в одной из покоренных им от Китая до Руси стран Батый отчего-то не спешил обзаводиться приемными сыновьями, а вот ради Невского отчего-то изменил привычкам.

Повторяю, история не знает примеров, когда вторжение жестокого иноземного супостата вдруг помогло бы одному из вельмож подвергшейся нападению страны стать полновластным хозяином этой самой страны. Однако в нашем случае «безбожный моавитянин» Батый отчего-то заложил основы для возвышения Ярослава Всеволодовича и его потомков... Как будто своих задач у него не было.

Конечно, не было. Откуда им взяться, если за прозвищем «Батый» как раз и скрываются Ярослав с Александром?

Еще раз подведем итоги.

Ярослав. До «татарского нашествия» княжит в крохотном городке на окраине богатого княжества, где хозяином – его брат. После: великий князь, «старший над прочими».

Александр. До «татарского нашествия» княжит в Новгороде, откуда его в любой момент могут выставить, если это взбредет в голову жителям. После: получает в полное распоряжение Киев, после смерти отца становится великим князем владимирским, *ставит* своего сына князем в Новгороде, приобретает огромное влияние на дела Руси.

Комментарии излишни.

Могут спросить: что же, вы пытаетесь доказать, что князь Ярослав сверг и убил *родного* брата?

Что ж, именно так и получается. Однако в этом поступке нет ничего, противоречащего средневековым нравам, когда самые близкие по крови люди становились в борьбе за власть злейшими врагами и убивали родственников столь же легко, как чужих...

И бысть умучен от злых татаровей...

В этом разделе мы рассмотрим столь печальные события, как «убийства русских князей в Орде злыми татаровьями». И сразу столкнемся с массой интересного и загадочного...

Смерть «убиенных от татар за православную веру» князей Дмитрия Черниговского, Иоанна Путивльского, Александра Новосильского, Сергея Александровича, Дмитрия Курского, княгини его Феодоры и сына их Василия, а также братьев Давида и Глеба Игоревичей предметом расследования не станет по одной простой причине: все они известны исключительно по церковным поминаниям и былинам. Ни в одном древнерусском летописном источнике отчего-то нет ни единого упоминания о ком-либо из перечисленных.

Перейдем к «документированным» фактам.

1270 г. В «Орде» убит рязанский князь Роман Ольгович. Летописным свидетельствам об обстоятельствах его гибели доверять нельзя, поскольку летописцы пытаются уверить нас, что Роман замучен «за отказ принять бесерменскую веру».

Это не просто странно – предельно странно. Потому что все без исключения историки «классического» направления сходятся на том, что «татары» предоставили Русской православной церкви прямо-таки *уникальные* (снова это словечко всплыло!) привилегии и льготы. Вплоть до того, что существовал особый указ Батыя, согласно которому смертной казнью карался всякий, посягнувший бы на церковное имущество, на неприкосновенность церковных земель, на право церкви в иных случаях судить виновных своим судом*.

Более того – как мы помним, «татары» в значительной части своей были христианами.

В Сарае Великом существовали христианские храмы, а при «ханской ставке» был православный епископ.

В *этих* обстоятельствах убийство князя Романа Рязанского за отказ принять «бесерменскую веру» выглядит предельно странным. Гораздо больше это похоже на состряпанную позже, довольно неуклюжую дезинформацию. Особо подчеркну: этот Роман был *единственным*, которого «татары» казнили по столь неправдоподобному поводу...

Не в пример ближе к реальности другой вариант: рязанский князь был убит владимиристо-суздальцами, поскольку был их серьезным соперником и конкурентом в борьбе за главенство.

1318 г. В «Орде» казнен князь Михаил Тверской. Вот здесь информации гораздо больше...

Одно время бытовала убогая версия, будто Михаила «татары» казнили за отказ выполнить языческий очистительный обряд, пройти меж двух костров. Ее нелепость поняли довольно быстро: татары, с нескрываемым уважением относившиеся к христианству, вряд ли стали бы казнить человека за оскорбление языческого обряда – при том, что язычниками была ничтожно малая часть «ордынцев»... Можно ли представить, что инквизиция арестовывает кого-то по обвинению в «непочтении к мусульманству»? Нереально. То же и с шитой белыми нитками сказкой об «оскорблении священного огня».

К счастью, есть подробные описания смерти Михаила...

Оказывается, он смертельно враждовал со своим родственником Юрием Даниловичем (Михаил был племянником Александра Невского, а Юрий – внуком), княжившим в Москве. После одного из сражений в плен к Михаилу попала жена Юрия, крещеная половецкая княжна Агафья Кончаковна. Будучи в заточении в Твери, она странным образом умерла. Естественно, возникли слухи об отравлении, в которых и в самом деле может оказаться зерно истины – отчего, право, вдруг скончалась внезапно молодая, здоровая женщина?!

Как бы там ни было, происшедшее лишь усугубило ненависть Юрия к родственнику-сопернику. Вскоре Михаил оказался перед судом. Согласно классической версии, его «призвали на расправу в Орду». Согласно моей (которая прекрасно согласуется с обстоятельствами смерти князя) – его попросту удалось принудить предстать перед своеобразным «третейским судом».

Как же выглядел этот суд?

Семь *русских* князей обвинили Михаила в попытках взимания дани с их городов и отравлении Агафьи Кончаковны. После чего князя выставили на *правеж* – исполняя исконно русский обычай*. На шею ему надели тяжелую колоду, и семь стражников – по одному от каждого князя – караулили его.

Потом увели в кибитку, куда вскоре подъехал со своими людьми Юрий Данилович. Один из сопровождавших московского князя, *русский* по имени Романец** убил Михаила ударом ножа в сердце. Мертвого князя раздели догола и швырнули труп за кибитку...

Как видите, судили Михаила русские за причиненные русским обиды. И казнил его русский. Вы спросите, где же «ордынцы»? В самом деле, получается какая-то нелепость: русские князья среди Золотой Орды судят и рядят по своим обычаям, а после приводят в исполнение приговор...

Представьте себе, «ордынцев» и близко нет! Нет, и все тут! Присутствует лишь тот самый «ордынский чиновник» Кавгадый, о котором я писал выше. Кавгадый, чья зафиксированная летописцами деятельность странным образом связана исключительно с русскими внутренними делами.

Его поведение крайне странно. Летописец пытается внушить нам, что Кавгадый, дескать, тоже был членом суда, но дальнейшее поведение «ордынца» этому противоречит. Кавгадый... посылает своих слуг поддерживать колодку на шее Михаила, чтобы тот не так мучился. (Обратите внимание: он не может *снять* эту колодку вовсе. Видимо, не располагает такой властью. Это ордынец-то, находящийся у себя дома?!)

После убийства Михаила Кавгадый довольно робко говорит Юрию, что покойник

как-никак был тому родственником, старшим по годам, так что негоже мертвому валяться позорно голым...

И вновь это не приказ – просьба-пожелание. Юрий, однако непреклонен: он лишь разрешает накинуть на тело плащ. Не более того. Бояре Юрия увозят тело в Москву... и бросают там в хлев. Там же говорится, что ордынцы «колебались», но Юрий *настоял* на приведении приговора Михаилу в исполнение.

Спрашивается: кто хозяин в Орде, Юрий Московский или Кавгадый? Хозяином держится скорее Юрий – обвиняет, возглавляет суд над тверским князем, люди Юрия и убивают приговоренного. Кавгадый же в состоянии лишь *чутьочку* облегчить страдания выставленного на позор Михаила, а потом *попросить*, чтобы с его телом обращались пристойнее (однако никто не спешит эту просьбу выполнить).

Вскоре сын покойного Михаила, Дмитрий, убил Юрия. Как нас уверяет летописец – «убил в Орде». Однако отчего-то не приводит ни малейших подробностей – в противоположность убийству Михаила, описанному как раз крайне подробно. Потом и Дмитрия «убивают в Орде» – но подробностей вновь нет.

1339 г. Князя Александра Михайловича Тверского и его сына Федора убивают «в Орде». На сей раз судят и выносят приговор вроде бы «ордынцы» – однако по странному стечению обстоятельств летописцы не приводят никаких мотивов, заставивших «ордынского хана» так поступить. Хан казнил Александра и Федора «ни с того, ни с сего». Заступничество ярославского и белозерского князей отчего-то не возымело действия.

Многое проясняется, когда обнаруживаем, что в момент казни тверских князей в Орде находился... брат покойного Юрия Иван Калита. Тот самый, знаменитый «собиратель земли Русской». По версии летописцев, Калита и «оговорил» тверичей.

А может, не «оговаривал», а попросту *сам* приговорил к смерти? Казни тверичей предшествовали довольно многозначительные события: тверские бояре, оказалось, к тому времени «отъехали» от своего князя в Москву. А после казни Калита, нагрянув в Тверь с войском, торжественно сбросил колокол с церкви Спаса и увез его в Москву.

Кстати, имена палачей, казнивших Александра и Федора, звучат странновато: Беркан и Черкас. Больше похоже на прозвища. Как мы помним, «черкасами» именовали предков нынешних казаков, то есть опять-таки славян...

Как видим, все три случая подчиняются строго определенным закономерностям. Всякий раз гибнут соперники и конкуренты владими́ро-суздальской династии и ее потомков. Всякий раз их смерть приписывается «коварству ордынцев». Всякий раз не приводится хотя бы подобия мотивов, которыми могли бы руководствоваться татары. Зато в случае с Михаилом «ордынцев» и близко нет, а единственный из них, Кавгадый, ведет себя так, словно он не хозяин, а лицо подчиненное...

Выводы? Не было никакого «ордынского суда». Всякий раз устранялись соперники владими́ро-суздальской московской династии, продолжателей «линии Всеволода Большое Гнездо». О временах Ивана Калиты сохранилась любопытнейшая запись: «Сел на великое княжение Иван Данилович, и настал покой христианам на многие лета, И ПЕРЕСТАЛИ ТАТАРЫ ВОЕВАТЬ РУССКУЮ ЗЕМЛЮ».

Все совпадает. Все логично. Зачем «татарам» воевать, если единоличной власти Ивана Калиты никто не угрожает? Если нет ни вдали, ни вблизи соперников-конкурентов?

С 1328 года – года, когда утвердился Калита – и до времен войн с Мамаем ТАТАРСКИХ НАБЕГОВ НА РУСЬ ПРАКТИЧЕСКИ НЕ ЗАФИКСИРОВАНО. Что полностью противоречит классической версии о «диких степняках, привыкших жить набегами». Отчего-то в данном случае «дикие степняки» напрочь отказываются от своих привычек.

Есть, правда, исключение – вторжение в русские пределы военачальника, который именуется то «Арапша», то «Араб-шах». Однако это была не агрессия, а *ответ* на рейд русских войск, которые в 1376 г. вступили в пределы Волжской Болгарии, обложили один из городов болгар и заставили его жителей принести присягу на подданство.

Интересно, что при этом русские назначили в захваченный город своих чиновников, которые звались «даруга» и «таможник» – первый собирал налоги, а второй был чем-то вроде таможенного инспектора.

Термины «даруга» и «таможник» обычно считаются «монгольскими»! Спрашивается, почему русские ими воспользовались? Неужели за столетия не придумали своих слов для обозначения чиновников со схожими функциями?

Вывод прост: поскольку никаких «монголов» не существовало, «ордынские» термины и есть *русские*.

Между прочим, история прелюбопытнейшая. С одной стороны, Русь вроде бы является «вассалом» Золотой Орды. С другой – русские вдруг нападают на Волжскую Болгарию, т. е. часть Золотой Орды, и вынуждают тамошний город принести вассальную клятву!

В *нашей* версии, где Русь и Золотая Орда представляют собой одно и то же, это как раз выглядит вполне логичным и не содержит никаких загадок. Очевидно, русские на окраине своих владений попросту боролись с какими-то сепаратистами, которых и представлял Араб-шах.

Самое время вернуться к одному из загадочнейших событий времен «монгольского вторжения». Глава Русской церкви Киевский митрополит Иосиф после взятия Киева «Батыевой ратью» пропал без вести. Исчез столь загадочно и надежно, что по сию пору ученые разводят руками, не в силах пролить свет на это темное дело. Летописцы и историки более семисот лет отделяются невнятной скороговоркой – либо погиб в развалинах Киева, либо «удалился в другое место и сгинул там безвестно».

А соль здесь в том, что владыка Иосиф... был греком из Царьграда, поставленным царьградским патриархом и прибывшим в Киев буквально перед самым «Батыевым нашествием»!

Много и подробно писалось о том, что к XIII веку Русь уже недвусмысленно тяготилась зависимостью от константинопольского патриарха, предпочитая церковных иерархов русского происхождения... Впоследствии, в 1243 г., «бесхозная» киевская митрополия как раз и досталась *русскому* игумену Кириллу, родом с Южной Руси. Управление митрополией он принял «по выбору князей».

Вновь, в который уж раз, «злые татаровья» совершают поступок, полностью совпадающий с *русскими* интересами. Бесследно пропадает неудобный грек, митрополитом становится *свой*. А на все вопросы посланцев Царьграда русские с самым что ни на есть невинным видом разводят руками и сетуют на злых татаровей, коварно изничтоживших греческого иерарха по врожденной своей кровожадности...

Не исключаю, что царьградцы верили.

Загадки «Батыева похода»

Возвращаясь к событиям зимы 1237-1238 года, пресловутому «Батыеву нашествию» (а на самом деле борьбе Ярослава и Александра с соперниками), мы опять-таки сталкиваемся с изрядным количеством загадок.

Прежде всего, пресловутая «дикая орда» действовала с непонятной (но не для нас) избирательностью. Волховские князья (обитавшие в Южной Волыни) отчего-то не подверглись разгрому *вовсе*. Преспокойно присягнули Батыю на верность, и их владения остались в полной неприкосновенности.

По *нашей* версии истории, ничего удивительного или непонятного тут нет. Сообразили вовремя, что с Ярославом и Александром шутки плохи, не лезли поперек батьки в пекло, сиречь не пытались стать конкурентами – вот и остались целехоньки...

Не в пример более загадочной выглядит история с Козельском. Летописцы в один голос твердят, что «Батыева орда» на *семь* недель задержалась возле крохотного городка Козельска и все это время штурмовала его с необъяснимым упрямством, пока не добила своего.

Это и в самом деле странно. Никакого стратегического значения городишко не имел – и тем не менее «ордынское войско» полтора месяца топталось у его стен...

Здесь возникает сразу несколько вопросов:

1. Почему «степняки», вроде бы к тому времени обучившиеся мастерски владеть китайскими камнеметами и стенобитными машинами, в случае с Козельском это свое умение как-то сразу растеряли? (Напоминаю: практически все крупнейшие города Руси держались не более шести-семи дней.)

Чтобы объяснить этот феномен, покойный В. Чивилихин измыслил какие-то невероятные, суперблагоприятные географические условия – если верить ему, Козельск был расположен так удобно для осажденных, стоял на таких непреодолимых кручах, был окружен столь глубокими рвами, что все китайские машины оказались бесполезными.

Возможно. Но, даже если так и обстояло*, это не снимает проблемы, наоборот, усложняет ее дополнительными загадками.

2. Почему, столкнувшись со столь неприступной крепостью (напоминаю, крохотной, не имевшей военного значения в рамках большой стратегии), завоеватели не махнули рукой и не умчались поискать добычи полегче? Почему проторчали возле нее семь недель, пока не взяли-таки?

Гипотез, объясняющих «загадку Козельска», пока имеется на белом свете три:

1. Классическая версия.

2. Теория Гумилева.

3. Моя гипотеза.

Классическая версия, собственно, представляет собой... полное отсутствие версии. Монголо-татары просто взяли и задержались у Козельска. Захотели и задержались. Искать в их поступках логику бессмысленно – Азия-с...

Гипотеза Гумилева, надо признать, более логична и убедительна. Гумилев считал, что татары *мстили* Козельску. Князь черниговский и козельский Мстислав пятнадцать лет назад, будучи на Калке, принял участие в убийстве татарских послов. И, хотя к тому времени он уже умер, татары считали, что его подданные несут «коллективную ответственность» за убийство князем их послов...

Вообще-то, это гораздо больше похоже на версию, нежели ничего не объясняющие апелляции к «азиатской логике», какими грешат историки «классического» направления.

Увы, есть обстоятельство, которое не оставляет от версии Гумилева камня на камне...

В числе других на Калке воевал, принимал участие в убийстве татарских послов (да и погиб там же) *смоленский* князь Мстислав-Борис Романович Старый. Следовало бы предположить, что, руководствуясь тем самым принципом «коллективной ответственности», татары не с меньшей яростью обрушатся на Смоленск, мстя его обитателям за преступление князя...

Так вот, Смоленск *вообще* не подвергся татарскому удару. Ни в 1237-1238, ни после! Он *никогда* не сталкивался с «ужасами ордынских приступов». В *пределах* Смоленского княжества татары иногда показывались, но на сам стольный град Смоленск не напали *никогда*.

«Коллективная ответственность» выглядит какой-то странной. За одно и то же преступление козельцы заслуживают самой суровой кары, зато жителей Смоленска можно и оставить в покое...

В жизни ничего подобного случиться не могло. Либо есть обычай, либо его нет. Либо «коллективную ответственность» несет *всякий*, кто посягнет на послов, либо...

Либо гипотеза Гумилева неверна.

Тогда в чем же загадка?

Да в том, что в Козельске сидел князь из ЧЕРНИГОВСКОЙ династии. Той самой, с которой Ярослав и Александр боролись упорно и яростно, как с одними из конкурентов. Изгнанный «татарами» из Чернигова Мстислав Глебович закончил дни на чужбине, в Венгрии. Князья-соперники истреблялись безжалостно, благо повод был самый удобный –

многое можно списать на кровавую неразбериху штурма. В Рязани погибли не только князь, но и его жена с малолетним ребенком («Повесть о разорении Рязани Батыем»), как мы убедимся позже, представляет собой чисто литературный вымысел, а следовательно, утверждения, будто рязанского князя «убили в Орде», а его супруга в отчаянии покончила с собой, никак не могут выглядеть достоверными).

Таким образом, странно затянувшаяся осада Козельска и упорство, с которым «татары» семь недель добывали город, получает вполне разумное объяснение: Невский стремился уменьшить число возможных соперников, насколько удастся...

Если Батый – «дикий татарин», предводитель жаждавшей добычи орды, совершенно непонятно, почему его войска внезапно повернули от Новгорода. Одно время господствовала теория, будто все произошло из-за ранней распутицы, охватившей огромные пространства и превратившей их в сплошное болото. Однако эту гипотезу безоговорочно опроверг В. Чивилихин, раскопавший весьма интересные подробности. Во-первых, в XIII веке в северном полушарии как раз наблюдалось повсеместное похолодание, которое климатологи даже именуют «малым ледниковым периодом». Во-вторых, несколькими годами спустя, в том же месяце марте, младший брат Александра Невского Андрей в кратчайшие сроки прошел *тысячу* километров, спеша с ратью на помощь брату. Такое возможно в одном-единственном случае: если конница шла по *замерзшим* рекам и озерам...

Так что погода здесь ни при чем – она как раз благоприятствовала конным походам. Тогда?

Если «Батый» – это Александр Невский, нет ничего странного в том, что он не пошел на Новгород. Не было никакой необходимости. К чему брать приступом свой же собственный город? При всем своенравии новгородцев (не раз Александра допрежь выгонявших), в то время отношения князя и горожан были как раз нормальными. Как сообщает одна из летописей, еще Всеволод Большое Гнездо добился от Новгорода обещания избирать впредь князей только из числа его потомков.

То же самое – и со Смоленском. Если Батый – степной пришелец, озабоченный лишь грабежом, совершенно непонятно, почему татары так никогда и не сделали ни единой попытки овладеть Смоленском – одним из самых больших, благополучных и богатых городов Руси.

Если Батый – это Александр Невский, его желание оставить в покое Смоленск может иметь достаточно веские причины.

Смоленск, по торговле и богатству уступавший лишь Великому Новгороду, в год «татарского нашествия» представлял собой не такую уж легкую добычу не только потому, что был нетронут многочисленными междоусобицами, а значит, укрепления его оставались в целостности. Смоленск был центром международной торговли. Там было множество торговых дворов и складов, принадлежавших иностранным купцам. А купцов из «фряжских и варяжских» стран обитало в Смоленске столько, что для них были выстроены храмы «латинского обряда». Как написано в «Договоре» 1229 г., русские купцы держали образцы употреблявшихся в торговле весовых мер (т. е. гирь, аршинов, других эталонов) в православном Успенском соборе, а иноземные купцы – в храме «Немецкой богородицы».

Отсюда вытекает: нападение на столь значимый центр международной торговли имело бы для виновника нехорошие последствия. Против него немедленно ополчились бы не только купцы Русской земли, но и иностранные государства, чьи подданные и их добро неминуемо пострадали бы при штурме (обязательно сопровождавшемся бы пожарами и грабежом). Могли последовать ответные меры против русских купцов за границей – примеров предостаточно.

Могли бы такие соображения остановить степняка-Батыя?

Ни в коей степени – что ему «мировое общественное мнение»?

Могли бы *такие* соображения остановить Батыя-Александра?

Обязательно. В конце концов, его целью была не добыча, а усиление своей власти над Русью. А это требовало и умения вести сложные политические игры, учитывать многие

факторы. Александр ни за что не стал бы ставить под удар внешнюю торговлю Руси.

А потому «злые татаровья» так никогда и не появились под Смоленском...

Между прочим, есть любопытное предание о «подвижнике Меркурии». Уверенно утверждается, что он пришел откуда-то с Запада, первоначально принадлежал к «латинской» церкви, потом перешел в православие и поступил на службу к смоленскому князю. «По словам предания, Меркурий отразил от столицы татарское полчище; но при этом пал и был погребен в Успенском соборном храме» (Д. Иловайский). После этого Меркурия долго почитали в качестве своего, местного святого (которые так и назывались – «местночтимые»).

Позвольте, но в истории вообще неизвестны подобные события – приход к Смоленску татарской рати и ее отступление!

Чертовски трудно сказать, какие события *реальной* жизни Смоленска нашли отражение в легенде о Меркурии. Однако кое-что все же прослеживается:

1. От татарского нашествия Смоленск избавился каким-то мирным путем.
2. В этом участвовали люди, связанные с «латинской» церковью, вообще с Западом.
3. Среди тех, кто дипломатическим путем избавился от татарской угрозы, были *единичные* жертвы.

Как все это можно интерпретировать? Возможно, невяскому был сделан некий ультиматум и наглядно обрисованы возможные последствия. Возможно, кто-то из участников переговоров, вряд ли протекавших в «теплой, дружественной» обстановке, стал на голову короче... Однако ультиматум, надо полагать, возымел действие. В летописях встречаются туманнейшие упоминания о некоей стычке татар со смолянами, происшедшей километрах в 30 от Смоленска, после которой татары ушли. Но деталей отыскать невозможно...

Перейдем к еще одной интереснейшей проблеме: почему самые крупные, стольные города держались против «татар» считанные *дни*? Рязань пала уже через шесть дней. Примерно так же обстояло и с другими городами. Между тем не только маленький Козельск держался семь недель, но и столь же небольшой Торжок пал только на третью неделю...

Ответ прост: Торжок и Козельск не пострадали в результате *внутренних* междоусобиц, сохранили и укрепления, и большое количество людей, годных для ратной службы. А вот стольные города ко времени «татарского вторжения» были как раз в самом плачевном состоянии...

Особенно ярко это проявляется на примере Киева, который «татары» взяли все за те же несколько дней. А это очень странно – Киев был одним из крупнейших городов не только Руси, но и всей Европы, его сравнивали с Царьградом, в нем, по свидетельству Титмара Марзбургского, гостя из Германии, было «восемь рынков и более четырехсот церквей»...

Столь быстрое падение Киева было настолько загадочным для иных историков, что они сочинили байку про то, что осада Киева длилась... девяносто три дня.

На самом деле историки чуточку лукавят. Девяносто три дня – это срок не меж началом и концом штурма, а первым появлением «татарской» рати и *взятием* Киева. Сначала у киевских стен появился, как вы уже знаете, «Батыев воевода» Менгат и пытался уговорить киевского князя сдать город без боя, но его послов киевляне убили, и он отступил.

А через *три месяца* пришел «Батый». И за несколько дней взял город. Именно *промежуток* меж этими событиями и называют иные исследователи «долгой осадой»...

Почему Киев пал так быстро, вы сейчас поймете...

Титмар был в Киеве в XI в., когда город, «мать городов русских», еще не вступил в черную полосу княжеских усобиц...

Посмотрим, как они протекали.

1169 г. Андрей Боголюбский, суздальский князь, послал на Киев войска под командованием одиннадцати князей. 8 мая город был взят, и два дня победители его грабили. Вот что об этом пишет Ипатьевская летопись: «...грабили же два дня весь град, и гору Подол, и монастыри, и Софию, и Десятинную богородицу, и не было милости никому: ни церквам горящим, ни крестьянам убиваемым, ни всем, кого вязали; жен гнали в полон,

разлучая с мужьями своими, и младенцы рыдали, видя уводимых матерей своих. Смоляне, и суздальцы, и черниговцы, и Олегова дружина забрали множество добра, и церкви опустошили от икон и книг, и ризы с колоколами все вынесли; и Печерский монастырь Пресвятой Богородицы зажгли, но Господь его уберег. И были в Киеве стенания великие жителей его, и печаль, и скорбь неутешная...»

Напоминаю, это не «злые татаровья» так себя ведут, это русские христиане бесчинствуют...

1174 г. Киев захватывает Ярослав Луцкий.

1174 г. Ярослава выгоняет Роман Ростиславич.

1174 г. Возвращается Ярослав. На него нападет Святослав Ольгович, прогоняет, грабит приверженцев Ярослава.

Все эти перипетии, конечно, не влекли за собой столь страшных разрушений и повального грабежа, как в 1169 г., но без пожаров, погромов и убийств, ясно, не обходилось (летописец констатирует: «Стоит Киев пограблен Ольговичем»).

1204 г. В Киев нагрянул Рюрик Ростиславич с половецким войском и, говоря современным языком, предложил свою кандидатуру на безальтернативной основе. Когда киевляне не проявили особого энтузиазма, начался штурм...

Лаврентьевская летопись: «Сотворилось великое зло в русской земле, какого не было со времен крещения Киева; случались и прежде напасти, но такого зла доселе не свершалось: не только Подол взяли, а после сожгли, но и Гору взяли, и митрополию Святой Софии разграбили, и Десятинную святую церковь Богородицы разграбили, и монастыри все; и иконы захватили, и кресты честные, и сосуды священные, и книги, и платье блаженных первых князей, что висело в церквах святых памяти ради... Монахов и монашенков почтенных годами изрубили, а попов старых, и слепых, и хромых, и иссохших в трудах – всех тож изрубили, а иных монахов и монахинь, и попов с попадьями, и киевлян с сынами их и дочерями похватили и в полон увели...»

Представляете, что творилось в городе, как он пылал от края и до края? Как легко вспыхивали целые улицы?

На этом киевские невзгоды отнюдь не заканчиваются. Рюрик сел-таки на киевский стол и занимал его какое-то время, но потом в одном из военных походов его изловил князь Роман и насильно постриг в монахи. Однако через год, когда Роман погиб в битве с поляками, неугомонный Рюрик «чернические одежды скинув», собрал дружину, вновь после боев и грабежей воссел в Киеве...

Дальнейшее больше напоминает ожесточенную и многолюдную кабацкую драку. Рюрика несколько раз вышибают из Киева князья Северской земли, он зализывает раны, собирает силы и вновь является под киевские стены, берет город, его выгоняют, он возвращается... Обе стороны старательно опустошают земли своих противников и мстят горожанам, наверняка вконец уже осатаневшим от такой неопределенности бытия...

В конце концов Киевом (не без насилия, понятно) овладевает Всеволод Большое Гнездо, но в 1212-м его военной силой изгоняют смоленские князья и сажают на стол Мстислава Романовича (замечу, нарушая все и всяческие правила, о которых выше говорилось так подробно).

Думаю, теперь читателю понятно, что «татарские» полки подошли к разоренному, полуразрушенному городу, где в стенах зияли проломы, а защищать эти стены оказалось крайне затруднительно из-за нехватки людей. К тому же Киев, нужно уточнить, был *брошен* князем Михаилом – едва узнав о приближении «татар», он поспешил скрыться. Прослышав о «бесхозном» столе, в Киев прискакал Даниил Галицкий, поставил там своего тысяцкого Дмитрия и уехал... Воинов, кстати, не оставил.

Именно Дмитрий, человек в Киеве совершенно новый, и был вынужден возглавить оборону полуразрушенного, обезлюдившего города, где на стенах стояли не профессиональные воины, а неумелые жители.

Любопытно, что Дмитрий, взятый в плен раненым, не был ни казнен, ни пытан.

Наоборот, как в полном согласии пишут несколько летописцев, «Батый» приблизил тысяцкого к своей особе, и Дмитрий участвовал в походе «татар» на Венгрию. Как ни в чем не бывало. Ему предложили новую службу – и Дмитрий ее принял.

Не есть ли это дополнительный аргумент в пользу версии, согласно которой Киев просто-напросто в очередной раз взяли *русские* ?

МЕЧ НАД ЕВРОПОЙ

Вторжение «татар» в Европу в 1241 г. таит в себе множество загадок, несообразностей, темных мест и, наконец, откровенных нелепостей – но это опять-таки только в том случае, если придерживаться классической версии об «орде диких кочевников». Ниже мы убедимся, что существует и другая версия, и она-то (как сплошь и рядом случается, стоит только отступить от «канонической гипотезы») выглядит не в пример более логичной и лишенной противоречий...

В исторической литературе «монгольское вторжение», конечно же, именуется «завоевательным» походом. Рассмотрим, как он проходил.

В марте 1241 г. «татары», вторгшись на территорию Польши двумя большими группами, захватили Сандомир, Вроцлав и Краков, где учинили грабежи, убийства и разрушения. После того как под Ополем были разбиты силезские отряды, оба крыла татар соединились и двинулись к городку Легница, где девятого апреля им преградил дорогу с десяти тысячной армией Генрих II Набожный, герцог силезский, малопольский и великопольский. Завязалась битва, в которой поляки понесли сокрушительное поражение.

Как раз Легницкая битва и сопровождается загадками.

Прежде всего, именно там татары применили какие-то загадочные «дымопускательные орудия». Именно дымопускательные. Летописцы твердят об этом с редким единодушием. Современный польский историк Зыгмунт Рыневич, недавно выпустивший интереснейшую книгу с описанием около 800 битв и сражений всех времен, назвал это «боевыми дымами», которые и вызвали замешательство в рядах поляков, переросшее в паническое бегство... [250]

Мне встречались мнения, согласно которым под Легницей как раз и был применен «греческий огонь». Однако верить этому не следует – все без исключения хроники упоминают именно о *дыме*.

Что это был за дым, подробно описывает А.И. Лызлов, пользовавшийся материалами польских историков XVI в.:

«И когда узрели татарина, выбежавшего со знаменем – а знамя это имело вид «Х», и на верху его была голова с длинной бородой трясущейся, поганый и смрадный дым из уст пускавшей на поляков – все изумились* и ужаснулись, и кинулись бежать кто куда мог, и так побеждены были».

Вот это и есть «боевые дымы». Воля ваша, что-то тут не вытанцовывается, как говаривали герои Гоголя. Выбежал один-разъединственный татарин с небольшим знаменем (оно было небольшим, раз его без усилий нес один человек), на котором пускала дым бородастая голова... Согласен, такое зрелище может и удивить, но потрясти настолько, чтобы опытные воины напрочь ополоумели и кинулись врассыпную?!

Есть более правдоподобная версия возникновения паники. По ней, затесавшиеся в боевые порядки поляков коварные татары вдруг начали вопить во всю глотку что-то вроде: «Все пропало, мы разбиты, бежим!» И польские ряды рассыпались...

Вот это как раз – чертовски правдоподобно. История Средневековья (и Западной Европы, и Восточной) прямо-таки пестрит подобными примерами, когда из-за панических воплей какого-нибудь малодушного труса целые рати кидались врассыпную, хотя обстановка складывалась вроде бы в их пользу...

Однако автоматически возникает неувязочка... Вы не забыли, что с поляками воевали «дикие монголы»? «Безбожные моавитяне», обликом и языком ничуть не схожие с поляками?

Представьте себе осень 1941 г. Красноармейцы держат оборону, внезапно среди них

появляется личность в вермахтовском мундире со всеми регалиями и, метаясь меж стреляющими, вопит истошным голосом на ломаном русском: «Тофарищи! Ми, большевики, есть распит! Бьжем!»

Как по-вашему, найдется идиот, который ему поверит и примет за своего и пустится наутек? Да нет, конечно. Хрястнут прикладом по башке, и вся недолга...

Однако под Легницей, если верить официальной истории, имело место что-то чертовски схожее...

Так не бывает. Чтобы поляки приняли татар за своих, поверили им и разбежались, татары непременно должны отвечать трем условиям:

1. Не отличаться от поляков обликом.
2. Не отличаться от поляков одеждой, доспехами и оружием.
3. Владеть польским достаточно хорошо, чтобы быть принятыми за своих.

«Дикие монголы» из Центральной Азии, равно как и среднеазиатские турки подчеркнута восточного облика не отвечают ни одному из этих требований. Зато все три условия соблюдены, если поляки сражаются с... *русскими* !

В *этом* случае нет никаких несообразностей. Русские не отличаются от поляков ни лицом, ни одеждой, ни доспехами (обратите внимание на портрет польского короля Болеслава Кривоустого, жившего незадолго до описываемых событий, и сами определите, легко ли спутать его, не зная заранее, кто здесь нарисован, с русским витязем?). Арусский и польский языки в те времена – очень близки... (рис. 1.5).

Выводы делайте сами, разжевывать не собираюсь.

Интересно, что на западноевропейской миниатюре «Смерть Чингисхана» падающий из седла Чингисхан изображен в шлеме, крайне напоминающем шлем Болеслава, – именно тогда носили такие и в Польше, и на Руси, и по всей Европе. Кстати, практически все русские старые миниатюры изображают «татар», которых по внешнему виду и вооружению прямо-таки нельзя отличить от русских дружинников... (рис. 1.6).

Далее. Как свидетельствует писатель В. Чивилихин, он своими глазами в кафедральном соборе польского города Сандомира видел тридцать три огромные картины, изображающие исторические подробности нашествия орды. На каждом из полотен – новые изощренные способы умерщвления, которым подверглись здешние священники и монахи.

Есть такие картины. И есть недвусмысленные сообщения польских хроник о страшной резне, которую учинили «татары» католическим священнослужителям. Речь идет не об убийствах, совершенных в горячке штурма (таким грешили практически все христианские народы, расвирепевшие солдаты не делали различия меж мирянином и монахом), а об умышленной, методической резне, последовавшей *после* взятия города, после того, как отгремел бой...

Вам не кажется это странным? А ведь должно. Мы вдоволь наслушались о веротерпимости монголов, а также о распространившемся среди них христианстве. И вдруг они, при завоеваниях подчеркнута уважительно относящиеся к местным религиям, учиняют среди священнослужителей жуткую резню...

Монголы так поступить не могли. А кто же мог? Об этом чуть погодя.

Итак, поляки понесли поражение, в чем не сомневаются ни тогдашние летописцы, ни современные историки. Перед «ордой» открыта дорога на Запад, в Германию. Перед ними – равнинные местности, самой природой предназначенные для успешных действий конных полчищ. Логично предположить, что татары во исполнение завета Чингиза двинутся *дальше* .

Но дальше они не идут!

Наш великий поэт А.С. Пушкин оставил проникновенные строки: «России определено было высокое предназначение... ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Россию и возвратились на степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...»

Бог ты мой, как нелегко опровергать высказывания самого Пушкина... Но придется.

Поскольку в *данном* случае Александр Сергеевич кругом не прав.

Во-первых, в сравнении с теми землями, что «татары» якобы завоевали согласно «классической» версии, просторы тогдашней Руси вовсе не выглядят «необозримыми».

Во-вторых, как рассматривалось выше, русские при отражении «Батыева нашествия», уж простите, не показали каких-то из ряда вон выходящих военных талантов, заставивших бы особенно опасаться именно их. К тому же великий князь Ярослав, как мы помним, в наилучших отношениях с Батыем.

В-третьих, «монголы» ведут себя как-то странно. Вторгаться в Польшу они отчего-то не боялись. Но, победив поляков, разбив их наголову, отчего-то испугались за свои тылы...

В-четвертых – «татары» после битвы с поляками... вовсе и не возвращались в свои степи.

Наоборот. «Татарская» конница поворачивает на юг, идет в Чехию, Венгрию, Хорватию и Далмацию. Вплоть до конца 1242 г., не считаясь с потерями, «татары» прорываются к Адриатическому морю, и в конце концов выходят на его берега. Они проходят по Чехии почти без боев, не особенно долго задерживаются в Венгрии. «Татарская» конница рвется к Адриатике.

А что она там забыла? Почему, вместо того, чтобы вольготно рассыпаться лавой на германских равнинах, татары с упорством недоумков стремятся в *горные* районы, где конница сразу оказывается в проигрышном положении. Вместо того, чтобы вволю грабить большие и богатые германские города, татары идут в гораздо более скудные земли... Зачем-то проходят сотни километров вдоль морского берега – от Рагузы-Дубровника до Каттаро.

И вновь в который раз перед нами – совершенно не свойственное орде грабителей-степняков поведение.

Мало того, поход в европейские страны не носит никаких признаков завоевательного. Трофеи, конечно, берут, но нигде – ни в Польше, ни в Чехии, ни в Венгрии, ни в Хорватии, ни в Далмации – «татары» не делают попыток как-то подчинить себе страну. Они никого не облагают данью, не заботятся о том, чтобы посадить свою администрацию, никого не приводят к вассальной присяге. Завоеванием тут и не пахнет – перед нами чисто военный поход, имеющий перед собой какую-то конкретную цель. Какую?

Об этом – чуть погодя. Вернемся к Польше и Венгрии.

В своей книге «Империя» Носовский и Фоменко приводят рисунок гробницы Генриха II Набожного, убитого на Легницком поле. Надпись такова: «Фигура татарина под ногами Генриха II, герцога Силезии, Кракова и Польши, помещенная на могиле в Бреслау этого князя, убитого в битве с татарами при Лигнице 9 апреля 1241 г.» (рис 1.7).

Оставим в стороне вопрос композиции – поскольку не герцог убил татарина, а татары герцога, изображению следовало бы быть несколько иным... Но в данный момент это несущественно.

Присмотритесь к попираемому благородной герцогской стопой «татарину». Совершенно *русское* лицо, русский кафтан, русская окладистая борода, русская шапка, какую впоследствии носили стрельцы. В руках у «татарина» – не кривая и узкая среднеазиатская сабля, а оружие под названием «елмань», в свое время перенятое *русскими* у турок.

Сабли этого типа, видоизменяясь, долго состояли на вооружении русской кавалерии, даже во времена Павла I. Кроме того, схожее оружие использовалось немцами и итальянцами (тесак типа «фальчионе», изготовлявшийся в Брешии в XVI в.).

Так с кем же сражались поляки на Легницком поле?

Венгрия. По свидетельствам историков, во время своего пребывания там «дикие татары» распространяли... поддельные грамоты, написанные от имени венгерского короля Белы IV. Чем вносили смуту и неразбериху в ряды венгров, сбитых с толку противоречащими друг другу распоряжениями – теми, что исходили от короля, и теми, что были делом рук татарских фальсификаторов.

Поистине, «дикари из Центральной Азии» проявляют какую-то фантастическую способность в мгновение ока овладевать самыми разными искусствами. Пришли в Пекин – «переняли» у китайцев стенобитные машины и понаделали себе военных кораблей. Пришли в Польшу – смогли в два счета «прикинуться» поляками и без акцента изъясняться на польском языке. Пришли в Венгрию – с ходу научились фабриковать поддельные королевские грамоты, которые тамошние жители не могли отличить от настоящих... Не многовато ли для «степных дикарей»?

Все встанет на свои места, если мы предположим, что в Европу вторглись не «дикие татаровья», а *русское* войско. Русские как раз могли заслат в польские ряды своих паникеров, по внешнему облику совершенно неотличимых от поляков. Русским гораздо проще было осуществить операцию с подложными грамотами, нежели неграмотным кочевникам.

И вновь встает вопрос: почему русские избрали столь странный маршрут – на германских рубежах повернули к югу и около года прорывались к Адриатическому морю?

Чтобы на этот вопрос ответить, нужно сначала задаться другим: а не отыщется ли в Европе того времени какого-нибудь военного конфликта, в рамках которого движение русской армии, дальний военный поход к Адриатике выглядит вполне объяснимым и не вызывает ни малейшего удивления?

Представьте, найдется!

И не какой-то локальный конфликт, а события, без всяких преувеличений, общеевропейского масштаба, в которые были втянуты едва ли не все тогдашние державы и монархи...

Речь идет о вражде меж римским папой Григорием X (а после его кончины – папой Иннокентием IV) и Фридрихом II Гогенштауфеном, императором Священной Римской империи германской нации и королем Сицилии (в Сицилийское королевство тогда входила и Южная Италия).

Само по себе противостояние папства и германских императоров, их многолетняя борьба – тема отдельной книги, которая наверняка получилась бы толстой и увлекательной. В нашу задачу не входит подробно рассматривать эту тему.

Сосредоточимся на другом: если признать, что в Европу в 1241 г. вторглись не «дикие монголы», а русское войско (как мы помним, в его рядах находился киевский тысяцкий Димитрий, на что прямо указывают русские летописи), стремившееся на стороне Фридриха II выступить против папы, то объяснение находится буквально всему.

И рисунку на гробнице Генриха II (изображающему самого что ни на есть типичного русского воина). И «странному» поведению поляков, поверивших «засланным казачкам» (потому и поверили, что обмануться было чертовски легко). И сандомирской резне (для православных «папешские» священники к тому времени были лютыми врагами). И мастерству «татар» в подделке венгерских королевских грамот (хватало среди русских образованного народа). И тому, что в Германию русские не пошли (к чему им разорять земли союзника, с которым объединяет общая цель?).

И, наконец, выходу к Адриатике. Именно оттуда проще всего было перебросить войска в Италию – морем.

Напомню, что в те времена противостояние меж папой и Фридрихом достигло наивысшего накала. Папа отлучил от церкви как императора, так и города, владетельных князей и епископов, оставшихся верными Фридриху. Фридрих в ответ укрепился в Италии и стал методично захватывать земли вокруг Папской области. Конфликт достиг стадии, когда какое бы то ни было мирное решение уже невозможно...

Стоит заметить, что Русь давно уже поддерживала самые тесные связи с Германией. Внучка Ярослава Мудрого Евпраксия в свое время стала женой германского императора Генриха IV – того самого, что известен многолетней враждой с папой Григорием VII. Выше уже говорилось о тесной дружбе, связывавшей Всеволода Большое Гнездо, деда Александра Невского, и императора Фридриха I Барбароссу, деда Фридриха II. Одним словом, нет

ничего удивительного в том, что Русь вступила в конфликт на стороне Фридриха – папство было и ее противником, а вот Фридрих Гогенштауфен, наоборот, был потомком старых друзей и союзников русских князей.

Между прочим, Польша, Чехия и Венгрия – все три страны, разгромленные и опустошенные «татарами», – в конфликте меж папой и Фридрихом были... твердыми сторонниками папы! Дополнительный штрих, завершающий картину. Версия «диких татар» полна вопиющих противоречий и нелогичностей – зато гипотеза о русском войске, вторгшемся в Европу, чтобы поддержать Фридриха, гораздо более логична и обоснованна.

Сегодня нам, наверное, никогда уже не удастся определить, что помешало русским войскам переправиться в Италию. Что-то, должно быть, не сложилось. Видимо, тщетно ожидая корабли, которые должны были перевезти их в Италию, «татары» и дефилировали пару сот километров вдоль моря (есть упоминания, что в то же время часть «орды» появилась неподалеку от Вены, но не брала городов, а словно бы чего-то ждала).

Не сложилось. Пришлось возвращаться назад, не делая ни малейших попыток установить где-либо в Чехии, Польше, Венгрии свою администрацию, поскольку это с самого начала не входило в стратегические задачи военного похода, подчиненного конкретной цели...

Между прочим, и *последующие* события укладываются в эту версию. Если набраться смелости и признать, что вторжение крестоносцев на Русь в 1242 г. – *ответ* на глубокий рейд русских в Европу. Не зря нападение «псов-рыцарей» носило все черты *крестового* похода. Папа попытался отомстить, как мог и умел.

(Особо отмечу: *эта* версия никоим образом не меняет сложившихся исторических акцентов, т. е. не признает за крестоносцами никакой «правоты», а русских вовсе не делает «неправыми». Крестоносцы своей долголетней агрессией причинили славянам столько бед, что правыми оказаться не могут ни в какой ситуации.)

Есть ли косвенные подтверждения нашей гипотезе?

Хватает. В тогдашней Европе широко было распространено убеждение, что Фридрих II... тайно сносился с «татарами» и пытался с их помощью сокрушить папскую власть! В нашей историографии* принято считать, что римские папы «измыслили ложное обвинение». А если не измышляли? Если это была чистейшая правда? Тем более что, по нашей версии, «татары», вернее воины Александра Невского, вели себя так, словно в малейших деталях выполняли *общий* план, направленный на сокрушение папства. И слишком многое связывало Александра с Фридрихом – от «наследственной» дружбы до общего желания «свалить» мешавшего им ватиканского властелина...

Посмотрим, как развивались события после возвращения русских на родину. На Русь в 1242 г. напали крестоносцы, а против Фридриха также двинулось «крестоносное войско», которое штурмом взяло столицу город Аахен, чтобы короновать там *своего* императора.

Война эта не стихала еще четверть века. В конце концов четырнадцатилетний внук умершего к тому времени Фридриха Конрадин был взят в плен сторонниками папы и обезглавлен, что полностью противоречило принятым тогда рыцарским правилам ведения войны (касавшимся дворян и монархов). Мало того – род Гогенштауфенов был истреблен *полностью*. В 1273 г. на императорский трон взошел австрийский герцог Рудольф Габсбург, положив начало «эре Габсбургов», столь печально закончившейся в нашем веке.

Должно быть, папа пережил в свое время нешуточный страх, что и вызвало столь лютую ненависть к Гогенштауфенам, вырезанным под корень...

В этой связи нелишне вспомнить итальянские хроники XIII в., где прямо пишется о «татарском» посольстве, отправленном к Фридриху, и преподнесенных императору дарах. А другие исследователи отмечают многозначительный факт: при известии о вторжении в Европу «татар» страх охватил все державы и всех государей... кроме Фридриха! (Это и понятно: ему-то чего было бояться?! Уж он-то знал, кто движется, куда и зачем.) И наоборот: спешно отправленные к «татарам» папские гонцы встретили самый нелюбезный прием (а как же хваленая «монгольская» веротерпимость? – А. Б.).

И поневоле закрадываются определенные подозрения насчет обстоятельств смерти Александра Невского, которую тогдашняя молва объясняла отравлением. Подозревали в этом «ордынцев», но поскольку мы знаем, что главой «ордынцев» как раз и был Невский, вряд ли стоит верить, что он отравил сам себя. А вот в тогдашней Италии отравление развилось в настоящее искусство...

Очень уж близки во времени загадочная смерть Невского и истребление Гогенштауфенов. И, если принять версию о «глубоком рейде» русской армии в Европу, направленном против папы, гораздо легче понять форменный шквал «антитатарской» пропаганды, забушевавший в Европе...

Об этой насквозь лживой, насыщенной самыми несообразными фантазиями «татароведческой литературе» мы подробнее поговорим позднее. А пока что рассмотрим еще один неимоверно любопытный аспект проблемы – дальнейшую судьбу необозримой «монгольской державы»...

Но сначала – небольшое дополнение. Уже дописав этот раздел, автор, к своему удивлению, обнаружил, что оказался в положении героев романа «Дочь времени». Помните, как они, успешно реабилитировав короля Ричарда III и гордясь собой, вдруг обнаруживают, что схожие попытки, оказывается, делались еще триста лет назад?

Так вот, в одном из солидных исторических трудов, чуть ли не на самой последней странице, в «примечаниях к примечаниям», мельчайшим шрифтом напечатано, что польский историк Мартин Кромер (1512-1589) упоминал... об участии войск галицко-волинских князей в походе «ордынцев» на Сандомир и Краков!

Я не мог, конечно, в сжатые сроки раздобыть труд Кромера, но дополнительные сведения о нем отыскал. Это был не бедный монах, трудившийся в отдаленной обители, а известный хронист и писатель, секретарь короля Зыгмунта Августа, епископ области Вармия. Следовательно, имел доступ к лучшим архивам и библиотекам своего времени...

50-летию

со дня рождения Н. А. Морозова,

выдающегося ученого

и последнего энциклопедиста

I тысячелетия,

посвящается

В СТРАНЕ МИРАЖЕЙ

Своим рождением эта книга обязана трем немаловажным обстоятельствам: любви к истории, любви к детективам, любви к логике.

Три эти привязанности, причудливо переплетаясь, и заставили однажды обложиться кубометрами книг, после того, как стало окончательно ясно: что-то не в порядке с наукой историей. Весьма даже не в порядке. Настолько, что отдельные циники все настойчивее (и аргументированно, между прочим!) начинают заявлять, что наука сия страдает, мягко говоря, некоторыми недостатками и кое в чем чертовски напоминает даже и не науку вовсе: то ли рабочую практику языческих шаманов, то ли абсолютно лженаучные забавы вроде пресловутой уфологии. Поскольку методики очень уж похожи...

Прежде всего, история – не из тех наук, которые совершенно справедливо принято называть «точными». Методы точных наук давным-давно отработаны и, в общем, исключают бесплодные умствования, основываясь на жестких правилах эксперимента.

В исторической науке невозможно установить абсолютную истину. Существует, конечно, набор неких фундаментальных фактов, которые из-за своей масштабности либо обилия достоверных документов таковой истиной считаться безусловно могут – например, открытие Америки испанцами, войны с Наполеоном, Варфоломеевская ночь.

Но что касается частных, относящихся к помянутым событиям – здесь уже открывается простор для версий и гипотез, ничего не имеющих с абсолютной истиной. Скажем, Колумба всерьез подозревают в том, что он воспользовался картами неизвестных предшественников, а не додумался до плавания через Атлантику своим умом. По поводу

изгнания французов из России до сих пор наличествует сшибка противоположных мнений: одни считают Михайлу Ларионыча великим стратегом, другие вообще отказывают ему в праве именоваться полководцем. Да и с Варфоломеевской ночью не все ясно: хотя гугенотов до сих пор многие и считают безвинными овечками, есть достаточно серьезные основания полагать, что это как раз они готовили мятеж в Париже, о чем в королевском дворце узнали в последние буквально часы, вот и пришлось импровизировать, бить набат посреди ночи, бросаться в контратаку в кромешной тьме, потому что не было другого выхода...

Между прочим, вовсе не факт, что именно та версия, что стала «общеизвестной» и вошла во все учебники, является истинной.

История – неточная наука, поскольку базируется не на беспристрастном эксперименте, а на пристрастных бумагах.

Историческая хроника может быть фальсифицирована беспринципным летописцем, польстившимся на золото или убоявшимся княжеской темницы. Генеалогия королевского дома может оказаться высосанной из пальца – исключительно корысти ради, чтобы обосновать претензии на соседние земли или вывести свой род от самого Карла Великого, а то и от библейских патриархов. Дарственная грамота или семейная хроника может оказаться подделкой – примеров предостаточно на всем течении писаной истории.

Один характерный пример: благородный шляхтич Корвин-Круковский, родной папенька дамы-математика Софьи Ковалевской. В свое время предки означенного дворянина писались без затей, согласно подлинной фамилии: «Крюковские». Однако наш герой возмечтал стать потомком славного венгерского короля Матяша Корвина и стал себя именовать уже Корвин-Крюковский. После чего было совсем просто, заменив одну-единственную буквицу, стать «Корвин-Круковским».

Пикантность ситуации в том, что «Корвин» – отнюдь не фамилия короля Матяша, происходившего из рода Хуняди, а прозвище «Корвус» по-латыни и «Крук» по-польски – как раз и означает «ворон». Это все равно, как если бы человек по фамилии Грозных стал именовать себя потомком Ивана Грозного: ну как же, параллели лежат на поверхности, Грозных-Грозный, яснее ясного...

Между прочим, нашему шляхтичу самозванство в свое время сошло с рук. Так и писался на новый манер, не будучи уличен при жизни.

Кто об этом нынче помнит? Я бы и сам не стал поминать этого поганца даже в качестве курьеза, если бы не чисто личные причины: муж означенной Софьи, замечательный русский ученый, основатель целой науки под названием «эволюционная палеонтология» В.О. Ковалевский, доведенный выходками супруги до самоубийства, был дальним родственником моего деда – и я с детства привык слышать имя Софьи с добавлением эпитетов, которые в приличном обществе вслух не произносятся...

Но мы, кажется, отвлеклись. Вернемся к науке истории.

Вред не в том, что она вынуждена сплошь и рядом пользоваться крайне сомнительными письменными источниками. Беда в том, что сплошь и рядом дипломированные историки по своему менталитету немногим отличаются от шаманов первобытных племен. Есть идол в данном случае – «общеизвестная точка зрения». Идола положено чтить, не рассуждая, принимая на веру все, что изречет шаман, жрец. Любые попытки не то чтобы ниспровергнуть идола, но хотя бы задать неудобные вопросы пресекаются злобно-истерически, причем все возражения, по сути, сводятся к набору простейших заклинаний: «Шаман сам сказал!», «Шаман знает лучше, его учили старые шаманы, а тех – древние!»

Вот и получается порой, что явные нелепости, мифы, беззастенчивые сказки продолжают присутствовать в учебниках, не говоря уж о популярной литературе, во всем своем фальшивом блеске. Как, скажем, приключилось с мифическим героем Иваном Сусаниным. Еще сто пятьдесят лет назад Н. Костомаров, собрав все имеющиеся источники, блестяще доказал, что история эта возникла на пустом месте. В свое время заскочивший в деревеньку Домнино отряд грабителей, причем, строго говоря, не поляков-ляхов, а

«литвинов», то есть, упрощенно, белорусов, прикончил нескольких крестьян, в том числе и означенного Ивана. Когда смута кончилась, врага изгнали и в государстве стал налаживаться некоторый порядок, зять покойного Сусанина, муж его дочери Антонида, «Богдашка» Собинин усмотрел великолепную возможность подоить казну. И подал прошение, где подробно расписал, как злобные налетчики пытали страшными пытками его тестя, вызывая, где находится юный государь Михаил, но тесть так и умер, ничего не выдав...

Прошение Собинина (кстати, не сохранившееся) – единственный источник рассказов о сусанинском славном подвиге. Однако мать юного государя, инокиня Марфа Иоанновна, к которой и попала челобитная, славилась добрым сердцем – и, как случилось не раз, уговорила сына «пожаловать» родственников верного Ивана. Сын послушался. Дочь Сусанина и его тесть получили «в вечное владение» деревушку Коробово, на те же вечные времена освобожденную от всех податей. Но, между прочим, в жалованной грамоте говорилось исключительно о том, что Сусанина «спрашивали о царе», и он ничего не сказал злодеям. И только. История про то, что Сусанин «завел» поляков в непроходимые дебри, впервые всплыла в первой половине восемнадцатого столетия, в записках некоего деревенского дьячка, собирателя фольклора, как сказали бы мы сегодня.

И лишь в 1820 г. перекочевала в тогдашние учебники истории.

И все бы ничего, мало ли мифов живет собственной жизнью? Беда в другом: и стар и млад помнит о мифическом Сусанине с его вымышленным подвигом, однако многие слухом не слыхивали о реальных героях той поры, прославившихся в битвах с интервентами: братьях Прокопии и Захаре Ляпуновых, Михаиле Скопине-Шуйском, двадцатитрехлетнем воеводе, чей воинский талант признавали его противники, поседевшие в битвах, битые-перебитые кондотьеры вроде шведского генерала Деллагарди. Воля ваша, в таком положении дел есть нечто извращенное... но как прикажете поступить с людьми, заработавшими на мифическом Сусанине вполне реальные материальные блага? С авторами диссертаций, книг и киносценариев? Уж они-то будут стоять насмерть...

К сожалению, «научная общественность» стоит несокрушимо, словно македонская фаланга, не желая уступать даже в мелочах. Однажды воздвигнутый идол остается незыблем и непорочен, а ярость шаманов в случае покушения на миражи описанию не поддается. Хотя сплошь и рядом историки не особенно и отличаются от уфологов, не к ночи будь помянутых. Означенные уфологи если чем меня и восхищают, то лишь своей оборотистостью: не имея ни единого реального доказательства, опираясь лишь на наблюдения странных явлений в небе и сомнительные «древние рукописи», сплошь и рядом при детальном исследовании оказывающиеся не просто фальшивками, а давними газетными утками, они ухитряются проводить всемирные конгрессы, публиковать толстенные труды и чуть ли не диссертации защищать.

А впрочем, у них есть смягчающее обстоятельство. Один циничный уфолог так мне и сказал, невинно выкатив глазки: «Почему историкам можно, а нам нельзя?» И привел массу примеров, против которых крыть было нечем...

Ну, скажем, «Велесову книгу». Сомнительный текст, якобы списанный неким эмигрантом с неких древних дощечек, которые исчезли полвека тому назад, и никто их не видел. Многие этому тексту отказывают в достоверности (и, на мой взгляд, совершенно справедливо) по одной-единственной причине: нет оригинала.

Все правильно. Казалось бы, не грех позаимствовать у физики или математики отточенные формулировки, не допускающие обсуждения и двойного толкования. Ну, скажем, принять за аксиому сиречь утверждение, заведомо не требующее доказательств, следующую установку: «Любая «древняя рукопись», чьего оригинала в распоряжении ученых не имеется, до обнаружения данного оригинала должна заранее считаться подделкой».

Ага, как же... Попробуйте с учетом этой аксиомы допытаться у дипломированного, остепененного историка, на каком основании он считает подлинником одиннадцатого

столетия текст под названием «Слово о полку Игореве».

Нет, серьезно, попробуйте! И вы получите в ответ маловразумительную болтовню, сводящуюся к уверению, что это «совсем другое дело». Примерно так и формулируется. Оригинал «Велесовой книги» и «Слова о полку» в природе не существует – но «Велесова книга» подделка, а «Слово» «совсем другое дело». Почему? А по кочану! «Ученый мир признает достоверность» – и этого профанам должно быть достаточно. Шаман сам сказал. А кто сомневается, тому бумерангом по черепу.

А меж тем к исторической науке накопилось немало серьезных претензий – и речь идет уже не о частностях вроде Сусанина, а о покушении на казавшиеся незыблемыми основы. Вы уже догадались, о чем я? Вот именно, о том критическом направлении, что именуется «новой хронологией».

Предупреждение в скобках: противникам означенного направления лучше сразу выбросить данную книгу в мусоропровод или использовать для разных бытовых нужд, чтобы избежать лишних негативных эмоций. Тех, кто относится к «новой хронологии» спокойно или попросту стремится познакомиться с разными точками зрения, приглашают к вдумчивому прочтению.

Считаю необходимым подчеркнуть, что в своей борьбе с «новой хронологией» наш «ученый мир», т. е. шаманы, используют довольно подленький шулерский метод под названием «передернуть». Сколько бы я не прочитал критической литературы против «новой хронологии», а ее за последние годы немало издано, практически в каждом творении читателю вбивается в сознание нехитрая мысль: до некоторых пор в истории все обстояло спокойно и гладко, никто и не думал покушаться на основы, но внезапно, пару лет назад объявился невежественный, мало того, больной на голову математик, который с группкой сообщников стал печь бредовые книги, как блины...

Это именно подлый шулерский трюк, ничего общего не имеющий с реальностью. Потому что «критическому» направлению, ставящему под сомнение и разработанную сугубо оккультными методами хронологию, и иные фундаментальные основы-мифы, и самосуществование «античности», никак не менее... четырехсот пятидесяти лет! Уже в середине шестнадцатого столетия профессор университета в Саламанке Д'Арсилла высказал мнение, что вся древняя история – сочинение средневековых книжников. Веком спустя не менее ученый муж, историк и археолог Жан Гардуин к этому мнению публично присоединился. В семнадцатом столетии не кто иной, как Исаак Ньютон более двадцати лет посвятил историческим исследованиям, в результате чего «передвинул» даты многих событий древности, в основном «омолаживая» их, ближе к нашим временам, где на триста-пятьсот, а где и на две тысячи лет.

В девятнадцатом столетии группа немецких историков провела огромную работу, «вычищая» как из собственной, так и из общеевропейской истории наиболее сказочные фигуры, вроде совершенно мифического «доброего короля Дагобера», легендарного правителя франков. Их деятельность вызвала прямо-таки бурю возмущения, зачастую не имевшую ничего общего с поиском истины – так, французы, наплевав на логику и все научные методы, попросту бились в истерику, крича, что-де «боши обкрадывают славную историю прекрасной Франции». Историчность того же Дагобера их не занимала нисколько, главным было то, что боши покусились...

О деятельности немецких «чистильщиков» сохранились лишь глухие упоминания в набранных мелким шрифтом примечаниях, их имена замалчиваются, их работы с тех самых пор не издавались...

В Англии традиции Ньютона продолжал во второй половине XIX века Джордж Грот (Гроте), известнейший в свое время авторитетный историк, почетный доктор Оксфорда и Кембриджа, вице-канцлер Лондонского университета. Его десяти томный труд «История Греции» (1846-1856) российские энциклопедические словари XIX – начала XX века называют классическим. А о самом ученом, в числе прочего, пишут примечательно: «Был далек цеховой учености и внес много свежих мыслей».

В десятку! Грот вслед за Ньютоном сокращал и «ужимал» классическую древнегреческую историю. Он считал, что *реальная* история Древней Эллады начинается лишь с первой олимпиады, то есть с 776 г. до Р.Х. Все, что якобы было прежде, по мнению Грота, не более чем «баснословие еллинское». Основываясь на его работе, другие историки в то же время пошли дальше и злонамеренно отрицали реальность Гомера.

Постепенно это направление погружалось в забвение.

В энциклопедическом словаре Павленкова 1913 г. о Гроте уже упоминается почти исключительно как о политике (он был членом парламента), а о его научных трудах – лишь коротенькая фраза. Я чисто случайно наткнулся на это имя и поднял источники XIX века. Подозреваю, таких забытых авторов, отвергавших «длинную хронологию», было гораздо больше.

И тем не менее в начале уже двадцатого столетия немецкий ученый Роберт Балдауф принял эстафету, считая как древнюю, так и раннесредневековую историю фальсификацией эпохи Возрождения – вслед за своим земляком и коллегой Т. Моммзенем, столкнувшимся с серьезнейшими проблемами при написании древнеримской истории.

В двадцатые годы нашего столетия академик Н. А. Морозов выпустил многотомный труд «История человеческой культуры в естественнонаучном освещении», более известный под кратким названием «Христос».

В конце шестидесятых математик, профессор Постников составил трехтомное изложение работ Морозова – и уже на основе труда Постникова группа Фоменко начала свою деятельность.

Иными словами, нет и никогда не было «внезапно вынырнувшего», как чертик из коробочки, Фоменко с присными. Была систематическая работа, продолжавшаяся четыреста пятьдесят лет...

Отчего же весь критический огонь сосредоточен на Фоменко? Да по простейшей причине: Фоменко легко бить. Чрезвычайно легко. Легче легкого. Во-первых, он допускает массу ляпов, которые легко усмотреть даже человеку, не имеющему диплома историка.

Во-вторых, его «гипотеза» всемирной Русско-Монгольской империи, распространившейся в средневековье чуть ли не до Антарктиды, не просто уязвима, архиуязвима, не выдерживает более-менее вдумчивого анализа. А посему бедолага и стал официальным мальчиком для битья...

Есть другие, с которыми это проделать крайне трудно. Например, практически невозможно серьезно, логично, последовательно опровергнуть идеи и выводы, содержащиеся в книгах проекта «Хронотрон» (Валянский, Калюжный, Жабинский, Кеслер). А посему, власть наплясавшись на бранных останках Фоменко, «критики» скороговоркой зачислят всех прочих своих противников в категорию «и другие».

Меж тем, повторяю, очень трудно, практически невозможно не то что разбить, а хотя бы зацепить работы группы Валянского – равно как и бо́льшую часть наследия Морозова. Лично меня в свое время именно книги Валянского убедили. Повторяю по буквам – убедили. Я не склонен ничего принимать на веру, пленяться гипотезами только с того, что они завлекательны. Предпочитаю, чтобы меня убедили. Так вот, Валянский, Морозов, Великовский и многие другие убеждают. И даже деятельность Фоменко нельзя категорически сбрасывать со счетов. Кроме обреченной на легчайшее сокрушение версии о «Русско-монгольской всемирной империи» в его книгах, тем не менее, отыщется масса любопытнейших фактов, которые просто-напросто не имеют объяснения в рамках «традиционной» хронологии, и смысл обретают лишь с точки зрения хронологии новой, критической.

И совсем недавно омский математик А. Гуц нашел просто-таки гениальную формулу, способную снять многие вопросы и сгладить многие шероховатости: многовариантность истории!

Эта формула весьма гармонично объединяет многое. Слегка развив работу омского математика, я уже самостоятельно сформулировал парочку довольно простых утверждений.

Ну, например: чем глубже мы отступаем в прошлое, тем вариативнее становится история.

Проще говоря, если некоторые события семнадцатого столетия имеют однозначное толкование, то иные исторические факты, относимые к веку тринадцатому, могут (да что там, просто обязаны!) иметь несколько вариантов истолкования.

Поясню на примере. Предположим, некий исследователь выступил с сенсационной версией: он утверждает, будто в начале семнадцатого столетия на Русь вторглись не поляки и шведы, а... персы!

И лишь впоследствии, когда отношения с Персией потеплели, а со Швецией и Польшей, наоборот, испортились, по заказу одного из самодержцев российских была предпринята массовая фальсификация источников, свалившая все на «свеев и ляхов».

Эту «гипотезу» без осуждения следует признать бредом собачьим. По одной-единственной причине, весомой и серьезной: Смутное время прекрасно документировано. Осталась масса воспоминаний непосредственных участников событий – от французского наемника на русской службе Жака Маржерета до польских шляхтичей, от русского инока Авраамия Палицына до шведов, англичан, голландцев. Мемуаров слишком много и они слишком убедительны – причем и оригиналы большей частью сохранились прекрасно...

И наоборот. Иные события русской же (чтобы не ходить далеко) истории допускают двойное, а то и тройное толкование. Вот несколько примеров, не из пальца высосанных, но взятых, что называется, с лету...

Есть два упоминания о месте последнего упокоения легендарного князя Олега – того самого, Вещего. Лаврентьевская летопись сообщает, что умер князь в 912 г. от рождения Христова и похоронен во граде Киеве на горе Щековице. Новгородская же летопись уверяет, что благоверный князь Олег преставился... в 922 г., в городе Ладоге, где и погребен, пикантность в том, что обе летописи «введены в научный оборот», то есть признаны доподлинными. Но какому же документу верить? В каком году умер Олег и где похоронен? Или, быть может, князей по имени Олег было все же два?

Это и называется – многовариантность. И если мы, скажем, вспомним о княгине Ольге, то и с ней все обстоит еще более загадочно. Одни летописи (подлинные!) называют ее родиной село Выбутское под Псковом. Другие (подлинные!) – город Изборск. Третьи (подлинные!) сообщают, что Ольга была болгарской княжной. Четвертые (подлинные!) – что Ольга дочь «Тмутаракана, князя Половецкого!» За каждым вариантом – внушительный список маститых историков и их серьезная аргументация... Так-то!

Есть еще один нюанс: расхожие сказочные сюжеты, бродячие штампы того времени, которые, будучи вставлены книжниками в свои работы, впоследствии были приняты за описание реальных событий.

Скажем, знаменитая история о проповедниках разных религий, пришедших к князю Владимиру, когда он надумал переменить веру на Руси, в точности повторяет схожий эпизод из жизнеописания правившего гораздо раньше хазарского царя Булана. А история о том, как княгиня Ольга сожгла древлянскую столицу Коростень, привязав фитили к птицам, представляет собой еще более распространенный «бродячий сюжет». Еще Александру Македонскому одна из легенд приписывала подобную военную хитрость. Впоследствии Е. А. Рыздзевская отыскала два схожих описания в скандинавской литературе. У знаменитого Саксона Грамматика: в первом случае речь идет о некоем «городе Хаддинге», во втором – о некоей ирландской крепости. Тем же манером подпалил сицилийский город норвежец Харальд Хардрада, между прочим, реальное историческое лицо, предводитель варягов на византийской службе, ходивший на Сицилию в 1038-1040 гг. И, наконец, в Чехии записано предание о том, как Батый взял Киев в 1240 году... пустив в город горящих голубей!

Теперь, надеюсь, читателю ясно, что я имею в виду под многовариантностью. Расширяя тему, следует пойти дальше: отступая в прошлое, мы наконец достигаем точки, где многовариантность, как бы поточнее выразиться, перестает работать. За этой точкой ни о какой исторической достоверности, ни о какой вариантности говорить уже не приходится.

Одни только сказки.

Истина, как водится, где-то посередине. А потому я решительно не принимаю версию Фоменко об «Империи», но гораздо более серьезно отношусь к работе группы Валянского, не в пример успешнее, нежели Фоменко, продолжающей взятое Н. А. Морозовым направление.

Вряд ли стоит считать античность и Древний Рим вымышленными *полностью*. События эти, вероятнее всего, все же происходили, но гораздо позже тех дат, которые нам подсовывает «традиционная», «фундаменталистская» история.

Хотя многое из того, что «фундаменталисты» нам навязывают в качестве неопровержимых доказательств, доверия не внушает абсолютно. Попробую объяснить, почему...

«Броненосцы» античности
кое-что еще

Не буду подробно рассказывать о том, что все якобы «древнегреческие» и «древнеримские» рукописи известны нам лишь в поздних копиях, составленных как минимум через восемьсот-девятьсот лет после смерти их «авторов» – об этом уже написано много и подробно.

Замечу лишь: при том, что оригиналов не сохранилось (ни единого!), чрезвычайно легко было кому-то из череды многочисленных переписчиков добавить некую отсебятину, которая впоследствии уже не определяется никакими усилиями. Более того: мы отчего-то совершенно упускаем из виду, что фантастическая литература – не изобретение последних двух-трех столетий. Вне всякого сомнения, она существовала уже гораздо ранее, чего упорно не хотят признавать «фундаменталисты», считающие любое сообщение древних авторов святой истинной правдой...

Начнем с того, что существует такая злобедная вещь, как экономика, и ее законы настолько всеобщы и незыблемы, что нарушать их не в состоянии ни один тиран, деспот, султан или император, как бы ему этого ни жаждалось. Достаточно вспомнить довольно близкую к нам историю: знаменитый российский «медный бунт»...

Царь-государь Алексей Михайлович, должно быть, свято веривший, что стоит выше любой экономики, решил однажды выпустить массу медных денег, которые повелел приравнять к серебру. Но это оказался тот самый случай, когда любые «повеления» бессильны – оставшееся серебро мгновенно выпало из оборота, его припрятали по кубышкам, цены моментально взлетели в несколько раз, воцарилась дикая инфляция и *хаос* в товарно-денежном обращении, и все очень быстро кончилось тем самым бессмысленным и беспощадным русским бунтом с самосудами, пожарами, виселицами вдоль дорог...

И с бунтовщиками расправились самым зверским образом, но от затеи с медными деньгами пришлось отказаться...

А меж тем практически вся «античная» история находится в теснейшем противоречии с экономикой! По всем законам экономики Древняя Греция и Древний Рим, какими *их* представляют нам «фундаменталисты», в дальнейшем ради экономии места попросту «фунды», попросту не могли существовать, и точка!

Историю Древнего Рима писали в девятнадцатом столетии люди умные, но поголовно белоручки. Образованные, неглупые, красноречивые господа, которые сами в жизни не забили ни единого гвоздя, не вскопали ни единой сотки под картошку, не срубили ни единого дерева. Им невдомек было, что существуют столь скучные вещи, как человеко-дни, окупаемость, смета строительства. В *их* изложении все выглядело гладко и благолепно: древний царь повелел – и посреди пустыни вырос великолепный город... Примерно так. Город, или Колизей, или Колосс Родосский. Царь ведь повелел!

Предположим, что некий безумный французский король (а там сживали порой на престоле, да и в Англии тоже, клинические сумасшедшие) повелел соорудить широкий каменный мост через пролив Ла-Манш – и чтобы перила были тесаные, и чтобы по сторонам стояли лавки с товарами, и чтобы фонари торчали через каждые двадцать метров...

Повелеть он, конечно, мог, но уровень тогдашних строительных технологий, да и технологий более поздних столетий категорически не позволял подобных забав. Как ни бушевал бы король, как ни рубил головы, моста он так и не узрел бы...

Так вот, все вышесказанное в полной мере относится и к огромным амфитеатрам, и к «водопроводу, сработанному еще рабами Рима». Проще говоря, возведение во времена «античности» сколько-нибудь больших сооружений попросту нереально с точки зрения суровой экономики. Поскольку невозможно экономически.

«Тысячи рабов были согнаны на великую стройку» – бестрепетной рукой выводил очередной кабинетный ученый лет сто пятьдесят назад. Он и не задумывался над несложным вопросом: кто обеспечивал эти многие тысячи полноценным питанием, без которого они довольно быстро протянули бы ноги и не смогли ничего построить?

«Другие рабы», – ответил бы наш ученый, удивляясь, что его собеседник не понимает столь очевидных вещей. Другие рабы, другие многие тысячи, неужели неясно? Император ведь повелел!

И возникает своего рода заколдованный круг. Откуда великий Древний Рим взял свои богатства? Он, отвечая нам, покорил полмира, вел захватнические войны, собрал огромные трофеи...

Но каким образом римлянам удалось покорить полмира?

Не имея для того надлежащей материальной базы? Ответ и здесь, в принципе, отыщется – благодаря-де упорству, упрямству, боевому духу...

Но это не ответ, а словоблудие. Без развитой индустрии, без крепкой промышленности никакой боевой дух не поможет. А римлянам попросту неоткуда было взять развитую индустрию, потому что неоткуда было взять на нее денег. «Угнетая рабов», еще можно с грехом пополам прокормиться – но вот полмира ни за что не завоеешь, если твой столичный город расположен в столь неудобном месте, что финансовые и торговые потоки идут где-то в значительном отдалении.

Есть четкая закономерность: возвышались, росли, крепились, становились столицами исключительно те города, что были расположены *удобно*. На судоходных реках и на морском побережье, где проходили постоянные торговые пути (как Константинополь, Вена, Париж, германские ганзейские города) или на суше, но опять-таки там, где регулярно проходят купцы с товарами, где регулярно устраивают ярмарки и возводят постоянные склады, что влечет приток средств в городскую казну (Новгород, Краков, Смоленск, Багдад, Москва). Рим, расположенный вдали от всех и всяческих торговых путей, с точки зрения основанного на непреложных законах экономики здравого смысла, никогда не мог стать центром «древней» империи. Скорее уж правы те «новые хронологи», что отстаивают гораздо более убедительную гипотезу: столицей империи Рим мог стать только в более поздние, христианские времена, когда превратился в духовный центр, когда тысячи паломников оставляли там груды монет – и на эти именно монеты средневековые ремесленники, не рабы, а свободные мастера, получающие неплохую плату, и возвели все то великолепие, что приписывается «античности»...

Лично у меня убедительный аргумент находится в буквальном смысле слова перед глазами – город Красноярск, где эти строки пишутся. Объясню подробнее. Триста пятьдесят лет назад, когда русские двинулись в Сибирь, главный путь на восток проходил первоначально не через Красноярский острог, а через город Енисейск, расположенный примерно в двухстах с лишним километрах севернее.

Итоги были незатейливы: Енисейск процветал. Именно там обитали богатые купцы, сидевшие на единственном торговом пути с запада на восток. Именно там строили величественные церкви и огромные лабазы (эти здания стоят и сейчас). Именно туда стекались деньги, люди, ресурсы.

А Красноярск был чуть ли не захолустной деревушкой, мало кого интересовавшей. Енисейск стал даже главным городом губернии, так и названной – Енисейская...

Все изменилось буквально в одночасье!

Как только русские достаточно обустроились в Сибири, хорошо ее изучили, освоились в географии, путь с запада на восток стал пролегать южнее – теперь он шел через Красноярск. И начался обратный процесс, все за каких-то десять-пятнадцать лет перетекло в Красноярск: деньги, товары, купцы, кабатчики, хозяева постоянных дворов, чиновники, мастерские, войска... Губернским городом стал отныне Красноярск, да так им и остался – потому что теперь именно он расположен был удобно. А Енисейск захирел, никогда больше не знал и подобия прежнего процветания...

Практически то же самое происходило в начале двадцатого столетия в Южной Америке, когда там вспыхнул каучуковый бум. Каучукового сока требовалось много, на его добыче и торговле сколачивались громадные состояния – и на месте глухих джунглей выросли не какие-то там старательские поселки, а самые настоящие города.

Деньги крутились огромные, никто и предполагать не мог, что внешнее процветание когда-нибудь кончится, всем казалось, что это навсегда. И одуревшие от шальных прибылей «каучуковые бароны» строили себе особняки, каким позавидовали бы иные лорды и герцоги, пароходами везли из Европы лучший мрамор, воздвигали из него театры, по размерам и роскоши превосходившие лучшие европейские, исполнять оперные арии и играть спектакли выписывали звезд с мировыми именами.

А потом все кончилось. Деревья-каучуконосы, ранее произраставшие только в Южной Америке, научились выращивать и на других континентах, мало того, каучук стали получать искусственно. Денежные потоки иссякли, торговые конторы закрылись, шиковать и роскошествовать более было не на что. Выросшие словно на дрожжах города обезлюдели и опустели. Они еще долго стояли, помаленьку разрушаясь, джунгли отвоевывали прежние позиции, оплетая лианами беломраморные дворцы... Кажется, и сейчас можно еще увидеть эти нелепые развалины.

Экономика, господа мои, экономика! Которой не в состоянии воспрепятствовать никакие «повеления»...

Рабский труд еще способен выручить, когда изначально не думают о рентабельности, как это было, например, с освоением золотоносной Колымы в советские времена. Но очень быстро стало ясно, что нормальному функционированию государства рабство только мешает – и сразу после смерти Сталина Лаврентий Берия, прагматик номер один в СССР, волевым решением чистит ГУЛАГ, буквально выбрасывая оттуда в «нормальную» экономику все, что только возможно: строительство, добычу полезных ископаемых, горноперерабатывающие предприятия...

«Древний Рим», как нас уверяют, каким-то чудом ухитрился совершить нереальное: с помощью принудительного рабского труда вести грандиозное строительство...

Так не бывает. Какие бы сказки нам ни преподносили. Ох уж эти сказки... Вот, например, ученый человек Франтишек Велишский (в аннотации к книге отрекомендованный как «блестящий ученый-археолог») живописует жизнь древних римлян. «В амфитеатрах устраивали битвы на кораблях, для чего арену заполняли водой. В 80 г. н.э. император Тит устроил в амфитеатре театрализованное морское сражение...»

Как выразилась однажды, правда, по другому поводу, Екатерина Вторая – «Вольно ж ему, взбеся, бегать...»

Амфитеатр – это огромное сооружение, не уступающее по величине современным стадионам. Каким образом те, кто выполнял очередное «повеление», ухитрились наполнить водой стоящий на суше, в городской черте, огромный цирк? В сжатые сроки раздобыть воды столько, чтобы в амфитеатре могли плавать настоящие корабли? Речь ведь идет о сотнях тысяч кубометров воды, быть может, миллионах!

Начерпали ведерочками? Нереально. Все равно, что наполнять железнодорожную цистерну чайной чашкой. Применили насосы? Но в Древнем Риме не могло быть никаких насосов! Водяной насос – это винты и болты, герметичные прокладки, одним словом, это уровень технологии, который был достигнут лишь на заре Нового времени!

Столь скучными вещами наш Франта не задается, ему достаточно, что император

повелел, и сенаторы приговорили...

Кстати, вы знаете, как, по Франтишеку, древние римляне ловили леопардов для гладиаторских боев? Вы не поверите... Они брали огромный ящик и ставили туда зеркало. Леопард видел свое отражение, сдуру кидался в ящик, чтобы как следует подражаться с соперником, но тут выскакивал из засады хитроумный римлянин и захлопывал крышку – поймался, придурок!

Честное слово, все так и написано. Желаящий может раздобыть помянутую в библиографии книгу и сам убедиться...

Между прочим, знакомые нам зеркала современного типа появились лишь в средневековье – а отражение, скажем, в отполированном металлическом листе даже самый глупый леопард вряд ли принял бы за реального зверя-конкурента. Франта, в общем, не виноват. Он узрел «античный» рисунок с таким именно сюжетом (зеркало, леопард лезет в клетку, римлянин на ящике скукожился, отчего-то чутким зверем не унюханный) и на полном серьезе выдвинул свое объяснение: мол, именно так римляне зверей и ловили. Хотя эта картинка с равным успехом может оказаться и иллюстрацией к какой-то сказке и некоей аллегорией, смысл которой уже забыт. И совершенно спокойно уже относишься к сообщению Франты о том, что император Клавдий организовал для развлечения публики морское сражение, в котором участвовали девятнадцать тысяч гладиаторов и осужденных преступников. То есть – девятнадцать тысяч смертников, которым было совершенно нечего терять, но им отчего-то дали боевое оружие и собрали весь бомонд поглазеть, как они будут друг друга резать. По периметру поставили, правда, караульных... А интересно, сколько нужно караульных, чтобы надежно обеспечить безопасность зрителей от девятнадцати тысяч вооруженных мужиков, коим нечего терять?

В своей книге «Загадка 1185 года» И. Можейко нагляднейшим образом показал, что случается с «повелениями» грозного правителя, когда они отдаются без опоры на возможности реальной экономики.

Правивший в XIII веке в кхмерском государстве (нынешняя Камбоджа) Джаяварман провозгласил себя живым богом на земле, воплощением Будды и покорителем Вселенной. Естественно, в честь столь замечательной персоны следовало возвести невероятное количество храмов, башен и монументов – чем Джаяварман и повелел заняться своим подданным, оставив какое бы то ни было прежнее строительство. Подданные скрепя сердце подчинились, – как же иначе, если у властелина за спиной толпятся палачи, которым только моргни...

По всей стране началась великая стройка.

Вот только от многочисленных башен, храмов и монументов эпохи Джаявармана почти ничего не осталось. Причина проста: строители, не в силах освоить столь грандиозные объемы, начали откровенно халтурить. Снаружи здания выглядели вполне пристойно, но вот внутри были сложены «на живую нитку», так что очень быстро начали разрушаться, рассыпаться – а там и живой бог на земле вопреки своей божественной природе взял да и помер...

Вообще, гигантомания – неотъемлемое качество рукописей, представленных нам в качестве «древних источников». Вот ученый муж по имени Геродот рассказывает очередную сказочку про то, как легендарные спартанцы собрались на войну. И, глазом не моргнув, выставили семьдесят пять тысяч тяжеловооруженных воинов-гоплитов.

Повторяю цифрами – 75 000. Между прочим, согласно энциклопедическому словарю Павленкова 1913 г., вся Греция начала XX века в военное время могла выставить армию в 82 000 человек. Вся.

Но нашей «античности» никакие законы не писаны – и вот крохотный городишко Спарта, чья экономика базируется исключительно на сборе оливок и разведении свиней с козами, выставяет ровнехонько семьдесят пять тысяч бойцов – и ведь это наверняка не все, кто-то должны были остаться дома, порядок поддерживать, рабов караулить... Положим на доспех каждого гоплита десять килограмм меди вообще-то, как толкуют нам «фунды»,

доспех гоплита весил пятнадцать-двадцать кило, но не будем придирчивы, нам и десяти достаточно.

Итак? Умножаем. Для войска, которое играючи выставила в «античные времена» крохотная Спарта, потребовалось семьсот пятьдесят тонн меди. Интересно, откуда такое изобилие? Не иначе как на сальце и козий сыр у соседей выменяли...

Вообще-то для таких случаев у приверженцев традиции давным-давно заготовлена уютная формулировка. А как же! Звучит она так: «Цифровые данные документа подлежат уточнению». Иными словами, папаша Геродот изрядно приврал, пририсовал вовсе уж несообразное количество ноликов – но основа неприкосновенна: античная Греция существовала, хоть тресни! Козопасы и свиноводы с таким успехом торговали молоком, сыром и ветчинкой, что строили беломраморные колоннады, под сенью коих прогуливались философы, мимоходом измерившие окружность земного шара, подметив (глазастые!), что в двух далеко отстоящих друг от друга городах длина отбрасываемой палкой тени разная. У философов, правда, не было часов, совершенно необходимых для двух синхронных наблюдений в разделенных немаленьким расстоянием городах – но они, хитроумные, толкуют нам историки, и тут нашли выход: расстояние и время измерили по... средней скорости верблюжьих караванов!

Если кто-то думает, что я шучу, глубоко заблуждается. Это «правильные историки» шутят, с серьезными лицами излагая подобные байки...

Давненько уж установлено, что найденные в шлимановской Трое каменные топоры – из китайского нефрита. Что вовсе уж запутывает дело: даже самые оголтелые энтузиасты «длинной хронологии» не решаются говорить о контактах «гомеровской» Греции с Китаем.

Так в каком же столетии происходила Троянская война?

Но все это, честное слово, пустяки. Настоящее веселье начинается, когда выходит очередной ученый труд об «античной» военной технике, написанный строго с позиций традиционной истории...

Пару месяцев назад мне довелось купить книгу некоего К. Носова под названием «Осадная техника античности и средневековья». В то время настроение у меня было угрюмое (устал, уработался, погода скверная, машина барахлит, морская свинка померла и т.д.). Однако беглое знакомство с сим ученым трудом, предназначенным, как говорилось в аннотации, «для военных историков и всех, кто интересуется историей античности и средневековья», практически моментально бросило из хандры в самую необузданную веселость...

Судите сами. Вот вам иллюстрация со стр. 113. Господин Носов всерьез уверяет «военных историков и всех, кто интересуется», что с помощью подобной страхолюдины два человека могли сверлить городскую стену... (рис. 1)

Но это – цветочки! Вот перед вами во всей красе – «таранная черепаха Диада и Хария»! Г-н Носов глубокомысленно объясняет, что изображенный на красивом цветном рисунке монстр мог передвигаться на шести своих колесиках! И он, монстр этот, был еще не самым махоньким!

Цитирую по тексту (стр. 103): «Еще больше была таранная черепаха, построенная Гегетором Византийским при осаде Родоса. Черепаха достигала 18,6 м в длину, 12,41 м в ширину и 10,6 м в высоту и передвигалась на восьми колесах, диаметром 2 м и толщиной 0,9 м. (рис. 2, 3)

Каждое колесо было сделано из трех деревянных брусков, врезанных друг в друга, скрепленных шипами и обитых ободьями холоднойковки...Эту таранную черепаху обслуживало 100 человек, а вес ее достигал 4000 талантов 157 тонн».

Какая там хандра! С военными историками в Красноярске туговато, но толковых инженеров достаточно. За два дня я показал труд Носова пятерым. Ни один из них не был сторонником «новой хронологии», вообще такими вещами не интересовался – но инженеры они были дельные, со стажем и опытом.

Так вот, все пятеро реагировали одинаково – сначала перечитывали вышеприведенный

текст несколько раз, разглядывали картинки. Челюсти их помаленьку отвисали, глаза выходили из орбит. Немного придя в себя, они даже не смеялись – дико ржали. И говорили в адрес г-на Носова разные слова, которые я из сострадания здесь приводить не буду...

Особенно умиляли инженеров эти самые колесики «из трех деревянных брусьев», держащие на себе 157 тонн. Для справки: это примерный вес пяти танков «Т-34» (стандартная «тридцатьчетверка» весила тридцать две тонны...).

Вдумайтесь хорошенько: изображенная на картинке уродина весила столько, сколько пять «тридцатьчетверок». Но при этом ее как-то ухитрились катить на деревянных колесиках. Без осей. В «античности» не существовало мастерских, способных отковать ось, выдержавшую бы вес в полторы сотни тонн – да и для современной техники задача была бы не из легких. Современные трейлеры, перевозящие один-единственный танк, изготовлены из стали и держатся на шести-восьми не в пример более коротких осях...

Одним словом, инженеры клялись: дело даже не в том, что у монструозной «таранной черепахи» моментально отвалились бы означенные деревянные колесики, только хрупнуло... Ее вообще невозможно было бы поднять на колеса – не говоря уж о том, чтобы прокатить хотя бы пару сантиметров.

А ведь Носов описывает еще и применявшиеся якобы «древними ассирийцами», за семьсот лет до рождества Христова (!), опять-таки передвижные тараны. Вес, правда, благоразумно не приводит, поэтому его приходится рассчитывать приблизительно, по приведенным размерам. Как ни крути, весить эта штука должна самое малое тонн десять – и снова катиться на четырех ублюдочных колесиках из «деревянных брусков»!

Конечно, г-н Носов ни в чем не виноват. Он попросту добросовестно прочитал три десятка трудов «древних» авторов. Но все равно, я бы ему категорически не советовал давать свой труд на прочтение инженерам. Бить, конечно, не станут, но от жизнерадостного гогота люстры будут сотрясаться долго...

Кстати, о военных историках. Еще двадцать лет назад военный историк Д. Зенин весьма доказательно объявил военные машины «античности», равно как и «татаро-монгольских войск» обыкновеннейшей старинной фантастикой, убедительно доказав, что в реальности они просто-напросто не могли работать. Нашлись энтузиасты, решившие изготовить модели: не столь устрашающих размеров, конечно, всего-то два метра на два. В качестве метательного снаряда был взят обыкновенный кирпич. Однако «чудо античной и батыевой техники» категорически не желало работать – несмотря даже на то, что в нем использовались резиновые амортизаторы, а балки крепили железными скобами. Кирпич летел куда попало, ни о какой точности прицеливания не было и речи, метательный рычаг то и дело выламывал балку, после каждого выстрела сооружение прыгало и расшатывалось – а ведь речь, повторяю, шла о маленькой модели!

Кажется, я догадываюсь, что сказал бы «правоверный» историк: вот если бы построить образец в точном соответствии с описаниями древних, весом в полторы сотни тонн, и водрузить его на помянутые колесики, и созвать для obsługi человек сто – уж тут-то он бы заработал! От «правоверных» этого вполне можно ожидать: ведь пишут же, стервецы, не краснея, о миллионном войске, которое персидский царь Ксеркс послал на «древних» греков! Для справки: в первые годы царствования Екатерины Второй все пехотные части Российской империи насчитывали 283 000 человек – но и это тяжким гнетом ложилось на бюджет. Каким образом живший до рождества Христова царь ухитрился кормить свою миллионную ораву хотя бы неделю, историки благоразумно умалчивают: как же, Ксеркс ведь повелел! Значит, все как-то само собой устроилось, тушенка с неба падала, сухари росли на деревьях, а вареники сами в рот прыгали...

Вот как протекает мобилизация во время войны римлян с Ганнибалом: «...Гасдрубал, сын Гисгона, вместе с Магоном произвел набор в глухих и окраинных областях, и под его знаменами собралось до пятидесяти тысяч пехоты и четыре с половиною тысячи конницы». Тит Ливий, «Война с Ганнибалом».

Вновь неприкрытое волшебство: более чем за сто лет до рождества Христова античный

полководец поскреб по сусекам в «глухих и окраинных областях» и в два счета собрал под знамена этакую силищу. Одних лошадей четыре с половиной тысячи – а сколько же для этой оравы понадобилось оружия? Счет металла снова идет на десятки тонн...

Что характерно, в Средневековье картина меняется самым решительным образом. Климат остался тем же, население даже увеличилось, техника и ремесла стали гораздо развитее «античных» – но отчего-то средневековые короли, как ни «повелевали», не смогли собрать хотя бы отдаленное подобие фантасмагорических по количеству армад древности. Пять-шесть тысяч пехотинцев и сотня-другая конников – вот примерный состав нормальной средневековой армии. И ситуация не менялась столетиями. В 1812 г. Бонапарт захватил практически всю Европу – но, как он ни старался, смог двинуть на Россию всего шестьсот тысяч человек. Должно быть, он не умел толком «повелеть», далеко ему было до Ксеркса...

А впрочем, историки на полном серьезе нас уверяют: все оттого, что «античные войны» были другими. Они ничем не отличались от нас с точки зрения физиологии, но силу и выносливость откуда-то брали нечеловеческую. Для древнеримского воина ничего не стоило прошагать за пять часов около двадцати пяти километров, неся на себе при этом, кроме оружия, еще запас хлеба на пятнадцать дней, а также тяжелые заостренные колья. Мало того, придя на место, эти чудо-богатыри не садились отдыхать, а быстренько выкапывали длинный ров, насыпали вал, строили на валу ограждение из тех самых кольев, разбивали палатки – и только после этого устраивались перекусить и вытянуть усталые ноги. И так – каждый вечер.

Я консультировался со строителями – с тремя разными прорабами, ставя перед ними подобные «технические задания». Ответ был одинаков: это попросту нереально. По всем расчетам выходило: если наши brave легионеры начнут городить лагерь вечером, то закончат его не раньше полудня следующего дня. Никакая «сила и выносливость» тут не помогут – у человеческого организма просто-напросто есть свои пределы...

А знаете ли вы, как эти волшебные войны сражались в конном строю?

Без стремян. Стремена, объясняют нам «фунды», были изобретены только в восьмом веке после рождения Христа, античность и Древний Рим их, естественно, не знали...

Плести такое может только тот, кто ни разу в жизни не сидел верхом на лошади и путает голову с хвостом. Это опять-таки нереально: сидя без стремян, действовать мечом и копьем. Первый же мало-мальски серьезный толчок вышибет из седла обоих противников согласно неумолимым законам механики. Между тем, что ни год, на иллюстрациях к книгам о древнем военном искусстве появляются совершенно невероятные создания вроде «парфянского катафрактария».

Зрелище сюрреалистическое: всадник, закованный в стальную кольчугу до пят, весом не менее двадцати килограммов, восседает с копьем длиной метра в два и массивным железным наконечником... без седла и без стремян, трогательно свесив ножки. Да еще скачет куда-то, тычет своей оглоблей во врага, ухитрившись при этом не слететь с коняшки и не сломать себе шею. Ах да, ему же царь повелел, никуда не денешься...

Практически в каждой книге, посвященной критике «длинной хронологии», присутствует изображение серебряной вазы из скифского кургана. Ее нашли в те времена, когда в развитии «новой хронологии» случилась очередная пауза – и весьма необдуманно ввели в научный обиход, не думая о последствиях.

Дело в том, что у лошади, якобы изображенной древними мастерами за многие столетия до рождения Христа, свисают с седла некие приспособления, которые могут быть только стремянами, и ничем иным!

Однако тот, кто подумает, что «фундаменталисты» дрогнули и пришли в замешательство, подобно римским легионам из классического учебника, здорово заблуждается. Нашего «фундаменталиста» голыми руками не возьмешь. Объяснение последовало мгновенно: это не стремяна, объяснили нам снисходительно-профессиональные историки, это только некое приспособление, имеющее вид стремян, а чтобы ощутить разницу, нужно быть дипломированным историком. В общем, это не настоящие стремяна,

это «вспомогательные» стремяна. Древний скиф пользовался ими исключительно для того, чтобы *сесть* на лошадь – а, оказавшись в седле, он тут же вынимал ноги из этих самых стремян, поскольку они были вспомогательными, и скакал себе в битву, свободно болтая ногами...

Честное слово, так и объясняют! Положительно, что-то не в порядке с нашей славной исторической наукой! Поскольку практика верховой езды и конного боя вопреки любой наукообразной болтовне свидетельствует: тяжеловооруженный всадник попросту не в состоянии удержаться на коне без стремян. Первый же удар противника, первый же тычок собственным копьём во врага снесет его с седла нежнейшим образом... Вопреки всем царским повелениям.

Так вот, что характерно: с наступлением Средневековья куда-то моментально исчезли монстры вроде вышеописанных «таранных черепах», пропали не то что миллионные, но даже сотысячные армии. Поскольку реальная экономика, а не баснословная, такого вынести не в состоянии. Чтобы вооружить как следует одного-единственного рыцаря, требовалась сумма, эквивалентная стоимости сорока пяти коров – какие там семьдесят тысяч гоплитов фантаста Геродота...

Между прочим, еще при битве у Гастингса 1066 г. от Р.Х. рубились каменными топорами – и дешево, и эффективно. Не каждый мог себе позволить металлический топор...

И еще один немаловажный аспект проблемы – умышленные подделки, сознательно подсовываемые под видом «древних раритетов».

Не менее сорока лет назад я увидел в детской книжке о древней истории изображение молодого критянина – как объяснял автор, прекрасно сохранившая фреска из знаменитого дворца в Кноссе.

Сорок лет – сорок! – я, как и многие тысячи других, принимал на веру, что археологи, раскопав Кносский дворец, отыскали фреску именно в таком виде...

И вдруг выходит книга К. Булычева «Тайны античного мира». И в ней – подлинное изображение того, что откопал в Кноссе знаменитый британский археолог Эванс!

Любуйтесь и сравнивайте. На *рис. 4* – то, что Эванс нашел на самом деле. На *рис. 5* – «реконструкция», то есть нарисованная заново картинка. Все дело, оказывается, в том, что знаменитый археолог Эванс обладал развитым чувством прекрасного – и, как всякий ученый историк, знал, как должны выглядеть подлинники. Эванс пригласил неплохих художников того времени, и они превратили жалкие фрагменты в подлинные произведения искусства. Но нам-то десятилетиями впаривали новодел за подлинник!

Вот так делается история. Иногда ее сочиняют так, как это делал Эванс со своей бригадой мастеров кисти. Иногда и творцы «реальной» истории работают подобно итальянцу Джовио, жившему в эпоху так называемого Возрождения: «Джовио гарантировал, что своим пером он обеспечит заказчику исторического сочинения заметное место в истории и в награду за это брал деньги. Если же ему отказывали в вознаграждении, то он либо игнорировал в своем сочинении данное лицо или государство, либо стремился выставить его в возможно более темном свете, причем не стеснялся пользоваться открытой бранью и клеветой. Но поскольку Козимо Медичи был богатым, щедрым, а потому почетным заказчиком, то и в биографии К. Медичи, и во всех сюжетах, связанных с его жизнью и деятельностью, в «45 книгах моего времени», Джовио использует исключительно превосходные степени». (М.С. Бобкова, примечания к трактату Жана Бодена.)

Прелестно, не правда ли? Тот, у кого лет пятьсот назад нашлось достаточно денег, представлял великим государственным мужем, светочем честности и благородства. Скупой или бедный безотносительно к правде становился полной ему противоположностью. И все бы ничего, каждый зарабатывает, как умеет, но с течением времени труды литературной проститутки вроде Джовио «входили в научный оборот», обрастали комментариями и толкованиями, и, в конце концов, считались уже достовернейшим документом эпохи, и всех, кто пытался на миражи покушаться, объявляли в лучшем случае невеждами, а в худшем – безумцами, как Ньютона, Морозова, Фоменко...

Есть старая детская книжка под названием «О гномах и сиротке Марысе». Один из главных персонажей – ученый гном Чепухинский-Вздорный, славный, в частности, своим сугубо научным методом создания исторических трудов: «Что он видел, что слышал, то записывал верно, а чего не видел и не слышал, то выдумывал так превосходно, что при чтении этой книги сердца у всех преисполнялись радостью».

Увы, нашему г-ну Носову с ученым гномом не сравниться: поскольку сердце читателя наполняется отнюдь не радостью, когда он узнает, скажем, об «осадной башне Деметрия Полиоркета, которую он применил при осаде Родоса в 305-306 гг. до н.э.»

Интересная башня. Девятиэтажная. Шириной – 22 м у подножия и 9 м на вершине, высотой – 44,5 м. А главное, передвигается на восьми деревянных колесах диаметром в метр: «...подвигаясь вперед с оглушительным скрипом и грохотом, вселяя ужас в сердца зрителей, но взорам их неся невольную радость».

Что верно, то верно – опус г-на Носова несет невольную радость взору любого инженера...

Как считали хронологию

Дело в том, что нынешнюю хронологию, какой мы ее знаем, какой нам ее вдалбливали, именно считали. Но весьма своеобразными методами. Иной читатель, вполне возможно, решит, что отцы нынешней хронологии Скалигер и Петавиус, обложившись горами древних рукописей, долго сопоставляли даты, данные в разных системах отсчета времени, пока не привели их к единому знаменателю.

Так вот, ничего подобного! Все выглядело совершенно иначе: в конце шестнадцатого – начале семнадцатого столетий два откровенных оккультиста высчитывали даты событий, пользуясь сугубо оккультными методиками под названием «нумерология» и «каббала», они же – «математическая магия». Методики эти, как явствует из названия, наделяли числа магическими свойствами. И начинались долгие, запутанные манипуляции, основанные, повторяю, не на древних манускриптах, а на «магическом содержании» того или иного числа.

Как именно это происходило, легко узнать из книги французского историка, философа, экономиста и правоведа шестнадцатого века Бодена «Метод легкого познания истории». Впервые она была напечатана в Париже в 1566 г. Русский перевод издан четыре года назад убогим тиражом в тысячу семьсот экземпляров и обошелся мне в сто восемьдесят пять рубликов, но я дал бы больше, гораздо больше.

Великолепное чтение!

Я приведу обширные цитаты. Кому-то они могут показаться скучными, но их просто необходимо вдумчиво прочитать, чтобы понять, как четыреста с лишним лет назад создавали ту самую хронологию, что нам ныне преподносят под этикеткой научности...

«Квадрат 7, умноженный на 9, дает 441, и квадрат 9, умноженный на 7 – 567. Совершенное число – 496, 6 и 29 – меньшие части совершенного числа, оставшееся от совершенного числа превышает 8100, и они слишком велики для того, чтобы использоваться в вопросе о государствах. Квадрат 12 – 144, а куб – 1728. Ни одна империя в своем существовании не превысила значение суммы этих чисел, поэтому большие числа должны быть отвергнуты. Сферических чисел, включенных в великое число, четыре – 125, 216, 625, 1296. Посредством этих нескольких чисел, во множестве которых имеются не совершенные, не квадраты, не кубы, а также числа, составленные из четных и нечетных разрядов, но не из семерок и девяток, которых в этой бесконечной последовательности относительно немного, нам позволено изучать чудесные изменения почти всех государств. Во-первых, начиная с куба 12, про который некоторые из академиков говорят, что это великое и фатальное число Платона, мы обнаружим, что монархия ассирийцев от царя Нина до Александра Великого воплощает это число в точности, по мнению самого Платона... От потопа до разрушения храма и еврейского государства Филон насчитывает 1717 лет, Иосиф (Флавий – А.Б.) дает на 200 лет больше, другие – существенно меньше. Я склонен думать как из правды истории, ТАК И ИЗ ЗНАЧИМОСТИ САМОГО ВЕЛИКОГО ЧИСЛА, что 11 лет должно быть

добавлено к срокам Филона, так как результат должен быть не больше и не меньше, чем куб 12... Хотя среди писателей существуют великие расхождения относительно времени рождения Христа, еще Филон, который считается наиболее точным среди древних, относит это к 3993 г. Лукидий от этого года отнимает три, Иосиф прибавляет шесть по многим причинам, которые я вполне одобряю, ТАК КАК ПОЛУЧАЕТСЯ ЧИСЛО 3999, результат квадрата 7 и 9, самым замечательным образом подходящий к изменениям в наиболее важных делах, которые затем последовали».

Вот это и называется – нумерология, каббала, математическая магия... Боден высчитывает хронологию оккультным образом: событие должно иметь именно такую продолжительность не потому, что есть письменные сообщения, которые следует привести в систему – а потому что полученное число должно быть «значимым», «великим», результатом определенных арифметических действий... «Изменения в наиболее важных делах» должны, представьте себе, быть выражены «квадратами 7 и 9», а если древние историки пишут иначе, тем хуже для историков, их подправят посредством «совершенных чисел»...

Теперь понимаете? Именно так рассчитали привычную нам хронологию Скалигер и Петавиус! Не зря их «труды» до сих пор не изданы на русском языке и надежно упрятаны подальше с глаз. Те шаманы, что поумнее, прекрасно соображают, что к чему, они-то знают, что лежит в основе их «тайного знания». Стоит выйти трудам Скалигера на русском, как завтра же схватятся за борзые перья Носовский и Фоменко, Валянский и Калюжный, Каспаров и Гуц, да Бушков не останется в стороне, да и зарубежные коллеги подключатся – и компания насмешливых циников вновь без всякого почтения к «авторитетам» порезвится всласть, снова не встретив мало-мальски толковых возражений...

Между прочим, Нострадамус, тоже не чуждый нумерологии дружан Скалигера-старшего, оставил шесть различных вариантов библейской хронологии – тогда все только сочинялось...

Другая история Европы

Тогда все только сочинялось. Лишь в первой половине восемнадцатого столетия хронология Скалигера-Петавиуса получила общее признание и стала считаться единственно верной. Все, что ей противоречило, либо плесневело в дальних уголках библиотек и архивов, либо беззастенчиво уничтожалось – как были уничтожены иные библейские книги и труды историков, знакомые нам сегодня только по названиям. Однако ни у кого не хватило силенок, возможностей и желания, чтобы устроить всеобщую, в масштабах всей Европы акцию уничтожения «неправильных» текстов. Слишком многое этому мешало: национальные и религиозные трения, политические соображения, наконец, дела текущие, житейские. Были более насущные заботы. И уцелело достаточно много «еретических» писаний...

При внимательном изучении иных источников приходишь к твердому убеждению: примерно с восемнадцатого столетия радикальным образом поменялась система исторических взглядов, раньше она была одна, а потом стала другая. И следы старой, прежней, ошельмованной и вычеркнутой из «научного оборота» системы сохранились повсюду. Нужно только поискать. Наши «фундаменталисты» уныло талдычат о любви историков позднего Средневековья к анахронизмам, о непонимании ими сути исторического процесса, о совершеннейшей дебильности, наконец, иных книжников. Но в совокупности преданные анафеме работы убедительно показывают былое существование иной системы исторических взглядов. Прежней. Почти забытой. Старательно уничтожаемой...

Вот, скажем, Киев. Пресловутая «мать городов русских» – что, с точки зрения современных историков, подразумевает исключительно то, что Киев старше Новгорода по возрасту. Однако...

В то время как Киев во многих летописях именуется не иначе как «градек», что означает не город, а некое укрепление, форт, острог на холме, Новгород... платит киевлянам огромную дань в виде серебра. Речь идет о весьма приличной сумме, исчисленной

в гривнах, т.е. слитках серебра определенного веса. Есть как минимум три версии того, *сколько* же весила тогдашняя гривна – но даже если брать самую маленькую цифру, сумма все равно получается приличной. Такие деньги, да еще в серебре, попросту не смогло бы выплачивать крохотное поселение, чьи жители пробавляются натуральным хозяйством – подобные, как нам твердят те же историки, дань платили мехами, белками, скажем. Если уж налоги «стольному граду» какой-то населенный пункт выплачивает в серебре, значит он, по тогдашним меркам, довольно велик, в нем уже развиты ремесла и торговля – какие еще занятия способны обеспечить регулярный приток серебра?

Существует и примечательная запись в Новгородской летописи, вызывающая у иных правоверных историков приступы неконтролируемой ярости, сам убедился: «В лето 6525. Заложил Ярослав град великий Киев, и златыя врата постави, и церковь святые София заложил». 6525 год от сотворения мира – это 1017! Получается, что в этом году Ярослав лишь «заложил» город, которого ранее, вероятней всего, не было – одна крепостишка на холме! А между тем та же летопись применительно к 989 г. от рождества Христова сообщает, что в Новгороде уже стояла тринадцатиглавая церковь святой Софии, и возведенная «владыкой Иакимом»...

Так какой же город старше? Если в 1017 году Киев понадобилось «закладывать»? Быть может, «мать городов русских» означает попросту не старшинство по возрасту, а политическое старшинство? Столицу? Роль которой, в принципе, может выполнять и крепостишка на холме...

Другой пример. Жил когда-то французский поэт Гугон Орлеанский (ок. 1093 – ок. 1160). И написал он «Стих о татарском нашествии», где есть примечательные строки:

Царства опрокинуты, вытоптаны грады,
под кривыми саблями падают отряды,
старому и малому не найти пощады,
в божьих обителях гибнут божьи чада.
Через Русию, Венгрию, Паннонию,
сквозь Туркию, Аварию, Полонию,
сквозь Грузию, сквозь Мидию, Перейду
легла дорога горя и обиды...

Здесь начинаются странности. Во-первых, Венгрия и Паннония, строго говоря, одна и та же страна. Паннония – западная часть Венгрии. Совершенно непонятно, почему одну и ту же державу Гугон поминает дважды, под разными именами.

Во-вторых, что гораздо интереснее, в стихотворении присутствует... Мидия! Согласно «традиционным» версиям мировой истории, еще за полтысячи лет до рождества Христова Мидия как государство перестала существовать, завоеванная персами. И тем не менее поэт, живший в двенадцатом веке по Р.Х., числит ее среди реально опустошенных татарами стран...

Открытия делаются внезапно! Я уже собирался убрать книгу, из которой взяты строки Гугона, но в подсознании сидела какая-то заноза. Я не сразу сообразил, в чем тут дело... Даты!

В самом деле, родился Гугон «ок.1093», умер «ок. 1160» – а татары, согласно «фундаменталистам», впервые вторглись в Европу, когда их конница появилась в Польше. Через восемьдесят лет после смерти Гугона... но как же он тогда ухитрился написать «Стих о татарском нашествии»?!

Есть золотое правило спецслужб: один-единственный факт может оказаться ошибкой, случайностью. Два и более – это уже серия.

Так вот, стихи Гугона удивительным образом перекликаются с другим источником.

Семнадцать лет назад на русском языке была впервые издана одна из крупнейших польских средневековых хроник. Как пишется в аннотации – «ценный источник по истории Польши и Древней Руси XI-XIII вв., уникальный памятник борьбы прусского, литовского, польского и русского народов за независимость против крестоносцев и монголо-татарских

полчищ, содержит также важные сведения о событиях политической жизни Европы той эпохи». Именуется она «Великая хроника польская». Рецензентами издания выступали сразу два члена-корреспондента Академии Наук, а главным редактором был зубр исторической науки В. Л. Янин, известный как патологический противник «новой хронологии» и печально знаменитый требованиями ввести цензуру, дабы «незрелые лженаучные писания» не увидели белого света...

Так вот, случилась в старые времена одна прелюбопытная история.

Жил тогда польский король Болеслав, гнуснопрославленный своим беспутством – и настолько он преуспел в пороках, что даже собственная мать Болеслава не выдержала: взяла своего младшего сына, Болеслава брата Казимира, и бежала к себе на родину, в Саксонию, где постриглась в монастырь, а Казимира отдала в науку...

Болеслав умер, как гласит хроника, «вследствие своей свирепости и множества преступных деяний». Наследников не было, в королевстве возникла смута, напали внешние враги. Тут-то знатные люди королевства и вспомнили о законном наследнике Казимире – и поехали за ним в Саксонию...

Казимира там уже не оказалось – он давным-давно отправился в Париж «для изучения свободных наук». Делать было нечего, и польские магнаты потащились в Париж, где их ждало ошеломляющее известие, перечеркивающее все планы: оказалось, Казимир постригся в монахи знаменитого Клунийского монастыря и даже рукоположен в сан диакона. Монахам, как известно, чуждо все мирское – от самых пустяковых светских дел до опустевшего трона...

Все рухнуло, казалось. Но поляки не опустили рук – должно быть дела на родине оказались очень уж плохи. Далее хроника сообщает: «Посоветовавшись с аббатом, они не вернулись на родину, но отправились в Рим и обратились со смиренной просьбой к папе Бенедикту IX, чтобы он приказал вернуть им их правителя, а также милостиво уделит бы ему пособие, чтобы тот мог взять себе жену, и, таким образом, Польское королевство не останется без наследника. Они ссылались также на несчастья Польши, на поношение христианской веры, на пролитие крови в результате нашествия ТАТАР (выделено мною – А. Б.) и других нечестивых народов, находившихся вокруг Польши, которые постоянно совершали набеги и вторжения».

Тот, кто решит, что папа римский показал себя недалеким религиозным обскурантом, ошибется. «Папа же отнесся к их просьбам с отцовским уважением, разрешил, дабы польский народ не остался без правителя, чтобы князь Казимир, который в Саксонии жил под именем Карла, а в монастыре – Ламберта, ушел из монастыря ради управления королевством, и милостиво выдал ему диспенсию*, чтобы он имел возможность взять себе жену... Этот Казимир... мирно владел Польским королевством. Назван он был «Восстановителем»...

Истории прекрасно известны как король Казимир Восстановитель, и так и римский папа Бенедикт IX. Первый вступил на трон около 1034 г. и умер в 1058 г. Второй стал римским папой в 1033 г. и умер в 1046 г.! Таким образом, вышеописанная история произошла в точно локализованном временном промежутке – 1033-1034 гг. Оказывается, в это время по Польше, вопреки официальной хронологии, носились буйные татары!

Официальная наука к подобным сообщениям, не укладывающимся в замшелые шаманские схемы, относится плохо. Любой исторический документ лишь до тех пор остается «ценным источником» и «уникальным памятником», пока согласуется с собственными схемами фундаменталистов. Стоит хроникеру написать нечто неудобное, он мгновенно теряет доверие. «Летописец ошибался», – сурово сдвинув брови, изрекают в таких случаях «серьезные ученые». Ошибался, и все тут. Таким образом, в представлении наших историков практически всякий летописец, хронист, древний книжник существует как бы в двух несовместимых ипостасях. Пока он пишет вещи, не идущие вразрез с современными установлениями, он – «ценнейший источник». Когда же попадает нечто, торчащее, как шило из мешка, летописец теперь – не просто безответственный фантазер, а

форменный дебил, даун, который видел одно, но писал по своей глупости отчего-то другое. Такие уж странные летописцы были в древности – они не просто путались в анахронизмах, они не способны были, с точки зрения «правильного» историка даже понять, кого именно видят.

Вот, скажем, книжники средневековья с невероятным упорством твердят, что готы (по мнению официальной истории, «исчезнувшие» в VII в. от Р.Х.), преспокойно обитают в Европе и в более поздние времена. Историк Иордану (VI в.) вторят поляк Винцентий Кадлубек и автор «Великопольской хроники», считая, что готы – это пруссы, и никуда они не исчезали, мирно живут себе на побережье Балтики. Другие книжники дополняют: готы – это не только пруссы, это шведы. Историк петровских времен А. Лызлов уточняет: часть готов добралась из Скандинавии до Причерноморья, половцы – это и есть готы. Десятки книг твердят одно и то же: готы никуда не исчезали, они живы, есть готы, есть готы, есть!

Однако это категорически не сочетается с нынешними теориями, которые историки договорились считать истиной. И потому летописцы прошлого «заблуждались» в массовом порядке. Потому что жили в мире собственных фантазий. Видели прусса, но отчего-то посчитали, что это – гот. Ни с того, ни с сего. Заблуждаючись... Как и в случае с татарами. Нам усердно пытаются внушить, что дело происходило примерно следующим образом: взобравшись на городскую стену и узрев скачущих вокруг усатых венгров, летописец чесал в затылке и думал: «Ну не называть же их венграми! Слишком просто! Назову-ка я их... татарами! Так красивше!»

Вот и возникают в науке истории необъяснимые парадоксы: скажем, готический стиль в архитектуре. Сами готы-де исчезли самое позднее в VII в., но веку к XI пышно расцвел готический стиль... Отчего так? «Ну, понимаете ли... – с умным видом хмурятся «фундаменталисты». – Стиль-то новый, нужно же было его как-то назвать... Тут и вспомнили, что четыреста лет назад жили какие-то готы. Вот и порешили назвать новый стиль в честь этого давным-давно вымершего племени – просто потому, что слово красивое...»

Подобный бред впаривают на полном серьезе! Хотя элементарная логика требует признать другой вариант: коли уж стиль был назван «готическим» в двенадцатом столетии, то готы, те, от кого он свое имя получил, пребывали в добром здравии, вовсе не думая куда-то «исчезать»...

Одним словом, если в противоположных концах Европы, в Польше и во Франции, одинаково убеждены, что татары вторгались в Западную Европу лет за сто до официально признанной даты, то дело, как минимум, нечисто. В смысле, нечисто что-то с официальными датировками...

Эти анахронизмы присутствуют повсеместно. Вот, скажем, великий итальянский поэт Петрарка, живший в XIV веке после рождения Христа, тратит массу времени и сил, чтобы доказать подложность привилегий, которые Нерон и Цезарь выдали... Габсбургскому дому!!! С точки зрения «общепринятой» хронологии, поэт то ли тронулся умом, то ли допился до белой горячки. Такими вещами нельзя заниматься вообще! Какой смысл дискутировать о подлинности писанных привилегий, если владетельный дом Габсбургов появился на белом свете лишь через тысячу с лишним лет после Нерона и Цезаря?

Однако поэт Петрарка отчего-то считает иначе. Полное впечатление, что для него вовсе и не существует этого тысячелетнего промежутка. Он ничуть не сомневается, что Нерон и Цезарь могли выдавать какие-то жалованные грамоты дому Габсбургов – вот только одна, эта, конкретная, оказалась подделкой... Петрарка определенно руководствуется другой системой, другой хронологией, и в этой системе Габсбурги – современники Нерона и Цезаря...

Между прочим, немецкий город Нюрнберг известен с XI в. означает в переводе на русский... «город Нерона»! «Нероноград», если можно так выразиться. Вновь никакого тысячелетнего интервала – кто же в здравом уме называет города в честь умершего многие столетия назад владыки?

Калюжный и Жабинский: «Историкам очень хорошо известно, что правивший в XIII веке император Священной Римской империи Фридрих II Гогенштауфен именовался в документах Цезарем Августом; его Конституции носят название «Книг Августа»; на чеканившихся им золотых монетах августалиях он изображен в лавровом венке и одеянии «римских» цезарей, на обороте – римский орел и надпись: «Римский император Цезарь Август». Перед нами чистейший, без примесей, римский император!»

Вот и Цезарь отыскался. А где-то неподалеку, надо полагать, и Нерон... И никакого тысячелетнего разрыва!

Хотите знать, из-за чего четыреста с лишним лет назад Иоанн Грозный зело серчал на тогдашнего шведского короля Юхана III?

А ведь осерчал! Зело! Вот строки из послания Иоанна северному соседу: «А что ты писал к нам, лай и дальше, хочешь лаем отвечать на наше письмо, так нам, великим государям, к тебе, кроме лая, и писать ничего не стоит, да писать лай не подобает великим государям; мы же писали к тебе не лай, а правду, а иногда потому так пространно писали, что если тебе не разьяснишь, то от тебя и ответа не получишь. А если ты, взяв собачий рот, захочешь лаять для забавы, так то твой холопский обычай: это тебе честь, а нам, великим государям, и сноситься с тобой бесчестие, а лай тебе писать – и того хуже, а перелаиваться с тобой – горше того не бывает на этом свете, а если хочешь перелаиваться, так ты найди себе такого же холопа, какой ты сам холоп, да с ним и перелаивайся...»

Из-за чего весь сыр-бор? Дело в том, что шведский король несказанно оскорбил Иоанна Васильевича – посчитал себя ровней царю и великому князю всея Руси. Четыреста лет спустя слышен за ровными строчками послания рык рассвирепевшего Иоанна: «А это истинная правда, а не ложь – что вы мужицкий род, а не государский. Пишешь ты нам, что отец твой – венчаный король, а мать твоя – венчанная королева; но хоть отец твой и мать венчаные, но предки то их на престоле не бывали!»

Вообще-то Грозный абсолютно прав: Швеция к тому времени совсем недавно освободилась из-под многолетнего датского владычества, и Юхан, в самом деле, король скороспелый. Без положенной череды венценосных предков. Еще недавно в Швеции королей не было вовсе, был лишь правитель Свен Стуре, тоже не из династии герцогов. А отец Юхана, Густав Эрикович* вел переговоры с Москвой не «напрямую», а через новгородского наместника – поскольку, вульгарно выражаясь, по скороспелости своей рылом не вышел, чтобы сноситься с царями московскими без посредников...

Но это все присказки. Сказка будет впереди...

Чтобы поставить на место наглеца «мужицкого роду», Грозный пускает в ход свои неоспоримый козырь, играющий роль тяжелой артиллерии... Внимание!

«Что же касается печати Римского царства, о которой ты писал, то у нас есть своя печать от наших прародителей; а римская печать нам также не чужда: МЫ ВЕДЕМ РОД ОТ АВГУСТА-КЕСАРЯ...»

Эх, и поплясали на косточках Иоанна Васильевича за такие заявления толпища современных, «правильных» историков! С *ихней* колокольни, с точки зрения скалигеровской хронологии такое мог ляпнуть исключительно безответственный бахвал, циник, хворый разумом. Кто в здравом уме такому поверит? Больше тысячи лет прошло от времен последнего римского императора до появления на Руси Рюрика...

Или не прошло? Иван Грозный был тираном, сатрапом, зверем. Спорить с этим нет смысла. Но никогда он не был ни слабоумным, ни безумцем – а меж тем множество раз упоминал о своем происхождении от «Августа-кесаря», не только обращаясь к «выскачке» Юхану, но и в посланиях другим западноевропейским монархам...

Оказывается, во времена Грозного бытовала даже не «версия» – убеждение, что Рюрик ведет свой род от «кесаря римского Августа». Оказывается, считалось, что некогда в Пруссию, Литву и Жемайтию переселилось «некоторое количество» римлян, основавших на берегах Балтики свой город Ромово. Правил в этом городе некий Прус, родственник кесаря – и от него-то произошел Рюрик...

Вот выдержки из «Древней российской истории, сочиненной Михайлом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санкт-Петербургской Императорской и Королевской Шведской Академий наук»:

«Длугош свидетельствует, что во время междуусобной войны Иулия Кесаря и Помпея некоторое число римлян, оставив Италию, на южных берегах варяжских поселились и создали город, проименовав его Ромово, который долго там был столичным. Из польского летописца Матвея Меховского согласный сему довод имеем, что в Пруссию переселилось много римского народа и разделилось по Пруссии, Литве и Жмуди. Знатнейшие места, где идолов почитали, по своему отечеству Ромовы называли. Итак, весьма не дивно, что в остатках древнего прусского языка, то есть в употребительном в некоторых прусских деревнях, также в Курляндии, Пруссии и Литве, весьма много вмешано слов латинских, с коими готские от сообщества с норманцами и ливонские по соседству великую произвели в нынешнем наречии отмену... Заключая сие, должно мне упомянуть о происхождении Рурикове от Августа, кесаря римского, что в наших некоторых писателях показано. Из вышеописанных видно, что многие римляне переселились к россам на варяжские береги. Из них, по великой вероятности, были сродники какого-нибудь римского кесаря, которые все общим именем Августы, сиречь величественные, или самодержцы, назывались. Таким образом, Рурик мог быть коего-нибудь Августа, сиречь римского императора, сродник. Вероятности отрещись не могу, достоверности не вижу».

Особо следует подчеркнуть: гипотеза о том, что Рюрик – потомок кого-то из римских императоров, родилась не в России! Никак нельзя упрекнуть наших предков в том, что это они из национал-патриотических побуждений занялись столь беззастенчивой фальсификацией истории... И Грозный тут ни при чем.

В Московию эта теория пришла с *запада* .

«Длугош», которого упоминает Ломоносов – это Ян Длугош (1415-1480), каноник краковский, воспитатель сыновей короля Казимира Ягеллончика, автор классического труда «Годописания, или хроники славного королевства Польского». Кстати, Длугош, вслед за Гугоном Орлеанским и авторами «Великой хроники польской», считал, что татары появились в Европе в 1188 г. и выводил их родословную от... армян! Матвей Меховский – не менее крупный польский историк, выпустивший в 1521 г. в Кракове «Историю польскую». Их труды были прекрасно известны Ивану Грозному – теперь, быть может, понятна уверенность, с какой он в письмах европейским королям упоминал о своей родословной?

Литовские летописи сообщают, правда, не о междуусобной войне между Цезарем и Помпеем – по их версии, на берега Балтики бежали 500 римских семей во главе с неким Палемоном, спасаясь от жестокости Нерона. Еще один автор, Михалон Литвин в 1550 г. писал, что Литва – просто-напросто очередная провинция, завоеванная римскими легионами. Немецкий хронист XIV века Петр Дусбург также сообщал о битвах пруссов с воинами «Цезаря». А «ректор Краковского университета Ян из Людзишки», приветствуя, избранного в 1447 г. короля Казимира Ягеллончика, назвал его... потомком династии, происходящей от римских консулов и преторов! Дело в том, что Ягеллоны, как будет подробно исследовано в следующих главах – потомки Рюриковичей... Польский книжник Ян Остророг в речи, обращенной к папе Павлу II, поминал былые победы поляков и литовцев... над Юлием Цезарем!

Интересно, что у «античного» географа Страбона в XII книге его «Географии» упоминается некий Прусий, который «покинул Фригию на Геллеспонте» (т.е. у дарданелльского пролива – *А. Б.*) и основал на месте разрушенного города Киоса новый, который, не мудрствуя, в свою честь назвал Прусиадой, или Прусой...

Разумеется, это еще не доказательство. Нельзя утверждать со всей уверенностью, что Прусий Страбона имеет отношение к Прусу славянско-литовских летописей, от которого якобы и произошли Рюриковичи. И все же, свидетельство интересное...

Как видим, авторы из разных стран приводят разные версии и свои толкования, но все они сходятся в одном: по их глубокому убеждению, древние римляне обитали на Балтике в

одно время со средневековыми славянами. Другое дело, что забытые подробности всяк толкует по своему...

И мало того! Практически столь же повсеместно и не одно столетие держалось убеждение, что славяне были самым тесным образом связаны с... Александром Македонским! Только в восемнадцатом столетии, с распространением новой системы исторических знаний, были оттеснены в пыльные запасники, объявлены фальшивками, анахронизмами, вздором те старые рукописи, где настойчиво говорилось о неких «жалованных грамотах», данных Александром тому или иному славянскому народу: чешские, хорватские, болгарские, польские...

А известный персидский поэт Низами (умер около 1209 г.) в своих поэмах прямо пишет о сражениях Александра Македонского... с *русами* !

Андрей Лызлов уверен, о чем и пишет подробно, что татары в свое время изгнали из Скифии персидского царя Дария Гистаспа, убили персидского же царя Кира и победили одного из военачальников Александра Македонского.

Лызлов не фантазер и не фальсификатор – просто-напросто он, как и подобает историку, держится в русле исторических концепций своего времени. А в те времена, в конце XVII в., повторяю, концепции были совершенно другими. Согласно им, в Скифии обитали как раз татары, то и дело воевавшие с теми, кого сейчас принято считать героями «античных» времен. Чуть ли не каждый из западноевропейских путешественников, оставивших записки о посещении Московии в XVI-XVII вв., называет крымского хана... «скифским царем»!

Уже упоминавшийся историк Иордан сообщает, что Дарий Гистасп и Филипп, отец Александра Македонского, брали себе в жены дочерей готских королей, хотя, согласно нынешней хронологии, готов в те времена еще и на свете не было...

Согласно мнению византийских историков, тавроскифы – это русские турки – никакие не турки, а персы, Багдад – Вавилон. В XI веке византийские императоры считают свое золото в «античных» талантах (Калюжный и Жабинский). На страницах обширного труда «античного историографа Иосифа Флавия и библейский царь Ирод, и «древние римляне», и Александр Македонский постоянно сражаются с... арабами. «Иудейские древности» Флавия пестрят именами «арабских князей» и названиями мест, где происходили битвы с ними...

Я уже писал, что книга Бодена «Метод легкого познания истории» издана удручающе малым тиражом. Тем интереснее будет читателю, в руках ее не державшему, познакомиться с той системой истории, которую Боден излагает подробно. Итак...

О кельтах. «Они основали колонии не только в Италии, но также в Испании, Германии, Греции, Азии».

Согласно традиционной истории – сущий бред. Однако все становится на свои места, если допустить, что под «кельтами» имеются ввиду средневековые западноевропейцы. Крестоносцы, и в самом деле, основали на территории Греции не одно государство, а в Азии создали Иерусалимское и Латинское королевства. Другая фраза из Бодена, к сожалению, сегодня уже совершенно непонятна: «Факт, что Геродот, а затем и Диодор расширили кельтские границы в Скифии на запад». Сейчас уже не установить, пожалуй, какие реалии тут имелись в виду – быть может, генуэзские колонии в Крыму? Если так, то, выходит, придется многое пересмотреть – ведь, следуя Бодену, нужно переместить оттесненных в глубокую древность кельтов в средневековье...

Сделать это необходимо. Очень уж средневековыми выглядят пресловутые «древние германцы», описанные «античными» авторами – с гербами на щитах, с украшениями на шлемах, в точности повторяющих рыцарские... А даки?

«Древние» даки, воевавшие с римлянами на Дунае, в изображении современных историков выглядят такими же варварами, как лесные германцы и кельты – и не города у них были, а городища, не крепости, а попросту «укрепления». Правда, совершенно непонятно, отчего же с этими «городищами» и «укреплениями» столько лет возилась великая римская армия...

Вот выдержки из книги С. М. Рубцова «Римские легионы на Ближнем Дунае»: на колонне Траяна «...дакийские вожди показаны со щитами, имеющими геометрические украшения в виде ромбов, знаков зодиака, особенно луны и звезд».

Это – дословное описание щитов раннего средневековья, как раз и украшенных ромбами, полумесяцами и звездами. Всевозможные геральдические звери и птицы появились несколько позже...

А вот как выглядели шлемы даков. «Их навершие вместе с металлическим гребнем изогнуто вперед. Различный по размеру гребень на конце скошен под углом или закруглен, украшен накладками в виде овалов и перекрестий. Широкая металлическая полоса, скрепляющая основание шлема, имеет растительное оформление, напоминающее венки из цветов или листьев. Некоторые разновидности данного типа оснащались бармицами, сделанными из треугольных или ромбовидных чешуек, нащечниками трапециевидной формы. Необычен... один из экземпляров... с коротким гребнем, сетчатой бармицей и скошенными узкими нащечниками без треугольного выреза в центре, богато украшенный на верхушке изображениями скрученных лоз винограда...»

И это – в «первой половине I тыс. до н.э.»?! И это изготовлено варварами у примитивного очага в «городище»? Ерунда! Перед нами – описание предмета, который могли изготовить исключительно мастера, владеющие высокими для своего времени технологиями. Нормальный средневековый шлем.

А дальше Рубцов сообщает, что дакский меч «махайра» или «фальката»... превосходил римский! Поскольку им можно было наносить не только рубящий удар, как римским гладиусом, а еще и колющий. Сравнительно короткий и прямой гладиус не всегда мог выдержать конкуренцию с изогнутой «фалькатой».

Как выглядели воины союзных дакийскому царю Децебалу народов... простите, «племен»? «Сарматский защитный доспех был абсолютно непроницаем для стрел и камней, но очень громоздок и тяжел, так павший всадник без посторонней помощи встать не мог... броней были покрыты как всадник, так и его конь...»

И буквально в следующем абзаце Рубцов пишет следующее: «Таким образом, армия Децебала по уровню своей организации еще не преодолела рамки племенного ополчения, а в области вооружения значительно проигрывала римским легионам!»

Лично я не в состоянии охарактеризовать мыслительные процессы, происходящие в мозгу авторов, подобных В. Рубцову. Он *сам*, всего парой-тройкой страниц ранее писывал дакийские мечи, превосходящие римские. Тяжеловооруженных всадников в броне, не имеющих аналогов в римской армии. И вдруг эта закованная в доспехи тяжелая рыцарская кавалерия становится «племенным ополчением», «проигрывающим» в области вооружения римским легионам!

Что поделаться, очень уж прихотливые зигзаги должно выписывать перо ученого, бьющегося в рамках традиционной истории, как рыбка об лед. С одной стороны, умолчать о коннице в броне, о ее рубяще-колющих мечах, стальных боевых топорах, великолепной работы шлемах решительно невозможно. С другой, следует то и дело напоминать читателю, что противостояли Риму «отсталые племена», жившие в «городищах»...

Бред собачий. Если дак превосходил римлянина в оружии и броне, значит, и технологии, и ремесла, которыми владели даки, превосходили римские. Оружие, и наступательное, и защитное, – продукт технологий. Вывод прост: по развитию даки как минимум не уступали римлянам – у них просто обязаны быть не «городища», а полноценные города, не «укрепления», а нормальные крепости, а также высокоразвитое искусство обработки металлов, художественнаяковка...

Никакая это не «античность» – это нормальное средневековье!

Вернемся к Бодену. «Ассирийцы разбили халдеев, греков, римлян, парфян, персов, турок, готов и татар».

Вот так. По мнению историка середины XVI в., все перечисленные им народы – современники. Наверняка так и было – еще не сочинена скалигеровская хронология, нет

никаких «разрывов» и «промежутков» длиной в тысячелетие...

«Галлы терпели многочисленные притеснения от англичан на своей собственной земле и часто уступали им свою территорию».

Есть в мировой истории одно-единственное событие, которое можно описать подобными словами: Столетняя война. «Галлы» – это, конечно, французы. В своей книге Боден лишь один раз называет французов «французами», короля Карла «Карлом Французским». Во всех остальных случаях он именует своих соотечественников «галлами»: Людовику XI, королю Галлии, серьезно угрожали заговоры принцев крови.

«...в 1524 г., когда Галлия была взбудоражена гражданскими распрями...», «Король Галлии сам был захвачен в плен, а немного позднее Рим был взят испанцами...»

Делаем важный вывод: многие «античные» книги, где упоминаются «Галлия» и «галлы», вполне могут описывать как раз средневековые события. Доказательств тому в рамках «короткой хронологии» масса.

«Я не рассматриваю здесь случаи проникновения и расселения в Европе и Азии скифов, парфян, турок, татар, московитов, готов...» Ах, мэтр Боден, мэтр Боден, ну что вам стоило?! Рассмотрите вы эти случаи подробно, смотришь, удалось бы выбить еще один табурет из-под ног творцов скалигеровской хронологии... Я не в состоянии дать комментарии к вышеприведенной цитате – потому что мы уже попросту не понимаем, о чем идет речь. А вот Боден понимал прекрасно – в его времена это считалось скучной банальностью, недостойной подробного рассмотрения...

Следует подробно рассмотреть все, что Боден знает о скифах...

«Скифы, напротив, менее годны к размышлению, чему виной избыток в них крови и особые склонности, из-за которых разум порой настолько угнетен, что редко проявляется. В силу этого они правильно стали проявлять интерес к тем вещам, которые подвластны чувствам, упражняясь в ручных ремеслах и изобретениях. Поэтому от северян пришли так называемые механические изобретения – орудия войны, искусство литья, печатание и все, что связано с обработкой металла. Немец Агрикола упрекал Аристотеля и Пиния в незнании всех этих вещей, в которых они, по его мнению, ничего не понимали».

Потрясающие фразы! Ошеломительные... Книгопечатание, литье и все, что связано с обработкой металлов, изобрели скифы – и «немец Агрикола» упрекает «античных» Аристотеля и Плиния за то, что они, по его мнению, плохо разбираются в этом вопросе! Между прочим, Георг Агрикола, настоящая фамилия Бауэр, физик, химик и минералог, родился в 1494 г. и умер в 1555-м г. Коли уж он упрекал «античных» Аристотеля и Плиния в незнании предмета, они могли быть его современниками, и никак иначе! Никто же и не думает упрекать сегодня, скажем, Лейбница, за то, что тот плохо разбирался в кибернетике. Подобного рода дискуссии ведут между собой живущие...

Так когда же жили «античные» Аристотель и Плиний?

Боден: «Гален жаловался, что ни одного философа не пришло из Скифии, хотя было много из Греции».

Понять эту фразу можно одним-единственным образом: Скифия находилась на такой стадии развития, что там вполне следовало ожидать появления философов. Значит, ее жители мало походили на тех кочевников и скотоводов, каких нам рисует традиционная история...

«Император Юлиан писал: «Кельты не одарили мир трудами по философии или по математическим дисциплинам, но они интересовались логикой и риторикой».

Логика и риторика в дремучих дебрях, где якобы только и обитали «традиционные» кельты?! Интересно...

«Арабы и карфагеняне, т. е. те, кого в древности называли сарацинами...»

Значит, возможен и обратный процесс? Все, что в традиционной истории приписывается *средневековым* сарацинам, как раз и относится к карфагенянам. Следовательно – Карфаген – *средневековая* держава!

Никто не стремился поселиться в Скифии, хотя сами скифы завоевали Испанию,

Италию и Грецию, в Галлии они были разгромлены».

Без комментариев. Хотя в голову закрадывается еретическая мысль, а что, если Фоменко не так уж не прав со своей Империей? «Скифы почти всегда устремляются со своими бесчисленными легионами с севера в средние районы...»

«Славы из той же Скандинавии ворвались в Паннонию во времена Юстиниана; потом этот народ наводнил всю Европу, принеся свой язык и названия. Я слышал, что богемцы, поляки, литовцы, далматии, московиты, боснийцы, болгары, сербы и вандалы говорили на этом языке славов, принесенном ими из Скандинавии и отличающемся только в диалектах».

Решено. С этого момента я полностью прекращаю иронизировать в адрес «Великой империи» Фоменко – на всякий случай, чтобы не ежиться потом от неловкости...

«И лишь парфяне, турки и татары ведут свое начало от азиатских народов Скифии».

Великолепно!

«Затем уже перемешавшиеся народы Италии вновь смешивались с аркадийцами, троянцами, сикамбриями, галлами, греками, готами, гуннами, вандалами, герулами, лангобардами, карфагенянами и норманнами... Поэтому один народ оказывается разбросанным в Халдее, Парфии, Индии, Галлии, Греции, Италии, Испании, Германии и Африке».

Еще раз обратите внимание: все вышеперечисленные Боденом страны и народы определенно существуют *одновременно*, ведать не ведая, что впоследствии их «разведут» по разным тысячелетиям. Один народ может оказаться разбросанным в «античной» Парфии и средневековой Франции-Галлии только в том случае, если обе страны расположены на *одном* историческом отрезке.

«Что приносит правителям парфян и турок такую славу?» Великолепное построение фразы! «Приносит» – так можно писать только о своих современниках. Иначе Боден написал бы «приносило». Значит, Парфянская держава существовала во времена Бодена? А как иначе прикажете понимать?

«...Арабскую империю, которая захватила Вавилонскую империю...» В традиционной истории «древних» вавилонян и арабов разделяют тысячелетия – но Боден-то жил во времена, когда традиционную историю еще не сочинили...

Боден об отсчете времени у мусульман: «...арабы начинали от Хиджры, т. е. от битвы Мухаммеда, которая произошла в 592 г. (так!) от Рождества Христова... из этого понятно, что люди, которые датируют Хиджру 491-м годом от Рождества Христова, ошибаются так же, как и Генебрард, который начинал с 621 года».

Сегодня Хиджру мы отсчитываем с 622 г. – но, как только что выяснилось, так было далеко не всегда. Во времена Бодена существовало как минимум три мнения: 491, г., 592 г., 621 г. Вы понимаете, в чем дело?! Сегодня мы датируем любой документ с мусульманским летоисчислением, взяв точкой отсчета 622 г. – но при таком установлении ошибки неизбежны, и серьезнейшие. Потому что неизвестно, которую точку отсчета брал древний автор...

«Древние восхваляли и мавров, потому что те были весьма искусны в верховой езде и одержали знаменитую победу под руководством Ганнибала над римлянами...»

Каково?! Средневековые мавры во времена Ганнибала! Еще одно доказательство в пользу того, что Пунические войны происходили в Средневековье, Ганнибал, вероятнее всего, был правителем Испании, а под «Карфагеном» имелась в виду испанская *Картахена*

...

«Скотты не любили англичан, саксонцев, впрочем, не любили они и тех, кого мы называем турками. Полагая, что эти названия слишком громко звучат, они называли всех сарацинами».

Вот так. «Скотты» – это шотландцы. Еще одна зарубка на память: кое-что из описанных авторами средневековья деяний «сарацин», как только что выяснилось, может относиться к англичанам, саксонцам... А вот на «турках» придется оборвать цитату. Потому что мы сегодня не знаем, кого имел в виду Боден. Вполне может оказаться, что «турками»

Боден и мы называли совершенно разные народы. Такое бывало не раз. Византийский император Константин Багрянородный, например, именовал «турками» тех, кого мы сегодня называем венграми. А иные турецкие книжники считали турками... русских. Такие дела.

«Египтяне под предводительством их правителя Даная пришли на поселение в Грецию».

Это еще что такое? Традиционной истории такие переселения неизвестны. Но сегодня уже не понять, кого называл Боден «египтянами».

«Хананеи, вытесненные евреями из благодатной Палестины, отошли в Иллирию и Паннонию».

Опаньки! Короткая фраза – но сколько информации к размышлению!

Иллирия – это, грубо говоря, в Югославии. Паннония – западная Венгрия. Господа, а ведь Палестина должна располагаться где-то рядышком! Во-первых, не говорится, что хананеи «отплыли» – они «отошли». Следовательно, уходили по суше. И не очень уж далеко отошли, надо полагать. Во-вторых, в «короткой хронологии» давным-давно бытует довольно убедительная и аргументированная гипотеза о том, что библейская Палестина располагалась не на Ближнем Востоке, а в Европе. Иосиф Флавий, кстати, пишет, что в Палестине частенько шел снег – и не он один. А вам известно, кстати, что общего между библейским полководцем Иудой Маккавеем и европейским королем Карлом Мартеллом?

Прозвище. «И «Маккаби» на иврите и «Мартелл» на латыни означают одно и то же: «Молот». Это, конечно, не доказательство, но, как писал Ломоносов, «вероятности отрещись не могу»...

Интересно, можно ли считать доказательством следующую цитату из Бодена? Достаточно порассуждав о древности тех или иных королевских и дворянских родов, он завершает пассажем, уместным лишь в рамках «новой хронологии»: «В Галлии и Испании наиболее древним родом из всех, как представляется, является род Левитов, который начинается от Левития, поэтому правители абиссинцев и израильтян называются нобилиями».

Каково? Самые знатные роды во Франции и Испании происходят от библейского рода Левит! Так где располагалась библейская Палестина?!

«...монархия ассирийцев от царя Нина до Александра Великого...»

По «короткой» хронологии Александр Македонский оказывается даже и не македонцем вовсе, а последним правителем ассирийской державы, вовсе не сгинувшей бесследно во тьме веков...

А заголовки книг своих предшественников, которые старательно перечисляет Боден! Это – отдельная песня...

Евагрий Схоластик. Шесть книг о римской церкви империи от 435 до 595 г. от Рождества Христова. И примечание Бодена: «он начинается там, где заканчивается Троянская История».

Вот так-то. Еще во времена Бодена считалось, что троянская история закончилась не за тысячу с лишним лет до Р.Х. – а в 435 г. от Рождества Христова! Полностью согласуется со многими положениями «новой хронологии».

«Турпиан и Эйнград. Жизнеописание Карла Великого: две книги – основные периоды правления Карла Великого, третья – до 1490 г.»

Если кто запомнил – в традиционной истории Карл Великий скончался в 814 г. Современники Бодена считали иначе...

Подведем некоторые итоги. Их очень просто сформулировать: до восемнадцатого столетия, когда окончательно утвердилась «длинная» скалигеровская хронология, продукт оккультных чернокнижных забав, существовала совершенно другая концепция всеобщей истории, хронологии, политической географии. Не зная, в частности, никаких «темных веков», никакого тысячелетнего разрыва меж «античностью» и средневековьем. Восстановить в целостности ее сегодня вряд ли удастся – но ее остатки слишком многочисленны и потому избежали уничтожения.

К сожалению, судьба сыграла с Жаном Боденом скверную шутку: именно он, высчитывая новую хронологию, оказался одним из создателей исторической системы, отвергнувшей его собственные исторические труды, превратившей их в «скопище анахронизмов»...

В «Диалогах» Платона совершенно определено речь идет об Америке – «противолежащая земля за океаном» может быть только Америкой, и ничем другим. Равным образом и «Новый Свет», упоминаемый в книгах Флавия, может оказаться только Америкой... но вряд ли были возможны регулярные трансокеанские плавания в «античную», не знавшую конуса эпоху. Так когда же писали Платон и Флавий?

Есть и любопытные материальные свидетельства. Официальная наука их не то чтобы не признает, но ввиду их вызывающей *неправильности* старается упоминать пореже.

В конце двадцатого столетия германские ученые обнаружили в «древнеегипетских» мумиях кокаин и эвкалиптовое масло. Кокаин добывают из листьев коки, а кока растет исключительно в Южной Америке. Эвкалипты произрастают в Австралии. Исследования были проведены по всем правилам науки, отрицать их невозможно.

Обнаружена «древнеримская» мозаика с изображением ананаса, опять-таки сугубо американского фрукта. А по ту сторону Атлантики при обстоятельствах, исключающих розыгрыш, обнаруживали «древнеримские» монеты.

Быть может, все вышеперечисленные «странности» как раз и объясняются тем, что мумии бальзамировали уже после плаваний испанцев в Америку и открытия европейцами Австралии? А Платон и Флавий творили веке в шестнадцатом от Рождества Христова? И «древнеримская» вилла, украшенная мозаикой с ананасом, на самом деле принадлежит позднему средневековью?

Кстати, в рамках «новой хронологии» пресловутые «древние гальванические элементы», обнаруженные на Ближнем Востоке, вполне могут оказаться плодом трудов какого-то лихого экспериментатора, жившего совсем незадолго до Вольта и Гальвани.

Пока что и книги Платона с Флавием, и все вышеописанные «несуразицы» всюду эксплуатируются уфологами, атлантоманами и прочей публикой того же пошиба, талдычащей о «засекреченных знаниях» древних и «трансoкеанских плаваниях задолго до Колумба». Что ж, в рамках скалигеровской хронологии иного не стоило и ждать...

Изображенная на *рис. 6* труба с колесами – несомненно пушка, других объяснений попросту не может быть. Однако миниатюра датирована десятым столетием от Р. Х. Вариантов два: либо пушки появились гораздо раньше, чем уверяет официальная история, либо до сих пор что-то не в порядке с датировкой средневековых рукописей.

Да, еще один «горячий» факт, взятый из купленной несколько часов назад книги.

В начале двадцатого столетия югославский ученый Жуйкович утверждал, что сумел расшифровать так называемые «славянские руны», обнаруженные в Италии. Научный мир его расшифровку отверг по крайне весомой, как казалось, причине... Дело в том, что Жуйкович упорно доказывал, что в той надписи присутствовало слово «краль», т.е. король. Его оппоненты возражали: всем известно, что слово «король» вошло в европейские языки лишь после смерти Карла Великого – а меж тем рядом с рунами изображены древнеримские воины в классическом облачении...

В рамках «новой хронологии» расшифровка Жуйковича выглядит совершенно правильной – о чем ученый уже, к сожалению, не узнает.

Итак? Неладно что-то в историческом королевстве. В свое время математик М. М. Постников четко и недвусмысленно определил причины, по которым он стал убежденным морозианцем: «Науку должны развивать специалисты, и только специалисты, но вместе с тем специалисты должны четко и убедительно отвечать на недоуменные вопросы профанов и разъяснить им, в чем они не правы. Как раз этого автор и не смог добиться от специалистов-историков».

Дополню от себя: по моему глубочайшему убеждению, нужно проделать довольно простую вещь: расширить круг специалистов, привлекаемых к решению исторических

загадок. Работы группы Фоменко, несмотря на все их недочеты и неряшливость в выводах, все же крайне важны для процесса, начатого еще ученым иезуитом.

Вторжение математиков в научные дисциплины, считавшиеся вотчиной «чистых» историков – вещь нужная и полезная. В конце концов, никто не отрицает физики как науки только на том основании, что она когда-то всерьез верила во флогистон и «мировой эфир». Почему же отдельные ошибки Фоменко должны служить поводом для вовсе уж шизофренической реакции иных столпов скалигеровщины? Между прочим, эти субъекты совершенно лишены логического мышления. Кое-кто из них, как водится, требуя «тащить и не пущать», настаивал, чтобы отныне все книги, так или иначе затрагивающие проблемы истории, предварительно проходили бы *цензуру* профессиональных историков, наделенных правом разрешать и запрещать. Никому и в голову не пришло, что, согласно строгой логике, возможен и *обратный* процесс. Скажем, академик Фоменко вправе со всей серьезностью требовать, чтобы любая рукопись исторического труда, содержащего те или иные математические выкладки, сначала передавалась для цензурирования математикам! А как же иначе? Ведь в математике крутой профессионал – как раз Фоменко...

Одним словом, исторической науке нужны новые специалисты, скажем, инженеры, способные сухой алгеброй поверить «баснословие еллинское», как выражался Ломоносов – то есть волшебные сказки о таранах в сто пятьдесят тонн весом, бравенько едущих на шести деревянных колесиках без всяких осей. Экономист с позиций *своего* профессионального знания должен определить, если ли хоть зернышко истины в рассказах о том, как вопреки здравому смыслу и оральным невеликими возможностями «античного» государства по царскому «повелению» воздвигались амфитеатры, в которые люди, не знавшие примитивных насосов, как-то ухитрились все же закачивать в сжатые сроки миллионы кубометров воды. За «математическим» призывом должен последовать «инженерный».

Поле деятельности здесь колоссальное – нужно проверить массу трактатов и хроник, рассматривая каждый случай по отдельности:

могли ли существовать и плавать исполинские корабли-дворцы, описанные авторами «античности»? Могли ли стрелять катапульты? В состоянии ли были римляне строить каждый вечер приписываемые им военные лагеря? Мог ли удержаться всадник в тяжелой кольчуге на коне без стремян?

И так далее, и так далее. Целина совершенно непахана, и редкие прорывы не спасают дела. Стоило одному искусствоведу Жабинскому, засучив рукава, подступить к бастионам скалигеровщины, как иные из них оказались картонными... А если толковых искусствоведов будет десять? Если целая бригада инженеров и экономистов Карфагеном пройдет по «античности»? Результаты, цинично пророчествуя, могут оказаться ошеломительными...

Иных упертых это ни в чем не убедит – да и чисто по-человечески можно понять упорствующих. Представьте себе реакцию человека, с грехом пополам защитившего очередную диссертацию, что-нибудь вроде «К вопросу о незнании древними римлянами стремян», если внезапно будет доказано нечто совершенно противоположное?

А в общем, рекомендую всем заинтересованным лицам книгу француза Марка Ферро «Как рассказывают историю детям в разных странах мира». Потрясающее исследование тех садистско-хирургических манипуляций, которые в угоду «политическому моменту» проделывают с историей в разных уголках света...

И еще. Уж нам-то, многострадальным россиянам, следовало бы помнить, какие пируэты выписывала наша собственная история на протяжении последних восьмидесяти лет. Сначала со всем нашим прошлым, имевшим несчастье быть до 1917 г., поступили так, что Прокруст удавился бы от зависти, осознав мелкотравчатость своей жалкой личности. Потом «царская» история была кое-как разрешена к изучению, зато начались половецкие пляски уже с новой, советской. Сначала не только со страниц книг, но даже с фотографий исчезли Троцкий и Бухарин, а далее – маршалы и наркомы в немалом количестве. Хрущев реабилитировал маршалов и наркомов, но Троцкого не вернул – зато отовсюду исчез уже Сталин, превратившись в трудах по военной истории в безликую «Ставку». Чуть позже ту же

методику опробовали на самом лысом кукурузнике, канувшем в совершеннейшее забвение. А еще попозже... Ну, что мне вам объяснять? Россия, как известно, страна с непредсказуемым прошлым.

И вот теперь мы, пройдя столь суровую школу, всерьез отказываемся от теории о многовариантности истории? Право же, мужики и дамы, мы слишком самонадеянны, ленивы и нелюбопытны...

А посему – наши забавы продолжаются. Напоминаю лишний раз: я, боже упаси, не претендую на «научность». Я просто-напросто хочу разобраться в нелогичностях и распутать противоречия. Заранее прошу прощения за толику вульгарности, за нотки цинизма порой, за ненаучную лексику и за стремление называть вещи своими именами, и за «поверхностную залихватскость», и за...

Ну, что поделать. Академизм – это то, что я терпеть не могу. И утешает одно: за семь лет, прошедших с момента выхода первого варианта «России, которой не было», ни один интеллигент серьезно не пострадал при прочтении. Мелкие интеллектуальные травмы – не в счет. Это излечимо.

Итак... Все мы, конечно, хоть краешком уха, да слышали что-то о крещении Руси.

Не рассмотреть ли вдумчиво, как тысячу лет назад дело обстояло?